

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.346.32–053.6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ (по результатам социологического опроса)

С. Г. Ивченков

Саратовский государственный университет
E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

В статье по результатам социологического исследования раскрываются основные виды социально-экономического поведения молодежи в сфере занятости, раскрываются факторы и отличительные особенности, противоречия в современных российских условиях.

Ключевые слова: молодежь, занятость, виды социально-экономического поведения, трудоустройство.

Social and Economic Behavior of the Modern Russian Youth in the Employment Sphere (from Survey Results)

S. G. Ivchenkov

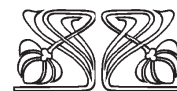
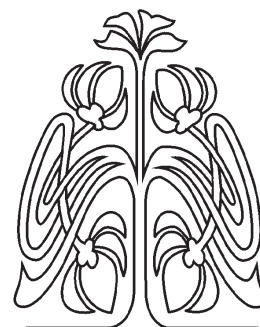
The paper summarizes the results of our sociological survey and discloses principal kinds of the social and economic behavior of youth in the employment sphere, reveals factors and distinctive features, contradictions in modern Russian conditions.

Key words: youth, business, social and economic behavior kinds, employment.

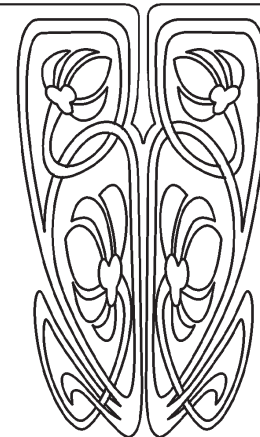
Достижение высокого уровня занятости – одна из основных целей макроэкономической политики государства. Экономическая система, создающая дополнительные рабочие места, ставит задачу увеличить количество общественного продукта и тем самым в большей степени удовлетворить материальные потребности населения. При неполном использовании имеющихся ресурсов рабочей силы система работает, не достигая границы своих производственных возможностей. Немалый урон безработица наносит и жизненным интересам людей, не давая им возможности приложить свое умение в том роде деятельности, в каком человек может наибольшим образом проявить себя. Это особенно болезненно переносит молодежь, для которой самореализация имеет важное значение.

В современных российских условиях молодое поколение в большинстве своем оказалось без надежных социальных ориентиров из-за разрушения традиционных форм социализации, основанной на социальной предопределенности жизненного пути. В условиях предпринимаемых реформ, формирования рыночных отношений молодежь как важнейшая социально-демографическая группа общества оказалась в трудной ситуации. Значительная часть ее объективно не готова к деятельности в условиях рынка. Многие молодые люди не имеют ни специальности, ни квалификации, а тем более опыта успешной конкуренции на рынке труда.

Темпы роста молодежной безработицы существенно выше, чем среди всего трудоспособного населения. Меры по улучшению положения юношей и девушек на рынке труда, принимаемые на государственном уровне, не всегда учитывают специфику молодежи, ее роль для настоящего и будущего социально-трудовой сферы России. Подобная ситуация наблюдается как по всей России, так и в регионах, например в Саратовской области.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Статистические данные за последние годы¹ свидетельствуют о росте доли молодежи в составе граждан, обратившихся в службу занятости за помощью в трудоустройстве. Вместе с этим растет доля выпускников высших учебных заведений, которые не могут найти работу по специальности, что свидетельствует об отсутствии связи между потребностями рынка труда, программами по подготовке специалистов в учебных заведениях и стратегиями молодежи. Это снижает эффективность усилий, направленных на продуктивное включение молодого поколения в производство, негативно отражается на его социальном и материальном положении, ухудшает перспективы общественного развития.

Современный рынок труда в России в целом и Саратовской области в частности обладает рядом специфических черт, которые обусловлены сложившимися социально-политическими и экономическими условиями. Он все еще дифференцирован, поскольку функционирует под воздействием экономической стагнации и в условиях многоукладной экономики, неразвитости рынков инвестиций, информации, которую сдерживает перелив капитала и труда между отраслями и регионами страны, усиливая разбалансированность спроса и предложения рабочей силы. Государственный сектор экономики в настоящее время не только сокращает свои масштабы, но и утрачивает однородность. Вновь образующиеся организационные структуры не поглощают полностью избытка рабочей силы, высвобождаемой с государственных предприятий, что приводит к сокращению общего числа рабочих мест, а следовательно, снижению спроса на рабочую силу среди молодежи, обуславливая специфику ее социально-экономической деятельности в сфере занятости. Это и стало причиной проведения социологического исследования «Экономическое поведение молодежи в сфере занятости» в 2011–2012 гг. в г. Саратове методом анкетирования (N = 450 представителей молодежи в возрасте от 15 до 29 лет, отобранных по квотно-территориальной выборке, из них 49,3% юношей, 50,7% девушек; в возрасте от 25 до 29 лет – 39,3%; от 20 до 24 лет – 42,7%; от 15 до 19 лет – 18%, что соответствует гендерному и возрастному распределению генеральной совокупности).

Под молодежью в ходе исследования понималась особая социально-демографическая группа, обладающая присущими ей потребностями и интересами и занимающая специфическое место в воспроизводстве трудовых отношений. Ее социально-экономическое поведение в сфере занятости – это многоуровневый комплекс целенаправленных индивидуальных и групповых действий, которые определяют направленность и интенсивность реализации человеческого потенциала в процессе трудовой деятельности, в которой выявляются их конкретные потребности, интересы, обусловленные коллективными и

индивидуальными нормами, установками и ценностями стратегического или инструментального порядка.

Как субъект социально-экономического поведения в сфере занятости молодежь отличается высоким уровнем мобильности, обучаемости, коммуникативности, быстрее адаптируется к новым условиям. Однако у нее есть ряд проблем. При общем росте числа молодежи, обращающейся в службу занятости за содействием в трудоустройстве, сокращается ее занятость одновременно с относительным уменьшением реальной заработной платы. При этом наблюдается рост числа молодежи, впервые вышедшей на рынок труда и не имеющей профессиональных навыков и опыта. Фиксируется увеличение численности молодежи, остающейся вне поля зрения государственных образовательных и социальных учреждений, служб занятости. Рост уровня безработицы среди молодежи сопрягается с обострением конкуренции за рабочее место. Увеличивается доля начинающих трудовую деятельность с низким уровнем образования и не имеющих желания продолжать обучение. Отмечается трудовая нестабильность молодежи, сопряженная с призывом юношей в армию, декретными отпусками и отпусками по уходу за ребенком для девушек.

Появились устойчивые маргинальные группы самой молодой части молодежи, не имеющей профессиональной подготовки, среднего образования, твердых социально-нравственных ориентиров. Они чаще всего попадают в сферу неформальной экономики, в том числе ее криминальный сегмент. Большинство молодых людей не осведомлены о состоянии спроса на рабочую силу на территориальных рынках труда.

Подростковая группа (до 18 лет) представляет в основном учащихся средних школ и профессиональных училищ. Как правило, они не вовлечены в трудовую деятельность. Однако значительное снижение жизненного уровня большей части населения изменило жизненную позицию этой категории молодежи. Многие из них стремятся заработать деньги, вступают на рынок труда, пополняя ряды безработных. Чаще всего – это самозанятость вроде мойки автомашин и торговли газетами или работа в теневом секторе экономики. Легальный рынок неквалифицированного детского труда крайне узок. Поэтому если не решить проблему государственного контроля за занятостью этой молодежной группы, то возникнет опасность увеличения криминального потенциала общества².

Молодежь в возрасте 18–24 лет – это студенты и молодые люди, завершающие или завершившие в основном профессиональную подготовку. Они являются самой уязвимой группой, вступающей на рынок труда, так как не имеют достаточного профессионального и социального опыта и в силу этого менее конкурентоспособны.

В 25–29 лет молодые люди, которые уже сделали свой профессиональный выбор, имеют определенную квалификацию, некоторый жизненный и профессиональный опыт. Они знают, чего хотят, чаще всего уже имеют собственную семью и предъявляют достаточно высокие требования к предлагаемой работе, особенно с позиций оплаты труда и карьерного роста. Мобильнее оказалась возрастная группа респондентов от 20 до 24 лет, однако наиболее непостоянной является возрастная группа от 15 до 19 лет, среди которых больше занятых в теневом бизнесе и работающих эпизодически.

Как показали наши исследования, 44% молодежи в своей работе хотели бы достичь достойного заработка, 17,4% выбрали карьерный рост, 14% отметили повышение квалификации, 13,6% – получение опыта работы, 11% – приобретение профессиональных знаний и навыков. Следовательно, по результатам опроса выявлено доминирование прагматической модели социально-экономического поведения молодежи в сфере занятости, когда профессиональное самоопределение ставится в жесткую зависимость, прежде всего, от материального вознаграждения. При выходе на рынок труда жизненные планы молодежи, в первую очередь, ориентированы на поиск постоянного места работы, на получение достойного заработка, большинство молодых людей стремятся совершить свой карьерный и профессиональный рост, повысить квалификацию, приобрести опыт в работе.

Больше половины молодежи работают на негосударственных предприятиях и в организациях (69,3%), однако не каждый удовлетворен местом работы. Что касается сферы занятости, то 27,3% респондентов трудоустроились в сферу торговли и общественного питания, 12% – в сферу транспорта и связи, 9,3% – в сферу строительства, 8,7% – в сферу промышленности. Большинство опрошенных не стремится отправиться в «самостоятельное плавание», не хочет открыть собственное дело. Совпадение полученной специальности с профессиональной деятельностью респондентов наблюдается только у половины опрошенных. Сменить место работы ради более высокой заработной платы готовы 70%. Многие молодые люди хотят повышения внешнего контроля над процессом безработицы, разработки программы, гарантирующей социальную защиту безработных.

Проведенный анализ позволил выделить несколько видов социально-экономического поведения молодежи в сфере занятости: 1) конформный, когда человек не тратит времени и сил на длительный поиск работы, соглашаясь на первое попавшееся предложение; 2) перспективный, когда человек платит за обучение, временно живет без дохода, затем эти потери должны компенсироваться повышенным вознаграждением благодаря накопленному челове-

ческому капиталу; 3) мобильный, когда происходит постоянный поиск и смена рабочих мест, причем поиск ведется часто в условиях, когда молодые люди уже имеют работу; 4) буферный, когда происходит поиск дополнительного заработка к основному. Учет этих разновидностей необходим для более глубокого понимания молодежных проблем.

В результате анализа данных можно утверждать, что на социально-экономическое поведение молодежи влияют гендерные, образовательные и возрастные характеристики. Юноши более мобильны в сложившейся ситуации на рынке, используют больше возможностей для поиска работы и применяют современные технологии. Женщины, в свою очередь, более пассивны, возлагают надежды в поиске работы на государство. Доминирующей сферой деятельности для мужчин и женщин является торговля как фактор экономической обусловленности современного общества. Однако юноши более склонны к сферам деятельности, требующим применения физического труда, – строительство, промышленность, транспорт. Женщины тяготеют к бумажной работе, науке, культуре и бытовому обслуживанию. Девушки в большей степени испытывают потребность в динамичной профессиональной деятельности и наличию коммуникативных аспектов, им также необходима стабильность в виде социальных гарантий и перспектив карьерного роста. На удовлетворенность юношей трудовой деятельностью, в первую очередь, влияет экономический аспект – зарплата, возможности карьерного роста, а только затем – климат внутри коллектива и характеристики самой профессии.

Важно усовершенствовать систему профориентации, повысить престиж нужных, прежде всего промышленности, профессий, обеспечить социальную защищенность и профессиональное продвижение молодежи. Иными словами, речь должна идти о реформировании системы профессионального образования и учреждений занятости с учетом всего комплекса проблем занятости молодых россиян. Для того чтобы молодые люди меньше испытывали проблемы, связанные с их первой работой, организация может предоставлять претендентам еще на стадии найма максимально реалистическую информацию о будущих условиях труда; поддерживать первоначальную инициативу новичков, давая им возможность проявить свои профессиональные способности в полном объеме; обеспечить выбор руководителей-наставников, способных направить новичка в его профессиональных устремлениях.

Примечания

¹ См.: Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : стат. сб. / Росстат. М., 2011 ;

Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года : стат. бюлл. М., 2010 ; Социальное положение и уровень жизни населения Саратовской области. 2010 год : стат. сб. / Территориальный орган

Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2011.

² См.: Гимпельсон В. Е., Капельюшников Р. И. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопр. экономики. 2006. № 1. С. 34.

УДК 316.032. (314.643.2)

ОБРАЗ ЖИЗНИ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИЗУЧЕНИЯ

Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет
E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

В статье предлагается социологическое определение многодетной семьи. По результатам социологического исследования раскрываются основные виды многодетных семей по критерию социальной ответственности и отношению к здоровому образу жизни, выделяются социальные проблемы многодетности как факторы их здравоохранительной деятельности.

Ключевые слова: многодетная семья, здоровый образ жизни, здравоохранительное поведение, социальное здоровье.

Large Family's Way of Life: a Sociological Aspect of Studying

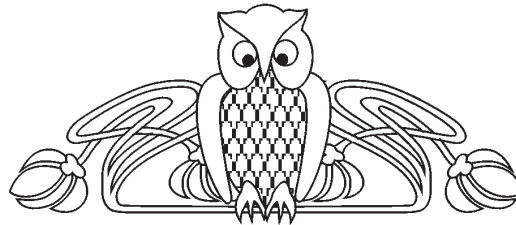
N. V. Shakhmatova

The paper offers a sociological definition of the large family; principal kinds of large families are resolved by the results of our sociological survey by the criterion of social responsibility and relation to a healthy way of life, social problems of the possession of many children as factors of their health protection activity are emphasized.

Key words: large family, healthy way of life, health protection behavior, social health.

На новом витке общественного переустройства, переживаемого в настоящее время Россией и ее регионами, именно семья, происходящие в ней изменения определяют во многом динамику демографической ситуации. Семья выполняет функции гаранта сохранения общечеловеческих ценностей, стража социального благополучия и здоровья подрастающего поколения. Поэтому не случайно именно многодетная семья сегодня, составляющая всего 3% российских семей, идеологически выдвигается В. В. Путиным в роли ориентира – символа модернизации социально-демографического поведения россиян. Однако в условиях малого города многодетная семья особенно часто сталкивается с целым рядом проблем как средового, так и ресурсного характера, что неизбежно сказывается на ее образе жизни, состоянии здоровья ее членов.

Проведенный анализ многочисленной литературы о семье показал, что изучение семейных отношений в социологии эволюционировало в направлении переноса акцентов с общих устойчивых объективных характеристик к поиску субъективных причин изменения семейных отношений с

точки зрения межличностного взаимоотношения ее членов. Сегодня доминирует подход, согласно которому семья – это одновременно социальный институт воспроизводства человека и малая группа, включающая отношения между мужем и женой, родителями и детьми, связанными общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

Исходя из этого, предлагается социологическое определение многодетной семьи. Это – социальный институт расширенного воспроизводства человека и малая группа, включающая отношения между супругами, родителями и троими и более детьми, связанными общностью быта, домохозяйства, взаимной социальной ответственностью и взаимопомощью, общим образом жизни. Это определение позволяет рассматривать многодетную семью как особую структурированную целостность, имеющую свою экономическую и социокультурную специфику, связанную с более интенсивными не только вертикальными связями между родителями и детьми, но и горизонтальными взаимодействиями между детьми. Поэтому ее следует рассматривать комплексно, с учетом всех объективных, средовых и субъективных характеристик. Комплексный подход предполагает выявление компонентов ее внешних и внутренних связей, целей функционирования, характера взаимодействия ее членов, образа жизни.

Неоднородность многодетных семей позволяет выделить ее типы по различным критериям. Так, по количеству родителей можно выделить: полные многодетные семьи, где присутствуют оба родителя троих и более детей; неполные многодетные семьи с одним родителем и детьми; расширенные многодетные семьи, где, наряду с родителями и детьми, проживают и ведут общее хозяйство другие близкие родственники (бабушки, дедушки и пр.). По мотивированности и социальной ответственности можно выделить: семьи, многодетность в которых запланирована; семьи, образовавшиеся в результате второго и последующих браков одного из родителей, в которых рождаются новые дети; семьи, где многодетность

Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года : стат. бюлл. М., 2010 ; Социальное положение и уровень жизни населения Саратовской области. 2010 год : стат. сб. / Территориальный орган

Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2011.

² См.: Гимпельсон В. Е., Капельюшников Р. И. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопр. экономики. 2006. № 1. С. 34.

УДК 316.032. (314.643.2)

ОБРАЗ ЖИЗНИ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИЗУЧЕНИЯ

Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет
E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

В статье предлагается социологическое определение многодетной семьи. По результатам социологического исследования раскрываются основные виды многодетных семей по критерию социальной ответственности и отношению к здоровому образу жизни, выделяются социальные проблемы многодетности как факторы их здравоохранительной деятельности.

Ключевые слова: многодетная семья, здоровый образ жизни, здравоохранительное поведение, социальное здоровье.

Large Family's Way of Life: a Sociological Aspect of Studying

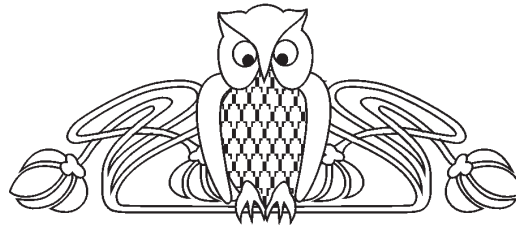
N. V. Shakhmatova

The paper offers a sociological definition of the large family; principal kinds of large families are resolved by the results of our sociological survey by the criterion of social responsibility and relation to a healthy way of life, social problems of the possession of many children as factors of their health protection activity are emphasized.

Key words: large family, healthy way of life, health protection behavior, social health.

На новом витке общественного переустройства, переживаемого в настоящее время Россией и ее регионами, именно семья, происходящие в ней изменения определяют во многом динамику демографической ситуации. Семья выполняет функции гаранта сохранения общечеловеческих ценностей, стража социального благополучия и здоровья подрастающего поколения. Поэтому не случайно именно многодетная семья сегодня, составляющая всего 3% российских семей, идеологически выдвигается В. В. Путиным в роли ориентира – символа модернизации социально-демографического поведения россиян. Однако в условиях малого города многодетная семья особенно часто сталкивается с целым рядом проблем как средового, так и ресурсного характера, что неизбежно сказывается на ее образе жизни, состоянии здоровья ее членов.

Проведенный анализ многочисленной литературы о семье показал, что изучение семейных отношений в социологии эволюционировало в направлении переноса акцентов с общих устойчивых объективных характеристик к поиску субъективных причин изменения семейных отношений с

точки зрения межличностного взаимоотношения ее членов. Сегодня доминирует подход, согласно которому семья – это одновременно социальный институт воспроизводства человека и малая группа, включающая отношения между мужем и женой, родителями и детьми, связанными общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

Исходя из этого, предлагается социологическое определение многодетной семьи. Это – социальный институт расширенного воспроизводства человека и малая группа, включающая отношения между супругами, родителями и троими и более детьми, связанными общностью быта, домохозяйства, взаимной социальной ответственностью и взаимопомощью, общим образом жизни. Это определение позволяет рассматривать многодетную семью как особую структурированную целостность, имеющую свою экономическую и социокультурную специфику, связанную с более интенсивными не только вертикальными связями между родителями и детьми, но и горизонтальными взаимодействиями между детьми. Поэтому ее следует рассматривать комплексно, с учетом всех объективных, средовых и субъективных характеристик. Комплексный подход предполагает выявление компонентов ее внешних и внутренних связей, целей функционирования, характера взаимодействия ее членов, образа жизни.

Неоднородность многодетных семей позволяет выделить ее типы по различным критериям. Так, по количеству родителей можно выделить: полные многодетные семьи, где присутствуют оба родителя троих и более детей; неполные многодетные семьи с одним родителем и детьми; расширенные многодетные семьи, где, наряду с родителями и детьми, проживают и ведут общее хозяйство другие близкие родственники (бабушки, дедушки и пр.). По мотивированности и социальной ответственности можно выделить: семьи, многодетность в которых запланирована; семьи, образовавшиеся в результате второго и последующих браков одного из родителей, в которых рождаются новые дети; семьи, где многодетность

является незапланированной, ситуационной; неблагополучные многодетные семьи, образующиеся в результате безответственного поведения родителей. Каждая из этих семей имеет свою специфику образа жизни.

Отталкиваясь от традиционных определений образа жизни, предлагается интерпретировать здоровый образ жизни многодетной семьи как нравственные, социокультурные, социально-экономические, трудовые, досуговые и повседневные ценностные установки и практики родителей и детей по поддержанию и развитию своего физиологического, социального и духовного здоровья в условиях экологической, территориальной, предметно-вещной среды их обитания, обусловленной экономическими, промышленно-производственными, агрокультурными, коммуникационными средовыми факторами. Специфика образа жизни современной многодетной семьи проявляется в усиленной ценностной ориентации на детность, сохранение семейных традиций, патерналистскую опеку государства; сложности совмещения родителями профессиональных и семейных ролей; в многослойной занятости, бедности, жесткой эксплуатации родителями своего здоровья; повышенном уровне сплоченности, взаимопомощи внутри семьи; относительной степени депривированности и раннем социальном взрослении старших детей.

Социологический опрос¹ выявил, что больше половины (52%) опрошенных многодетных родителей находятся в браке (дети воспитываются в полной семье), 31% – разведены и 17% вдовцы. Большинство многодетных родителей – в возрасте от 26 до 45 лет. Это показывает ошибочность распространенного стереотипа о том, что молодежь не желает обременять себя заботами, отказывать себе в жизненных удовольствиях и потому старается ограничиться меньшим количеством детей.

Анализ показал, что рейтинг ценностей многодетной семьи возглавляет материальное благополучие (32%), на втором месте – здоровье (19%), на третьем – счастье в семье (16%), далее идут образование (15%), любовь (14%). Карьера оказалась на последнем месте (4%). Здоровье входит в группу наиболее важных терминальных ценностей (наряду с ценностями достатка, семейного счастья), однако вектор их изменения противоположен: с возрастом значимость материального достатка снижается, а здоровья и семейного счастья повышается. Можно предположить, что в основе данного рейтинга оказались не столько сами ценности, сколько проблемность их достижения. Иными словами, материальное благополучие и здоровье – самые острые проблемы многодетных семей.

Большинство (84%) многодетных родителей стремятся вести здоровый образ жизни, поддерживать свое здоровье, категорически отказываются от этого только 16%. Активно занимаются спортом 44%, 35% отказываются от вредных

привычек, 5% стараются правильно питаться. Однако по всем показателям качество питания в многодетных домохозяйствах достаточно низкое, что носит для большинства многодетных семей вынужденный характер, определяемый низким материальным уровнем семьи, часто не дотягивающим даже до прожиточного минимума.

Следует заметить, что в значительной степени ценность здоровья имеет декларативный характер и для большинства многодетных родителей (68%) он сводится к отказу от вредных привычек. Даже в этом случае многие из них признаются, что не всегда придерживаются здорового образа жизни. Анализ показал, что чем активнее интерпретируется здоровый образ жизни, тем более деятельностным и полезным является досуг многодетной семьи. Вместе с тем работа в свободное время на приусадебном участке в каждой пятой семье носит вынужденный характер, выступая не только в качестве отдыха, но и в качестве дополнительной работы, как еще один источник доходов. По сути, речь идет о дополнительной эксплуатации здоровья членов многодетной семьи.

В ходе исследования выяснилось, что чем больше детей в семье, тем чаще они болеют. Таким образом, стереотип более крепкого здоровья в многодетной семье малого города не имеет под собой основания. Но дети из многодетных семей значительно реже обращались за медицинской помощью, чем дети из других семей, среди них в 1,5 раза выше уровень детской инвалидности. Почти все опрошенные многодетные родители (89%) работают, однако они сталкиваются не только с высокой иждивенческой нагрузкой, но и неоднозначной их позицией на рынке труда. Уязвимость многодетных родителей во многом порождена их относительно низким образовательным потенциалом, и прежде всего дефицитом профессионального, высшего образования. Образ многодетности в сознании россиян ассоциируется нередко со счастливой, полнокровной семейной жизнью, ее радостями. Однако 54% многодетных родителей сталкиваются с семейными конфликтами и непослушанием детей. Их беспокоит недостаток времени для общения с детьми (29%).

Многодетные семьи имеют самый высокий уровень бедности и самую значительную ее глубину: почти половина их испытывают значительные проблемы с жильем (ветхое, сырое, требует срочного капитального ремонта), с обеспечением детей сезонной одеждой и обувью (почти 40%), не могут приобрести назначенные врачом лекарства в полном объеме, вынуждены ограничивать себя в продуктах (треть многодетных семей), а дети не могут окончить среднюю школу, так как нужно зарабатывать (ситуация, характерная для четверти многодетных семей). Однако повышение уровня дохода не решает всех проблем, так как чем выше доход многодетной семьи, тем слабее у нее выражена потребность в здоровом образе жизни. Повышение доходного уровня не имеет

однозначного коррелирования с повышением уровня социальной ответственности.

Проведенный анализ результатов опроса позволил эмпирически наполнить типологию многодетных семей по степени их мотивированности и характеристикам их образа жизни. Так, первый тип социально ответственных семей, многодетность в которых была осознанно запланирована (12%), наиболее ответственно подходят к формированию и осуществлению здорового образа жизни. Они испытывают много трудностей, обусловленных малообеспеченностью, теснотой жилья, загруженностью родителей (особенно матери), состоянием их здоровья, но у родителей имеется мотивация к воспитанию детей. В таких семьях, как правило, крепкие семейные традиции, высокая степень сплоченности, четкая внутренняя структура, достаточно прочная самозащита, традиционно уважительное отношение к старшим, заботливое отношение к младшим. В них легче решаются проблемы и конфликты, меньше непослушания детей. Внутренняя атмосфера семьи – взаимопонимание, взаимопомощь, сходное видение проблем и способов их решения обоими супругами. Они чаще занимаются спортом, прибегают к активному отдыху, отличаются большим интересом и информированностью о способах поддержания здоровья.

Второй тип семьи, образовавшийся в результате второго и последующих браков одного из родителей (27%), также характеризуется достаточной ответственностью, где стараются поддерживать здоровый образ жизни, хотя это не всегда удается. Дети, родившиеся в результате второго и последующих браков матери (реже – отца), часто испытывают ощущение неполной семьи. В таких семьях выявлен тот же характер благополучных в целом взаимоотношений, и они сталкиваются с общими для многодетности проблемами. Однако они реже занимаются спортом, активным проведением досуга, в них чаще возникают конфликты как между супругами, так и между родителями и детьми.

Семьи третьего типа, где многодетность является незапланированной (55%), случайной (рождение близнецов либо рождение ребенка в результате неэффективности контрацепции или невозможности в силу состояния здоровья женщины прибегнуть к прерыванию беременности и т. д.), не всегда в должной степени готовы к ней и чаще всего им не удается придерживаться здорового образа жизни. В этих семьях, не всегда благополучных, как родители, так и дети чаще оказываются в зоне риска для здоровья. У них

ярче выражены проблемные характеристики депривированности, выше уровень конфликтности во взаимоотношениях в семье, а досуг отличается пассивностью. Старшие дети чаще испытывают синдром преждевременного социального взросления.

Многодетные семьи четвертого типа (6%), ситуационно образующиеся в результате безответственного поведения родителей, отличаются своим неблагополучием, иногда на фоне интеллектуальной деградации, алкоголизма, асоциального образа жизни. В таких семьях родители имеют более низкий образовательный, имущественный уровень и социальный статус. Они принципиально отказываются вести здоровый образ жизнедеятельности, игнорируют здоровьесберегательные ориентиры и практики, злоупотребляют вредными привычками, постоянно находятся в зоне значительного риска. Дети из таких многодетных семей нередко выступают инструментальной ценностью и особенно часто нуждаются в помощи, реабилитации, страдают от болезней, недоразвития, социальной дезадаптации.

Эти категории многодетных семей, причины, по которым они образовались, специфику их образа жизни необходимо учитывать для того, чтобы более подробно и детально изучить истоки сложившихся проблем в каждой конкретной семье и усилить адресность социальной политики государственной помощи многодетным семьям.

Распространенность жизненных практик, противоречащих принципам здорового образа жизни, требует принятия срочных мер по его пропаганде, причем связанной не только с информированием многодетных семей о том, как надо правильно организовывать свою жизнь (об этом они знают), но и направленной на формирование и закрепление реальных поведенческих практик и навыков ведения здорового образа жизни. Для государственной социальной политики было бы более эффективно добиваться от многодетных семей изменения здравоохранительного поведения, не просто подкидывая денег, а обеспечивая им с помощью разных мер тот уровень социального самочувствия, к которому они стремятся.

Примечания

- ¹ Социологическое исследование «Здоровый образ жизни многодетной семьи» проведено Центром региональных социологических исследований (ЦРСИ) СГУ в г. Саратове в 2011–2012 гг. методом анкетирования по целевой выборке. Было опрошено 300 респондентов – родители трех и более детей.

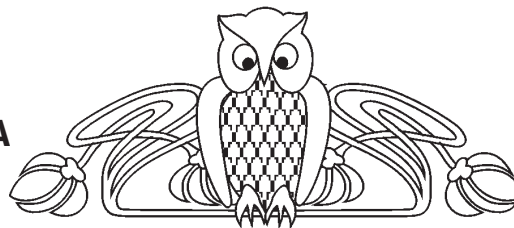

УДК 32.019.52 (342.71)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

И. А. Бегинина

Саратовский государственный университет
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического исследования раскрываются особенности политических предпочтений сельского населения Саратовской области, анализируются основные факторы, детерминирующие уровень политической активности селян.

Ключевые слова: социологический опрос, партийные предпочтения, политическая активность, сельское население, доверие к политическим институтам.

Political Orientations of the Agricultural Population in the Saratov Region: Sociological Poll Results

I. A. Beginina

The paper summarizes the results of our sociological survey and discloses features of the political preferences of the agricultural population in the Saratov region, analyzes major factors determining the political activity level of our peasants.

Key words: sociological poll, party preferences, political activity, agricultural population, trust to the political institutes.

Среди всего многообразия трактовок демократии одной из наиболее распространенных является ее характеристика как формы правления, при которой власть отправляется свободно выражающим себя большинством. В отличие от теологов, утверждающих, что всякая власть от Бога, при демократии она производная только от народа, который, обладая суверенитетом на эту власть, через механизм свободных выборов делегирует ее избранному народом представителем. Поэтому политическая активность, партийные предпочтения населения в целом и сельских жителей в частности играют важную роль в формировании политического ландшафта в России и в регионе.

Социологическое исследование «Политические ориентации сельского населения Саратовской области» было проведено в марте 2013 г. методом анкетного опроса (формализованного интервью по месту жительства). Объектом исследования являлись сельские жители Саратовской области. В ходе исследования была применена двухступенчатая, бесповторная, квотно-районированная территориальная выборка по следующим критериям: пол; место жительства, округ. Выборочная совокупность составила 1000 человек. Возрастная структура: 18–29 лет – 16,5%, 30–45 лет – 42,8%, 46–60 лет – 30,4%, 61 год и старше – 10,3%; 30,4% мужчин и 69,6% женщин. Анализ полученной

информации производился с помощью лицензированной компьютерной программы SPSS.

В ходе исследования выяснилось, что 9,1% опрошенных имеют неполное среднее образование, 47,9% – среднее, средне-специальное и 42,2% имеют незаконченное высшее, высшее образование. Большинство опрошенных – работники сельскохозяйственных предприятий, сфер образования, здравоохранения, науки, культуры, социального обеспечения (37,8%), на втором месте – неработающие пенсионеры (15,8%), на третьем – военнослужащие (7,1%). На предприятиях торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения, сбыта и заготовки товара занято 6,5% респондентов, 4,9% – работники предприятия строительства и ЖКХ, 4,5% – работники органов государственного и муниципального образования, 4,4% – домохозяйки, 3,2% – временно неработающие, безработные. По 3,1% – работники предприятия транспорта, связи и студенты и учащиеся в учебном заведении, 2,5% респондентов заняты в охранных структурах, 2,4% имеют собственное дело, 2,2% работают на промышленном или перерабатывающем предприятии, а 1,5% – в сельскохозяйственной структуре. Работники правоохранительных органов, полиции, прокуратуры, суда составили 0,6% опрошенных, 0,5% – фермеры, 0,1% – работающие пенсионеры.

По результатам опроса были выявлены высокие уровень информированности населения о политической жизни страны (94%) и политическая активность, так как большинство опрошенных собирались идти на голосование (69,1%), если бы оно произошло завтра. Наибольшей популярностью среди жителей сел Саратовского района пользуется партия «Единая Россия» (64,8%), на втором месте по предпочтениям – «Справедливая Россия» (8,6%), 6% отдали свои симпатии КПРФ, 4,8% – ЛДПР, 0,8% – партии «Яблоко», 0,2% – партии «Патриоты России». За партию «Правое дело» не планирует голосовать ни один респондент. Принципиально против всех партий 1,9% от общего числа опрошенных, 13% затруднились ответить. Однако в ходе опроса также были определены и партии, которые не пользуются популярностью и доверием со стороны населения. Наименьшей популярностью у граждан пользуется партия ЛДПР, ее назвали 33,6% респондентов, на втором месте – «Яблоко (30,9%)».

За КПРФ не проголосуют 22% опрошенных, за «Правое дело» – 17,4%. Партия «Патриоты России» была названа 13,3% респондентов. Против «Единой России» 12,2% от общего числа опрошенных, против «Справедливой России» – 11,5%, 31,2% затруднились ответить. Можно сделать вывод, что наибольшей популярностью среди населения пользуется партия «Единая Россия». Конкуренцию ей на выборах может составить партия «Справедливая Россия», она идет второй по предпочтениям среди населения и на последнем среди «нелюбимых» гражданами партий, обогнав даже «Единую Россию», однако в несколько раз отстает от нее по популярности. Именно партию «Единая Россия» сельские жители хотят видеть у власти и впредь.

В ходе опроса также было выявлено отношение населения Саратовской области к работе отдельных властных структур и политических лидеров. В. В. Путин пользуется наибольшей популярностью из всех властных структур среди населения, ему доверяют 79,2% респондента. Не одобряют его работу 11% от общего числа опрошенных, 9,8% затруднились с ответом. Работу Д. А. Медведева большинство одобряет (72,4%), не одобряют 13,1%, затруднились с ответом 14,5% от общего числа опрошенных. В. В. Володину также оказывает доверие большинство населения (66,3%), не одобряют его работу 12,7% респондентов, 21% затруднились с ответом. К депутатам Государственной думы Российской Федерации население Саратовской области относится менее лояльно: всего лишь 33% респондентов удовлетворены их работой, 31,5% не одобряют деятельность данной властной структуры, у 35,5% опрошенных не сложилось четкого мнения насчет их работы.

Работу губернатора области одобряют лишь 30,5% респондентов, 39,9% относятся к его деятельности негативно, 29,5% затруднились ответить. Такая же ситуация и с отношением к депутатам Саратовской областной думы. Их работу одобряет лишь 31% населения области, 29,4% респондентов отрицательно относятся к данному субъекту политической власти. У 39,6% от общего числа опрошенных еще не сформировалось четкого мнения о деятельности облдумы.

Главы районных администраций пользуются одобрением и находятся на втором месте по популярности среди институтов власти Саратовской области: 47% респондентов одобряют их работу, 17,5% отказываются им доверять, 35,5% затруднились с ответом. Администрации районов Саратовской области пользуются наибольшей популярностью среди населения: им доверяют 48,1% опрошенных, не одобряют их деятельности 19,8% от общего числа респондентов, 32,2% затруднились ответить.

Представительный орган местного самоуправления – это выборный орган, обладающий правом представлять интересы населения и

принимать от его имени решения, действующие на территории муниципального образования. Именно через него каждый гражданин Российской Федерации может реализовать свое право на местное самоуправление. Важность его трудно переоценить. И честность и правильность работы данной структуры власти можно определить при помощи категории доверия ей населения. К сожалению, депутатам местных представительных органов доверяют лишь 41,9% от всего населения Саратовской области, 23,3% критично рассматривают их деятельность. 34,8% опрошенных затруднились с ответом. Таким образом, население Саратовской области в целом положительно относится к деятельности отдельных представителей власти, которые занимают должностные места в системе государственного управления на уровне Федерации. Большинство респондентов одобряет их работу и оценивает высоко их достижения, однако к депутатам Государственной думы у них более настороженное отношение.

Вопрос информированности сельских жителей, имеющих ключевое значение для замера их политической активности, в значительной степени зависит от их пола, возраста, образования и сферы трудовой деятельности. Сельские женщины проявляют большую информированность и активность в политической жизни, чем мужчины. Структуры образования, здравоохранения, науки, культуры, социального обеспечения, министерство обороны наиболее эффективно работают в сфере распространения политической информации. Также активны в политических вопросах пенсионеры, у которых больше времени на анализ политической ситуации в стране. С увеличением возраста повышается уровень политической информированности, активности.

Возраст респондента влияет на уровень осведомленности о политической жизни страны и региона, что подтверждают данные опроса. При том, что почти все опрошенные были хорошо информированы (94%), по мере увеличения возраста этот уровень повышался. Так, среди молодежи он составлял 91%, среди 30–45-летних – 93,5%, среди 46–60-летних – 94,8%, среди сельчан самого старшего возраста (61 год и старше) – 96,3%. И наоборот, с возрастом уменьшалась доля тех, кто мало осведомлен или совсем не информирован о политических процессах в стране и в регионе. Подобное распределение по возрастам происходит и в отношении намерения участвовать в голосовании, если завтра произойдут какие-либо выборы. По мере увеличения возраста растет доля тех, кто обязательно будет голосовать, и снижается доля тех, кто не уверен или не будет участвовать в этом из принципиальных соображений.

Возраст влияет также на партийные предпочтения. Так, среди всех возрастных групп лидирует партия «Единая Россия» (74%). Однако среди работающих возрастов сельского населения уровень предпочтения этой партии выше

(65–68%), чем среди пенсионеров старше 61 года (60%). Среди последних выше уровень предпочтения таких партий, как «Справедливая Россия» (11,5% против 8,5% в среднем по выборке), КПРФ (15,4% против 6,0%), а также тех, кто не смог определиться с партийными симпатиями. Среди 46–60-летних самая большая доля приверженцев партии «Единая Россия» и больше, чем в других возрастных группах, доля симпатизирующих партии «Справедливая Россия». Среди 30–45-летних чаще других встречаются нигилисты, которые принципиально настроены против всех партий. Среди 18–29-летних выше уровень популярности ЛДПР и больше не определившихся с партийными предпочтениями.

Политические предпочтения населения зависят от множества факторов, в том числе и от уровня образования. В ходе исследования было выявлено, что большинство приверженцев «Единой России» (48%) имеют среднее, средне-специальное, средне-техническое образование, 44% респондентов относятся к группе с незаконченным высшим, высшим образованием или ученой степенью, 8% имеют неполное среднее образование или ниже. «Справедливую Россию» поддерживает население со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием, 43% от общего числа опрошенных с незаконченным высшим, высшим образованием, ученой степенью, 10% респондентов получили неполное среднее образование. КПРФ отличается от других партий тем, что ее последователи в большинстве случаев – граждане с незаконченным высшим, высшим образованием или ученой степенью (46%), 43% – со средним, средне-специальным, средне-техническим образованием, 8% респондентов имеют неполное среднее образование или ниже и 3% затруднились с ответом. Партию «Яблоко» тоже поддерживают граждане с высшим образованием – 63%, 25% от общего числа опрошенных со средним, средне-специальным образованием и 13% – с неполным средним и ниже. Граждане, разделяющие взгляды партии «Патриоты России», разбились на два лагеря: со средним, средне-специальным, средне-техническим и незаконченным высшим, высшим и ученой степенью (по 50% соответственно). Среди группы населения, которая не поддерживает взгляды ни одной из партий, 5% имеют неполное среднее образование или ниже, 60% – люди со средним, средне-специальным образованием, 35% – с незаконченным высшим, высшим образованием или ученой степенью.

Уровень образования влияет на электоральные предпочтения жителей Саратовской области. Было выявлено, что люди, имеющие высшее образование или ученой степень, поддерживают такие партии, как КПРФ и «Яблоко», а граждане со средним, средне-специальным и средне-техническим – «Единую Россию», «Справедливую Россию» и ЛДПР. Иными словами, чем выше уро-

вень образования, тем выше уровень поддержки партий «Единая Россия», ЛДПР и ниже уровень поддержки партии «Справедливая Россия» и меньше доля не определившихся с партийными предпочтениями. По мере роста образования выше уровень проявления политической активности и ниже уровень нигилизма в политических стратегиях сельских жителей.

Осведомленность о политической жизни страны зависит от рода занятий респондентов. Наиболее осведомленными по всем параметрам являются работники образования, здравоохранения, науки, культуры, социального обеспечения (40%). Они знают о предстоящих выборах, дате их проведения, о депутатах, баллотирующихся в Государственную думу. Также знают об этом политическом событии неработающие пенсионеры, но гораздо в меньшем количестве – 16%, и военнослужащие – 7%. Среди частично осведомленных большинство домохозяек (13%), работников охранных структур (13%), временно неработающих (12%). Совершенно ничего не знают о предстоящих выборах и в первый раз об этом услышали на анкетировании студенты, учащиеся (21%), неработающие пенсионеры (14%), работники предприятия торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения, сбыта и заготовки (14%), работники строительства, ЖКХ (14%). Таким образом, наиболее активными в политических вопросах и осведомленными о политических событиях оказались население, работающее в государственных структурах – здравоохранении, образовании, культуре и т. д. При этом, наоборот, неактивными в политических планах и неосведомленными о выборах оказались учащиеся и студенты, что объясняется их возрастом, импульсивностью и иными интересами, характерными для данной социальной группы.

В Саратовской области есть населенные пункты, отличающиеся высокой политической активностью граждан – поселки Сергеевский, Жасминный, 15 лет Октября, Расково, села Усть-Курдом, Шевыревка. Села Михайловка, Александровка, Березина Речка, поселок Тепличный, наоборот, отличаются невысоким уровнем сознательности граждан в политическом плане, именно в них отмечен самый высокий процент тех, кто ни при каких обстоятельствах не будет принимать участие в голосовании.

Таким образом, большинство сельского населения Саратовской области отличается конформизмом, поддерживает партию «Единая Россия». Она является безоговорочным и официальным лидером среди имеющихся в нашей стране партий, поэтому все работающее население вынуждено конформно ориентироваться на нее. На втором месте (с большим отрывом) – «Справедливая Россия», далее – КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» и на последнем месте – партия «Патриоты России». Такая тенденция сохраняется в большинстве населенных пунктов Саратовской области. Наибольшей по-

пулярностью среди населения пользуются представители власти федерального уровня (на первом месте – В. В. Путин, на втором – Д. А. Медведев, на третьем – В. В. Володин). Большая часть опрошенных одобряет их работу, высоко оценивает результаты, достигнутые в процессе активной деятельности в области отдельных сфер политических отношений. Более настороженное отношение наблюдается к депутатам Государственной думы и органам местного самоуправления в области. Однако среди политических структур в Саратовской области наибольшей популярностью пользуются администрации районов, а также их главы. При этом наиболее активными в политических вопросах и осведомленными о политических событиях оказалось население в возрасте 30–45 лет, работающее в государственных структурах – здравоохранении, образовании, культуре. Неактивными в политическом плане и неосведомленными оказались учащиеся и студенты. В отличие от горожан, где мужчины характеризуются более высоким уровнем политической активности, в сельской

местности именно женщины выказали более высокий уровень политической информированности, активности.

Уровень образования является одним из факторов, влияющих на политические предпочтения жителей Саратовской области. Было выявлено, что люди, имеющие высшее образование или ученую степень, поддерживают такие партии, как «Единая Россия», «Яблоко», а граждане со средним, средне-специальным и средне-техническим – «Единую Россию», «Справедливую Россию», КПРФ и ЛДПР. Иными словами, чем выше уровень образования сельских жителей, тем выше уровень их конформизма и поддержки партии «Единая Россия» и меньше доля тех, кто не смог определиться с политическими симпатиями или негативно оценивает деятельность всех партий. Все эти особенности важно учитывать не только во время электоральных кампаний, но и в процессе развертывания всей многообразной политической жизни в стране и в регионе.

УДК 316.3:91+929

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ В ТРУДАХ Л. И. МЕЧНИКОВА

М. В. Калининкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению взглядов русского ученого Л. И. Мечникова на взаимодействие природы и общества. На примере его работы «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ» показана роль технического прогресса, социальной организации и географической среды в процессе формирования системы «человек – общество – техника – природа».

Ключевые слова: Л. И. Мечников, географическая среда, технический прогресс, социальная организация, гидросфера.

Issues Interaction Society and Nature in Works of L. I. Mechnikov

M. V. Kalinnikova

The article is dedicated the views of Russian scientists Leonid Mechnikov to the interaction of nature and society. In context of his work «Civilizations and great historical rivers. Geographical theory of modern society's development» we had shown role of technical progress, social organization and environment in process of formation system «human – society – technic – nature».

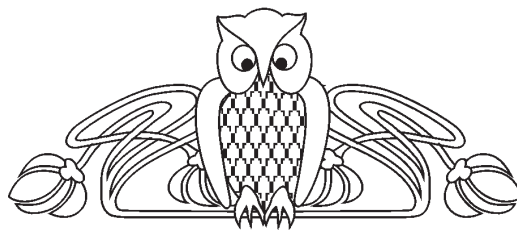
Key words: L. I. Mechnikov, environment, technical progress, social organization, hydrosphere.

Во второй половине XIX в. вместе с интенсивным развитием производительных сил отношение человека к природе приобрело более потребительский, присваивающий характер, как к чему-то

внешнему и постороннему, что в итоге привело современное общество к глобальному экологическому кризису. Поэтому книга выдающегося русского ученого Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ», написанная им в конце 1880-х гг. и направленная на изучение Земли в ее особых отношениях к человеку, не потеряла своей актуальности и в наши дни.

Главная цель труда Л. Мечникова состоит в стремлении установить историческую ценность природных (физико-географических) условий существования человека и показать изменчивость этой ценности на разных ступенях цивилизации¹.

Взаимоотношениям человека и окружающей его природной среды уделяли внимание Ш.-Л. де Монтескье, Г.-Т. Бокль, Д. Риттер и другие сторонники географического направления в социологии. Они исходили из того, что географическая среда определяет психический склад людей, который выступает двигателем истории. Однако Л. Мечников гораздо шире смотрел на взаимодействие природы и общества. Он ввел в эту систему еще две составляющих – технический прогресс и кооперацию (объединение людей в обществе)².

пулярностью среди населения пользуются представители власти федерального уровня (на первом месте – В. В. Путин, на втором – Д. А. Медведев, на третьем – В. В. Володин). Большая часть опрошенных одобряет их работу, высоко оценивает результаты, достигнутые в процессе активной деятельности в области отдельных сфер политических отношений. Более настороженное отношение наблюдается к депутатам Государственной думы и органам местного самоуправления в области. Однако среди политических структур в Саратовской области наибольшей популярностью пользуются администрации районов, а также их главы. При этом наиболее активными в политических вопросах и осведомленными о политических событиях оказалось население в возрасте 30–45 лет, работающее в государственных структурах – здравоохранении, образовании, культуре. Неактивными в политическом плане и неосведомленными оказались учащиеся и студенты. В отличие от горожан, где мужчины характеризуются более высоким уровнем политической активности, в сельской

местности именно женщины выказали более высокий уровень политической информированности, активности.

Уровень образования является одним из факторов, влияющих на политические предпочтения жителей Саратовской области. Было выявлено, что люди, имеющие высшее образование или ученую степень, поддерживают такие партии, как «Единая Россия», «Яблоко», а граждане со средним, средне-специальным и средне-техническим – «Единую Россию», «Справедливую Россию», КПРФ и ЛДПР. Иными словами, чем выше уровень образования сельских жителей, тем выше уровень их конформизма и поддержки партии «Единая Россия» и меньше доля тех, кто не смог определиться с политическими симпатиями или негативно оценивает деятельность всех партий. Все эти особенности важно учитывать не только во время электоральных кампаний, но и в процессе развертывания всей многообразной политической жизни в стране и в регионе.

УДК 316.3:91+929

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ В ТРУДАХ Л. И. МЕЧНИКОВА

М. В. Калининкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению взглядов русского ученого Л. И. Мечникова на взаимодействие природы и общества. На примере его работы «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ» показана роль технического прогресса, социальной организации и географической среды в процессе формирования системы «человек – общество – техника – природа».

Ключевые слова: Л. И. Мечников, географическая среда, технический прогресс, социальная организация, гидросфера.

Issues Interaction Society and Nature in Works of L. I. Mechnikov

M. V. Kalinnikova

The article is dedicated the views of Russian scientists Leonid Mechnikov to the interaction of nature and society. In context of his work «Civilizations and great historical rivers. Geographical theory of modern society's development» we had shown role of technical progress, social organization and environment in process of formation system «human – society – technic – nature».

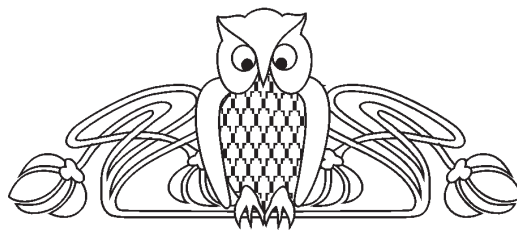
Key words: L. I. Mechnikov, environment, technical progress, social organization, hydrosphere.

Во второй половине XIX в. вместе с интенсивным развитием производительных сил отношение человека к природе приобрело более потребительский, присваивающий характер, как к чему-то

внешнему и постороннему, что в итоге привело современное общество к глобальному экологическому кризису. Поэтому книга выдающегося русского ученого Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ», написанная им в конце 1880-х гг. и направленная на изучение Земли в ее особых отношениях к человеку, не потеряла своей актуальности и в наши дни.

Главная цель труда Л. Мечникова состоит в стремлении установить историческую ценность природных (физико-географических) условий существования человека и показать изменчивость этой ценности на разных ступенях цивилизации¹.

Взаимоотношениям человека и окружающей его природной среды уделяли внимание Ш.-Л. де Монтескье, Г.-Т. Бокль, Д. Риттер и другие сторонники географического направления в социологии. Они исходили из того, что географическая среда определяет психический склад людей, который выступает двигателем истории. Однако Л. Мечников гораздо шире смотрел на взаимодействие природы и общества. Он ввел в эту систему еще две составляющих – технический прогресс и кооперацию (объединение людей в обществе)².

Рассматривая прогресс, совершенный человечеством в течение всего своего исторического пути, Мечников указал на одно несомненное доказательство существования прогресса – усовершенствование техники. Самой общей, специфически социальной формой жизни он считает кооперацию, добровольное или вынужденное объединение людей в обществе для достижения общей цели. Мечников пишет, что в природе, то есть в области биологических явлений, степень свободы отдельных особей, объединенных в коллективы, может служить мерилем прогресса. И если история как наука преследует задачу открытия под новыми социологическими наслоениями тех же законов и ступеней органической эволюции, то мы получаем возможность установить в области истории несколько стадий социальной исторической эволюции. Мечников выделяет их три³.

1. Низший период. Характеризуется преобладанием подневольных союзов, основанных на принуждении и устрашении, связанных внешней силой, подобно тому, как это наблюдается в колониях клеток, которые объединены вместе лишь простой внешней механической связью.

2. Переходный период. Характеризуется преобладанием подчиненных союзов и группировок, объединенных между собою благодаря социальной дифференциации, разделению труда, доводимого до все большей и большей специализации.

3. Высший период. Является периодом преобладания свободных союзов и групп, возникающих в силу свободного договора и объединяющих отдельных людей по общности интересов, личным наклонностям и сознательному стремлению к солидарности.

Тем самым Мечников показывает непрерывную эволюцию социальной связи между людьми и факт нарастания общечеловеческой солидарности. Он исходит из того, что человек как общественное существо вместе со всеми своими психическими и моральными наклонностями формируется в гораздо большей степени под влиянием социальной среды, чем под прямым воздействием природы.

Оригинальность концепции ученого заключается в том, что, определяя механизм взаимодействия общества и природы, он отводит ведущую роль гидросфере (водной среде). Рассмотрение той роли, какую сыграли реки, моря и океаны в истории человечества, Л. И. Мечников начинает с замечания, что капризное на первый взгляд и случайное передвижение центра цивилизации из одной страны в другую в разные эпохи, изменение в течение истории культурной ценности различных географических областей в действительности представляются явлениями строго закономерными, подчиненными порядку⁴. Он предлагает разделить всю историю человечества на следующие периоды.

1. Древние века, речной период. Он охватывает собою историю четырех великих цивилизаций древности – Египта, Месопотамии, Индии и

Китая. В периоде древних речных цивилизаций можно различить две эпохи: 1) эпоха изолированных народов, завершающаяся к XVIII в. до н. э. 2) эпоха первоначальных международных сношений и сближений народов, начинающаяся первыми войнами Египта и Ассири-Вавилонии и заканчивающаяся вступлением на историческую арену финикийских федераций, приблизительно около 800 г. до н. э.

2. Средние века, средиземноморский период. Этот период охватывает двадцать пять веков, с основания Карфагена до Карла Великого, и подразделяется в свою очередь на две следующие эпохи: 1) эпоха Средиземного моря, во времена которой главные очаги культуры одновременно или поочередно представлены крупными олигархическими государствами – Финикией, Карфагеном, Грецией и, наконец, Римом при цезарях, вплоть до Константина Великого; 2) эпоха морская, начинающаяся со времени основания Византии (Константинополя), когда в орбиту цивилизации втягиваются Черное море, а затем Балтийское, – охватывает собою весь период Средних веков

3. Новое время, океанический период, характеризующийся заметным перевесом западноевропейских государств, лежащих на побережье Атлантики. Этот период может быть разделен также на две эпохи: 1) атлантическая эпоха: от открытия Америки до момента «золотой лихорадки» в Калифорнии и на Аляске, широкого развития английского влияния в Австралии, русской колонизации берегов Амура и открытия для европейцев портов Китая и Японии; 2) всемирная эпоха.

Мечников считает, что основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки. Река во всякой стране является как бы выражением совокупности физико-географических условий: климата, почвы, рельефа. С его точки зрения, исторические реки не выделяются среди прочих рек мощностью объема своих вод. Но зато все они обладают одной замечательной характерной чертой, способной объяснить секрет их выдающейся исторической роли: все они обращают орошаемые ими области то в плодородные житницы, питающие миллионы людей, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв.

Зависимость земледелия от разливов рек, необходимость возведения сложных ирригационных сооружений и управления ими толкали большие массы людей на путь кооперации, ибо только благодаря коллективному, строго дисциплинированному труду в огромных масштабах можно было сколько-нибудь рационально организовать жизнь и обеспечить нормальную жизнедеятельность членов общества⁵.

Мечников останавливается на исследовании трех «типичных» речных цивилизаций: цивилизации Нила, цивилизации междуречья Инда и Ганга, Яндзы и Хуанхе⁶. Рассмотрим их более подробно.

Египет представляет собою плодородный оазис, отделенный от остального мира песчаными пустынями, скалистыми пространствами, морями и обширными болотами. По мнению Мечникова, низменное положение нильской долины в Египте подвергло ее в значительной мере испытаниям и капризам реки. Во время разлива воды Нила, естественно, не могли в разные годы покрывать страну одинаковым образом, и каждое изменение в направлении течений перемещало наносы предыдущих годов. При спаде вод каждое почвенное возвышение являлось препятствием для стока воды, каждая рытвина, углубление в почве становились лужами, тотчас же превращавшиеся в гниющие болота с удушливыми смертоносными испарениями. Дикие племена и орды всех цветов кожи, пришедшие на берега Нила, прежде чем перейти к тесной солидарности и пользоваться благами цивилизации, гибли массами от голода, нищеты и болезней, невзирая на изумительные природные богатства нильской долины.

Необходимые работы по ирригации, вытекавшие из физических условий нижней нильской долины, плодородие которой находилось в зависимости от работ, оказали на историю Египта решительное влияние. Созданная Египетской цивилизацией система общественных работ, регулирующих и усиливающих благодатные последствия разливов, образует нечто стройное, целое, объединяющее составные части необходимой связью и комбинирующее их отдельные действия на всем протяжении Египта. Достаточно одной какой-либо части общей работы быть не исполненной, чтобы вся система оказалась в опасности.

Совершенно иной характер имеет область рек Тигр и Евфрат, «страна двух рек», или страна Междуречья – Месопотамия. За 2300 лет до н. э. в долинах горной Армении возникли зачатки цивилизации, но эти зачатки не получили своего дальнейшего развития. В Армении и в верховьях Евфрата и Тигра не было тех физико-географических условий, которые могли бы укрепить и дать дальнейшее развитие зародышам культуры. Такие условия встречаются лишь в области нижнего течения названных рек. Ассирия-Вавилония, будучи окружена со всех сторон, за исключением южной, различными по своим физико-географическим условиям областями, образует нейтральную часть особого, промежуточного между Индией и Грецией, мира. Такое положение Месопотамии совершенно достаточно для того, чтобы объяснить возникновение здесь очага цивилизации, подобного Египетско-нильской цивилизации. Главные центры цивилизации в бассейне Тигра и Евфрата образовались в области, лежащей приблизительно между 30 и 33 градусами северной широты, наиболее известным из этих центров был Вавилон. В древности эта область представляла, по всей вероятности, картину такого же хаоса, как и первобытная нильская долина после спада вод⁷. Чтобы сделать из этой пустыни одну из самых богатых и

обильных областей в мире, первобытным жителям надлежало урегулировать течение рек и при помощи каналов и плотин распределить равномерно по всей местности живительную влагу, которая в ущерб для некоторых частей территории скоплялась в других, – словом, нужно было сделать буквально то же, что пришлось совершить первобытным жителям Египта.

Общие черты исторического и культурного движения, выведенные Мечниковым из первобытной истории Египта и Ассирия-Вавилонии, с полной очевидностью обнаруживаются и в сложной и таинственной истории Индии. Контраст между идиллической анархией первобытной ведийской эпохи и жестоким деспотизмом кастовой организации общества в брахманический период индийской истории теснейшим образом соответствует разнице физико-географических условий, среди которых осуществились последовательные фазы исторической эволюции Индии. Постоянную необходимость возмещать недостаток воды искусственным образом, слишком сложным для того, чтобы выполняться отдельными семьями или коммунами, дополняет еще один элемент, уже отмеченный автором, когда он говорил о Ниле и о реках Месопотамии.

Китай является типичной речной цивилизацией. Территория собственно Китая составляет, главным образом, из бассейнов трех великих водных артерий – Хуанхэ, Сицзян (Жемчужная река) и Янцзы. Все эти реки точно так же оплодотворяют своими наводнениями культурную страну Китая, как Нил, Тигр, Евфрат и Инд оплодотворяют остальные местонахождения великих речных цивилизаций. При этом зона наводнений, обусловливаемых периодическими разливами Хуанхэ и ее притоков, соприкасается на юге со страной, орошаемой Янцзы, и вместе с последней образует нечто, по основным характерным чертам весьма схожее с нильской дельтой, только в гораздо больших размерах.

Как и египтяне, китайцы, жившие в долинах по среднему течению обеих великих рек, могли достигнуть моря только после многовековой работы на месте своей оседлости, после превращения беспредельных пространств, покрывающихся илом и грязью, в возделанную и густонаселенную страну. Целый лабиринт каналов, прорезывающих в разных направлениях провинции Аньхой и Чжэцзян, гигантские плотины, сдерживающие постоянно изменяющиеся течения рек, потребовали для своего сооружения громадного труда, даже в сравнении с массой труда, затраченного в Египте. Все гигантские сооружения в Китае носили, несомненно, более утилитарный характер, нежели большая часть предприятий фараонов, но в смысле достигнутых результатов они были тождественны.

Таким образом, Л. Мечникову удалось выяснить влияние природной среды на развитие и прогресс цивилизации. Им предложена общая

формула, позволяющая выразить взаимную связь между природой и обществом, между различными периодами коллективной истории человеческого рода и техническим прогрессом. Значение наследия Л. Мечникова в наши дни не потеряло своей актуальности, поскольку доказывает необходимость объединения людей (кооперации) в решении экологических проблем.

Примечания

¹ См.: Евдокимов В. И. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 27–28.

² См.: Мечников Л. И. Великие исторические периоды // Социология в России XIX – нач. XX вв. История социологии. Социологическое образование. М., 1997.

³ См.: Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки.

⁴ Там же.

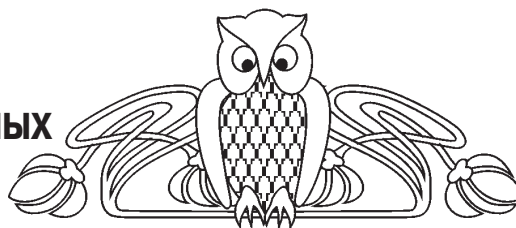
⁵ См.: Горина Е. Н. Л. И. Мечников о роли географического фактора в развитии общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 54–58.

⁶ См.: Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки.

⁷ Там же.

УДК 316.43

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ г. САРАТОВА

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

Статья посвящена анализу процесса модернизации профессионального образования в России, в частности, изучению сути компетентностного подхода, пониманию его основными участниками образовательного процесса – студентами и преподавателями вузов, а также выявлению особенностей реализации данного подхода в новых образовательных программах. Материал исследования может быть полезен представителям управленческих структур в системе образования, занимающимся разработкой, корректировкой, а также диагностикой успешности реализации программ реформирования системы образования в России, исследователям, занимающимся данной проблематикой.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, эффективность реализации новых образовательных стандартов.

Competency Building Approach of New Educational Standards as the Base for Professional-value System of Saratov Higher School Students

S. V. Sitnikova

The article is devoted to the analyses of modernization of professional education in Russia, in particular, it focuses on studying the essence of competency building approach, how it is understood by the main participants of educational process – higher school students and professors, and also it describes the special features of realization of this approach in new educational programs. The research material can be interesting for the representatives of administration in educational system who work out, correct and diagnose the success of implementation of reforms in Russian education system, and also for the researchers who study this problem.

Key words: competence, competence building approach, efficiency of realization of new educational standards.

Модернизация профессионального образования в России предполагает переход образовательных учреждений на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) третьего поколения. В основе разработки новых учебных программ лежит компетентностный подход. Анализ литературы, посвященной данной проблематике, свидетельствует о дискуссионности в поле определения самого понятия «компетенция»¹. В известных энциклопедических словарях компетенция – это круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом²; круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу, знания, опыт в той или иной области³; личностная способность специалиста (сотрудника) решать определённый класс профессиональных задач, также под компетенцией понимают формально описанные требования к личностным, профессиональным и т. п. качествам сотрудников компании (или к какой-то группе сотрудников)⁴. Определение компетенции как необходимой составляющей нового образовательного стандарта связано с подробной интерпретацией вышеприведенных энциклопедических определений и лексических аналогий с ними. Приведем одно из определений, которое отражает наше понимание компетенции как сути нового подхода в образовании: «Сама компетентность рассматривается как способность к решению задач и готовность к своей профессиональной роли в той или иной области деятельности. Соответственно, компетенция предъясняется, в первую

формула, позволяющая выразить взаимную связь между природой и обществом, между различными периодами коллективной истории человеческого рода и техническим прогрессом. Значение наследия Л. Мечникова в наши дни не потеряло своей актуальности, поскольку доказывает необходимость объединения людей (кооперации) в решении экологических проблем.

Примечания

¹ См.: Евдокимов В. И. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 27–28.

² См.: Мечников Л. И. Великие исторические периоды // Социология в России XIX – нач. XX вв. История социологии. Социологическое образование. М., 1997.

³ См.: Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки.

⁴ Там же.

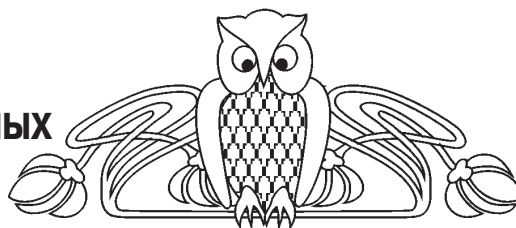
⁵ См.: Горина Е. Н. Л. И. Мечников о роли географического фактора в развитии общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 54–58.

⁶ См.: Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки.

⁷ Там же.

УДК 316.43

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ г. САРАТОВА

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

Статья посвящена анализу процесса модернизации профессионального образования в России, в частности, изучению сути компетентностного подхода, пониманию его основными участниками образовательного процесса – студентами и преподавателями вузов, а также выявлению особенностей реализации данного подхода в новых образовательных программах. Материал исследования может быть полезен представителям управленческих структур в системе образования, занимающимся разработкой, корректировкой, а также диагностикой успешности реализации программ реформирования системы образования в России, исследователям, занимающимся данной проблематикой.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, эффективность реализации новых образовательных стандартов.

Competency Building Approach of New Educational Standards as the Base for Professional-value System of Saratov Higher School Students

S. V. Sitnikova

The article is devoted to the analyses of modernization of professional education in Russia, in particular, it focuses on studying the essence of competency building approach, how it is understood by the main participants of educational process – higher school students and professors, and also it describes the special features of realization of this approach in new educational programs. The research material can be interesting for the representatives of administration in educational system who work out, correct and diagnose the success of implementation of reforms in Russian education system, and also for the researchers who study this problem.

Key words: competence, competence building approach, efficiency of realization of new educational standards.

Модернизация профессионального образования в России предполагает переход образовательных учреждений на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) третьего поколения. В основе разработки новых учебных программ лежит компетентностный подход. Анализ литературы, посвященной данной проблематике, свидетельствует о дискуссионности в поле определения самого понятия «компетенция»¹. В известных энциклопедических словарях компетенция – это круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом²; круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу, знания, опыт в той или иной области³; личностная способность специалиста (сотрудника) решать определённый класс профессиональных задач, также под компетенцией понимают формально описанные требования к личностным, профессиональным и т. п. качествам сотрудников компании (или к какой-то группе сотрудников)⁴. Определение компетенции как необходимой составляющей нового образовательного стандарта связано с подробной интерпретацией вышеприведенных энциклопедических определений и лексических аналогий с ними. Приведем одно из определений, которое отражает наше понимание компетенции как сути нового подхода в образовании: «Сама компетентность рассматривается как способность к решению задач и готовность к своей профессиональной роли в той или иной области деятельности. Соответственно, компетенция предъясняется, в первую

очередь, работодателями и обществом в виде некоторых специфических ожиданий, связанных с профессиональной деятельностью выпускника. Более того, именно уровень соответствия индивидуальных показателей ожиданиям работодателя и общества и полагается в качестве основного показателя компетентности»⁵. Добавим лишь, что именно компетентностный подход, на наш взгляд, должен стать базой формирования профессионально-ценностных ориентаций студентов. Однако не будем останавливаться на детальном рассмотрении понятия «компетенция» в методологической литературе, поскольку главной целью нашего исследования⁶ было выявление уровня понимания данной категории основными участниками образовательного процесса – студентами и преподавателями.

Одним из показателей эффективности реализации новых образовательных стандартов является уровень информированности студентов о происходящих изменениях в системе образования в России. Результаты опроса свидетельствуют о достаточно высоком уровне осведомленности саратовских студентов высших учебных заведений. Так, 87,3% бакалавров и 86,0% магистров знают о том, что их вуз с 2011 г. перешел на обучение по новым образовательным стандартам (табл. 1).

Таблица 1

Знаете ли Вы о том, что Ваш вуз с 2011 г. перешел на обучение по новым образовательным стандартам (Федеральным государственным образовательным стандартам)? (% от числа опрошенных)

Ответ	Магистры	Бакалавры
Да	86,0	87,3
Нет	14,0	12,7

Самым распространенным источником информации о документах основной образовательной программы является руководство факультета, преподаватели. О цели, наборе компетенций, учебном плане, рабочих программах, программах практик 55,0% бакалавров и 77,0% магистров узнали именно от руководства и преподавателей факультетов. Следует обратить внимание, что самый высокий уровень интереса выявлен в отношении к набору компетенций выпускников и учебному плану. Так, 15,0% бакалавров указали на то, что самостоятельно нашли информацию именно об этих документах. Кроме того, около 90,0% бакалавров и 97,0% магистров знают о том, что цель освоения основной образовательной программы – формирование общекультурных и профессиональных компетенций. О цели ООП, рабочих программах и программах практик студенты-бакалавры менее всего ознакомлены: 24,0, 21,5 и 35,0% соответственно вообще не знакомы с этими документами. Уровень личного интереса к основной части документов ООП магистров значительно ниже, чем бакалавров, – ими практически наполовину реже упоминался вариант

«нашел сам». Однако и значительно реже магистры указывали на то, что вообще не ознакомлены с документом. Таким образом, общий уровень информированности о содержании различных частей ООП среди магистров выше, чем среди бакалавров, однако уровень самостоятельного интереса выше проявлен среди студентов-бакалавров.

Опрошенным магистрам было предложено сформулировать основные наиболее значимые для них компетенции (табл. 2). Около трети магистров затруднились это сделать, что говорит от некотором несоответствии реального уровня информированности о содержании и сути новых ООП уровню, который магистры демонстрировали в ходе опроса. В число часто упоминаемых компетенций вошли способность, умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности и специальные компетенции, хорошее знание теоретических и прикладных дисциплин. Наименее значимыми, по ответам магистров, оказались умение грамотно ставить цели и выполнять задачи в определенной предметной области, а также соответствие уровню образования высокого качества.

Самостоятельно сформулированные студентами компетенции не отражают специфики их представления в новых учебных программах, что свидетельствует о том, что с данным разделом ООП студенты вузов г. Саратова не знакомы. На наш взгляд, это вполне объяснимо временными характеристиками практики реализации новых ООП в г. Саратове.

Интерпретация понятия «компетенция» для 15,0% опрошенных преподавателей оказалась затруднительной. Это говорит о недостаточности информационной базы, источников, а также технологий информирования субъектов образовательного процесса об особенностях и принципах новой образовательной системы в России. Компетенция – это способность и умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности. Данная позиция оказалась наиболее распространенной среди преподавателей саратовских вузов (30,5% упоминаний). Чуть больше четверти всех опрошенных определили компетенцию как приобретение и выработку профессиональных навыков, знаний и умений. Таким образом, понимание компетенции большинством преподавателей пока ограничено полем традиционных представлений в рамках советской образовательной системы. Компетенцию чаще отождествляют с совокупностью знаний, умений и навыков (табл. 3).

В определении компетенции А. Г. Бермусом акцентирована роль работодателя в формировании новых образовательных программ и их реализации. В ходе мониторинга магистров попросили отметить формы участия работодателей в учебном процессе в вузе. Наиболее распространенными формами оказались: руководство практикой, предоставление базы для проведения практик (в

Таблица 2

Основные наиболее значимые компетенции для студентов

Компетенции	Процент по числу упоминаний
Способность, умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности	30,0
Специальные компетенции, хорошее знание теоретических и прикладных дисциплин	18,0
Образованность, культурный уровень	10,0
Хорошие навыки исследовательской работы	8,0
Характеристика определенных человеческих навыков (коммуникабельность, пунктуальность, обучаемость)	6,0
Ориентация на дальнейший профессиональный рост, переквалификацию, продолжение обучения	6,0
Профессиональные навыки, знания, умения	4,0
Компетенции – это перечень, совокупность качеств, навыков, которыми должен обладать выпускник	3,0
Умение грамотно ставить цели и выполнять задачи в определенной предметной области	3,0
Соответствие уровню образования высокого качества	3,0
Затрудняюсь ответить	28,0

Таблица 3

В ФГОС ВПО включено понятие «компетенция». Как Вы его понимаете?

Понимание компетенции	Частота	%
Способность, умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности	61	30,5
Приобретение и выработка профессиональных навыков, знаний, умений	53	26,5
Компетенции – это перечень, совокупность качеств, навыков, которыми должен обладать выпускник	31	15,5
Умение грамотно ставить цели и выполнять задачи в определенной предметной области	16	8,0
Уровень профессиональной подготовки	11	5,5
Комплекс представлений и знаний о предмете или проблеме	5	2,5
Мотивация на выполнение профессиональной работы, целеустремленность	4	2,0
Способность адекватно принимать решения, аналитические способности	4	2,0
Применение полученных знаний в повседневной жизни	4	2,0
Соответствие умений и навыков студента требованиям рынка труда, запросам конечных потребителей	4	2,0
Образованность, культурный уровень	4	2,0
Компетенция – это квалификация, только более детализированная	3	1,5
Характеристика определенных человеческих навыков (коммуникабельность, пунктуальность, обучаемость)	2	1,0
Формирование целостного представления о получаемой специальности	1	0,5
Определенные права и обязанности выпускников	1	0,5
Форма планирования учебного процесса	1	0,5
Затрудняюсь ответить	31	15,5

организации, на предприятии, в научно-исследовательском институте и т. д.) и преподавание отдельных дисциплин/модулей специалистами-практиками (табл. 4).

Несмотря на то что взаимодействие осуществляется, необходимо отметить его недостаточность, поскольку новые стандарты предполагают анализ и учет запросов рынка труда, что без активного участия работодателей невозможно. Чуть более 50,0% преподавателей вузов согласились с тем, что новые ООП соответствуют потребностям

рынка труда, 15,0% не поддерживают данную позицию. Более трети опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос. Все это вновь свидетельствует о недостаточности сроков реализации данной системы для однозначности заключений о результатах реформирования российской образовательной системы.

Однако уже сегодня можно сказать, что подход многих педагогов к преподаванию в соответствии с компетентностной ориентацией изменился. Наиболее существенные изменения произошли в

Таблица 4

Какие формы участия работодателей в учебном процессе Вы наблюдали в Вашем структурном подразделении (факультет/институт)?

Формы участия работодателей в учебном процессе вуза	% упоминаний
Преподавание отдельных дисциплин/модулей специалистами-практиками	51,0
Чтение отдельных лекций дисциплины/модуля специалистами-практиками	45,0
Предоставление базы для проведения практик (в организации, на предприятии, в научно-исследовательском институте и т. д.)	56,0
Руководство практикой	63,0
Предоставление базы для научно-исследовательской работы обучающихся и руководство этой работой	44,0
Руководство курсовыми работами	43,0
Разовые выступления по актуальным профессиональным проблемам	42,0

организации самостоятельной работы студентов, использовании интерактивных форм обучения, общего планирования содержания дисциплин (табл. 5). Наибольшие затруднения связаны с разработкой средств оценки уровня овладения компетенциями,

что вполне логично в ситуации несформированности представления о понятии «компетенции». Вероятно, именно этот важный аспект новой образовательной системы требует особого внимания учебно-методических комиссий в вузах.

Таблица 5

Как изменился Ваш подход к преподаванию в соответствии с компетентностным принципом построения ООП?

Изменения	% от ответов
Планирую содержание дисциплины с позиции компетентностного подхода	75,5
Ясно вижу место моей дисциплины в структуре ООП с точки зрения межпредметных связей	77,0
Уделяю существенно больше внимания организации самостоятельной работы студентов	82,0
Больше использую активные/интерактивные формы обучения	77,5
Разрабатываю средства оценки сформированности компетенций	49,0

Таким образом, проведенный анализ результатов опроса показал, что основные принципы новых Федеральных государственных образовательных стандартов в саратовских вузах реализуются достаточно успешно. Однако этот процесс не лишен ряда недоработок, что, на наш взгляд, обусловлено темпоральными характеристиками процесса внедрения новых образовательных стандартов. Это актуализирует необходимость лонгитюдной диагностики изучаемых процессов, что в среднесрочной перспективе (3–5 лет) позволит получить объективные экспертные заключения.

Примечания

¹ См., например: *Звездова А. Б., Орешкин В. Г.* Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании. URL: http://miep.edu.ru/uploaded/zvezdova_oreshkin.pdf (дата обращения: 21.05.2013); *Бермус А. Г.* Проблемы и перспективы в реализации компетентностного подхода в образовании. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm> (дата обращения: 21.05.2013); *Полькина С. Н.* Компетентностный подход как методологическая основа обновления содержания образования. URL: www.rudoes.exdat.com/docs/index-86895.html (дата обращения: 21.05.2013).
² См.: Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/> (дата обращения: 21.05.2013).

³ См.: Энциклопедический словарь. URL: http://www.dict.t-mm.ru/enc_sl/k/komp.html (дата обращения: 21.05.2013).
⁴ См.: Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.05.2013).
⁵ *Бермус А. Г.* Указ. соч.
⁶ В целях анализа эффективности внедрения ФГОС в учреждениях профессионального образования Саратовской области социологической группой Саратовского научного центра Российской академии наук с участием социологических лабораторий вузов города по заказу Департамента профессионального образования Министерства образования и науки РФ в мае-июне 2012 г. был проведен комплексный социологический мониторинг на территории области. К участию в мониторинге были привлечены представители профессорско-преподавательского состава, административные руководители, магистры и бакалавры четырех вузов: Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А., Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, Саратовского государственного социально-экономического университета (всего 200 преподавателей, 100 магистров, 400 бакалавров, 48 проректоров и зам. деканов данных вузов). В задачи автора входили сбор эмпирических данных в рамках СГУ им. Н. Г. Чернышевского, а также анализ результатов мониторинга по всем вузам, участвующим в исследовании.

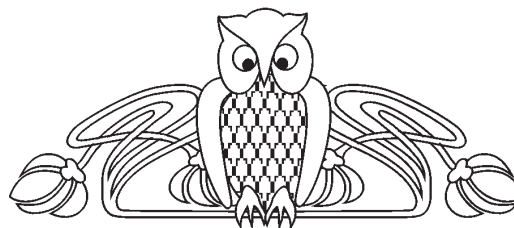

УДК 316.613

ИСТОРИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ЯПОНИИ

Ю. В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yansdex.ru

В статье рассматриваются основные этапы развития феноменологической социологии в Японии. Особое внимание обращается на социологические концепции основных представителей феноменологического направления в японской социологии.

Ключевые слова: феноменология, социология, интенциональность, intersубъектность, сознание, действие, критика.

History of Phenomenological Sociology in Japan

Yu. V. Stavropolsky

This feature deals with the main periods of the phenomenological sociology development in Japan. Particular attention has been paid to sociological conceptions of the main representatives of the phenomenological trend within the Japanese sociology.

Key words: phenomenology, sociology, intentionality, intersubjectivity, consciousness, action, criticism.

Проследив историю феноменологической социологии в Японии, нельзя пройти мимо таких японских социологов, как Масамити Симмэй (Sinmei) (1898–1984), Дзисё Усуи (Usui) (1890–1991) и Кадзута Кураути (Kurauchi) (1896–1988). Все трое в большей или меньшей степени испытали на себе влияние веймарской либеральной культуры 1920-х гг. либо непосредственно, учась в Германии, либо косвенно, благодаря литературе того времени и своей страсти к чтению.

Немецкое влияние на японскую социологию начинается в 90-е гг. XIX вв., когда в эпоху Мэйдзи японское правительство стало отправлять большое количество студентов в Германию. Они должны были изучить прусскую модель государственного управления и впоследствии реализовать эту модель на родине. После Первой мировой войны и поражения Германии интерес к прусской консервативной модели уступил место интересу японцев к либеральной философии неокантианцев В. Дильтея и Г. Зиммеля. Это младшее поколение студентов стали называть поколением демократии тайсё (taisho). К этому поколению принадлежали М. Симмэй, Д. Усуи и К. Кураути.

Феноменологическую философию привёз в Японию выдающийся японский философ Кита-ро Нисида (Nishida), и до начала Второй мировой войны она занимала центральное место. В 1920 г. К. Нисида опубликовал книгу «Проблема сознания» («Ishiki no mondai») с посвящением Э. Гуссерлю. В полемике с Э. Гуссерлем, У. Джемсом, А. Бергсоном и другими западными фило-

софами К. Нисида разрабатывал собственную концепцию. На этом интеллектуальном фоне в Японии развивалась феноменологическая социология (Genshogakuteki shakaigaku), к концу 1920-х гг. приобретающая известность в стране. В 1928 г. М. Симмэй опубликовал статью «Формальная социология и феноменологическая социология», в которой присутствуют неоднократные ссылки на немецких феноменологических социологов М. Шелера, З. Кракауера, Т. Литта, Ф. Зандера, А. Фиркандта, А. Вальтера и Г. Вальтер. Это был первый в Японии систематический анализ немецкой феноменологической социологии. В том же году выходит его работа «О теории формальной социологии» («Keishikishakaigakuron»), свидетельствующая об энтузиазме молодого социолога, стремившегося привнести в японскую науку свежие зарубежные идеи.

Специалисты ставят обе публикации М. Симмэя в один ряд с работами таких авторов, как Л. фон Визе и Р. Арон. Не следует забывать, что Р. Арон, в отличие от М. Симмэя, имел возможность непосредственно наблюдать развитие немецкой социологии до прихода к власти нацистов. М. Симмэй разработал собственную социологическую концепцию, которую назвал Kouigenkan, что означает социологию, основанную на понятии связующего действия в качестве синтеза формы и содержания. Он пришёл к своей концепции благодаря критике формальной социологии Г. Зиммеля. С одной стороны, М. Симмэй придавал большое значение эмпирической социологии в том, что касается принятия идеи феноменологической социологии, с другой стороны, подчеркивал важность интуитивного метода и приложил руку к мистификации феноменологической социологии. Можно сказать, что М. Симмэй критиковал наивное применение эйдетического метода и преувеличение феноменологии в социологии. В опубликованной в 1939 г. книге «Основная проблема социологии» («Shakaigaku no kisomondai») он цитирует А. Шюца по поводу концепции действия М. Вебера и важности осмысления.

Д. Усуи высказал своё отношение к феноменологии и социологии в предисловии к своим «Эссе по социологии» («Shakaigaku ronshu»), опубликованным в 1964 г. В методологическом отношении феноменология его не удовлетворяла, но ученого зачаровывал и глубоко интересовал строгий и точный анализ тех образов и конституи-

рующих моментов сознания, которыми оперирует феноменология. Он первым в Японии занялся изучением М. Вебера, однако веберова теория идеальных типов его разочаровала, и постепенно он переключился на феноменологию Э. Гуссерля, в которой надеялся найти более определенное основание социологии.

В то время, когда Д. Усуи занялся социологией, в Японии отмечался расцвет не социологии, а философии. С одной стороны, приобрела широкую известность философия К. Нисиды, а с другой стороны, получила признание неокантианская философия. Кроме того, приобрел известность В. Дильтей, и феноменологию в конце концов заметили. Д. Усуи полагал, что, избрав для себя социологию, он не имеет права проходить мимо таких вопросов, как что такое социология и каким образом она возможна.

Д. Усуи изучал М. Вебера в семинаре К. Нисиды в университете Киото и под его руководством занимался переводом немецкого социолога на японский язык. Д. Усуи стремился, взяв в качестве основания социологии феноменологию, превратить социологию в точную науку. Одной из центральных проблем социологии он полагал анализ актов мышления или сознания. Попытки развития методологии М. Вебера с применением строгой феноменологической семантики, онтологии М. Хайдегера и философии К. Нисиды получили выражение в произведении «Понимание альтер-эго» («Тага но гуокай»), увидевшем свет в 1945 г. В каком-то смысле на протяжении 1930-х гг. Д. Усуи был занят решением той же принципиальной проблемы создания философского основания социологии, которой занимался в Вене А. Шюц. Однако ни в одной работе Д. Усуи нет упоминания об А. Шюце.

К. Кураути применил феноменологический метод к социологии культуры. Он утверждал важность личного опыта для социологического знания и заявлял, что социальное есть факт пережитого опыта (Erlebnis), на чём основана вся наша социальная жизнь. Без того, что дается в формах пережитого опыта, сущность общества познать невозможно. Разумеется, многообразные конкретные актуализации социальной жизни можно наблюдать помимо нас, но принципиальные положения и основополагающие структуры обязательно содержатся в структуре пережитого нами опыта. Поэтому при разработке принципиальных социологических понятий важно интуитивно отличать универсально значимые факты от конкретного жизненного опыта, добавляясь от несущественного. В социологии такой метод прижился лишь после того, как Э. Гуссерль создал чистую феноменологию,

К. Кураути следующим образом представлял отношение феноменологии к социологии. Социальные феномены отличаются от естественных феноменов благодаря явлению интенциональности. Например, когда человек меняет свое

отношение к чему-либо через изменение своего положения в обществе, когда образуется или распадается группа, когда некая политическая идея подталкивает общество в определенном направлении – всегда существуют процессы, отправной и конечной точкой которых оказывается сознание. Поскольку осмысленные феномены существуют лишь для такого субъекта, который способен их переживать, то социальные феномены должны непосредственно переживаться в соответствии с их интенциональным содержанием, а социологический порядок зиждется на закономерностях и формах проявления человеческого сознания. Необходимость обоснования социологии определяется свойствами, присущими сознанию, которые следует открыть подобно тому, как были открыты аксиомы геометрии. При каких условиях возможны подобные необходимые и универсально валидные переживания? Если необходимо открыть те феномены человеческой жизни, из которых образуются социальные отношения, то социологическое знание должно вернуться к интуиции, которая аподиктична. Объектами интуитивного понимания должны стать категориальные формы, избавленные от конкретных факторов с их эмпирическими примесями и до предела обобщенные. Здесь возникает идея формальной социологии. Тематика формальной социологии выступают, к примеру, обобщенные групповые категории, обобщенные социальные нормы, обобщенный социальный тип и т. п. Они относятся к верхнему уровню социологии, с которого возможен переход в сферу подлинной феноменологии. Поскольку социология ориентируется на выражение интенциональной жизни социализированных людей, то не существует коренной разницы между объектом социологии и объектом феноменологии. Всё социологическое знание основывается на формальной социологии, а формальная социология гарантирована феноменологическим пониманием базовой структуры сознания.

В разработке основания социологии К. Кураути следует за Э. Гуссерлем и расширяет пределы интуиции. Им разработаны структурный анализ «я»-опыта, взаимности перспектив, «я – ты», теория многомерной социальной реальности, временная структура общества, динамическая структура взаимно чуждых социальных групп.

Общим для М. Симмэя, Д. Усуи и К. Кураути является не только их интерес к феноменологической социологии. Все трое стремились выработать строгое научное основание социологии на базе феноменологических принципов, при этом каждый понимал феноменологию несколько иначе. Как уже отмечено, в этот период в Вене А. Шюц занимался решением точно такой же проблемы. Если бы состоялось знакомство с работами А. Шюца (хотя отрывочные ссылки на него имеются), то круг методологических проблем академического социологического сообщества в Японии в 1930-е гг. мог бы стать иным. Однако содержание и формы

философского основания социологии, выработанного А. Шюцем, остались незамеченными. Прошло почти полвека, пока работы его пришли в Японию через США!

В Японии феноменологическую социологию А. Шюца заметили в середине 1970-х гг. благодаря младшему поколению социологов, которых называли послевоенным поколением (*sengo sendai*). Большинство из них родилось после 1940 г. и получило образование в послевоенной демократической Японии. Тем временем большая часть японских учёных, занимавшихся социальными науками, исследовала проблемы современного им японского общества в целом, в первую очередь, политическую демократизацию, экономическую модернизацию, урбанизацию, индустриализацию, рационализацию и отчуждение. В 1964 г. в Токийском университете прошёл симпозиум, посвященный 100-летию М. Вебера, на котором подробно рассматривались отношения М. Вебер и К. Маркс, М. Вебер и Т. Парсонс, но прошли мимо М. Вебера и А. Шюца.

После окончания Второй мировой войны социологические исследования в Японии испытывали на себе сильнейшее влияние со стороны американской функционалистской социологии и европейской социологии в духе К. Маркса – М. Вебера и модернизма. Вплоть до конца 1960-х гг. в Японии изучался М. Вебер без обращения к А. Шюцу. Единственное исключение – монография Хидео Аоямы (*Aoyama*) 1950 г. «Социальная теория Макса Вебера» («*Max Weber no shakairiron*»).

В середине 1970-х гг. возникает радикальная социология как критическая реакция на объективистскую и функционалистскую социологию, но и она была заимствована в контексте американской социологии. Одновременно с попытками изменить функционалистскую парадигму социологии в японскую социологию проникает феноменологический подход. Говоря о феноменологической социологии как о новой парадигме, следует, прежде всего, обратить внимание на книгу П. Л. Бергера и Т. Лукманна «Социальное конструирование реальности», японский перевод которой – «*Nitijosekai no kousei*» – увидел свет в 1977 г. Эта книга позволила обобщить новую концепцию и метод. Привлекательность П. Л. Бергера и Т. Лукманна для молодых японских социологов объясняется тем, что эти авторы прямо выступили против традиционной социологии, опираясь на идеи Т. Парсонса, сформулированные в 1937 г. в «Структуре социального действия». Они поступили в отношении Т. Парсонса примерно таким же образом, каким он сам в своё время поступил с трудами великих предшественников: М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и К. Маркса. Книга П. Л. Бергера и Т. Лукманна обращена не к отдельным положениям из трудов разных авторов, а представляет собой единую, систематически изложенную теорию. Поняв это, молодое поколение

устремилось в мир альтернативной социологии, социологии обыденной повседневности. Молодёжь, которая выросла в условиях экономического подъёма, сознательно или бессознательно стремилась освободиться от наследия предшественников, мечтавших о бесклассовом обществе, но не знала, как это сделать, а П. Л. Бергер и Т. Лукманн указали им путь.

В 1991 г. на японский язык переведена книга Ю. Хабермаса «К логике социального познания» («*Shakaigaku no ronrini yosete*»). Японский перевод несколько запоздал – в Германии книга была опубликована в 1967 г. Ю. Хабермас попытался обобщённо взглянуть на новые тенденции в философии социальных наук в Европе и США после Второй мировой войны. Ему удалось нарисовать картину современного состояния социальных наук и содействовать распространению новых обществоведческих концепций, в том числе феноменологической социологии. Однако успех книги Ю. Хабермаса привёл к непредумышленному упрощению рассматриваемых концепций, что не способствовало точности их понимания. Так, он опрометчиво ограничил пределы исследования феноменологической социологии анализом сознания.

Третьей публикацией в этой связи стала книга А. Шюца «Смысловая структура социального мира», японский перевод которой – «*Shakaiteki sekai no imikousei*» – вышел в свет в 1982 г. В 1998 г. в Японии её включили в список ста классических книг по социологии наряду с «Левифаном» Т. Гоббса и «Социальной системой» Н. Луманна. Великолепный японский перевод избавляет читателя сразу от двух проблем, связанных с пониманием немецкого языка и феноменологии.

Благодаря этим трём книгам вектор японской социологической мысли начиная с 1970-х гг. перераспределёлся с американской функционалистской социологии на критическую социологию франкфуртской школы, на феноменологическую социологию и т. п.

В 1974 и 1975 гг. на заседаниях Японского социологического общества зачитывались доклады о различных аспектах концепции А. Шюца, впоследствии феноменологическая социология в Японии стала полностью идентифицировать себя с феноменологией А. Шюца.

В 1975 г. профессор Осакинского университета Сэцуо Ямагути (*Yamaguchi*) опубликовал статью «Феноменология и социология», которая стала одной из лучших социологических работ в 1970-е гг. в Японии. В статье рассмотрены новые направления в современной социологии и инициирована дискуссия по феноменологической социологии. С. Ямагути следующим образом характеризует изменение ситуации в социологии в данный период. Подобно тому, как Ренессанс Э. Гуссерля изменил мир философии, феноменологический подход изменяет мир социологии. Эта трансформация особенно заметна среди молодых американских

социологов. Феноменологический подход приобретает статус новой социологической ортодоксии. Сложно понять концепцию феноменологической социологии на абстрактном уровне. Она существует в науке во многих обликах: «феноменологическая социология», «экзистенциальная социология», «этнометодология», «гуманистическая социология», «рефлексивная социология» и т. д. Единообразное понимание её методологии и перспектив отсутствует. Степень связи этих направлений с феноменологией различна и варьирует в зависимости от полноты понимания феноменологии. С точки зрения преданных приверженцев Э. Гуссерля, расхождения объясняются не вполне точным пониманием либо непониманием основополагающих идей феноменологии.

С. Ямагути выделяет четыре феноменологических направления. Первое направление – «феноменологическая» социология, представленная М. Вебером, У. Томасом и Дж. Мидом. Общим для них является акцентирование на сознании и субъективном смысле при объяснении социального действия. Прямая связь с философией Э. Гуссерля отсутствует, а такие принципиальные феноменологические проблемы, как естественное отношение и интересубъективность, не субъективированы.

Второе направление возникло благодаря А. Шюцу и непосредственно применяет к социологии феноменологическую философию. А. Шюц как социолог стремился прояснить то, что Э. Гуссерль называл онтологией жизненного мира, то есть априорную структуру социального мира, в котором все социологические феномены происходят и понимаются. А. Шюц называл это конститутивной феноменологией естественного отношения. Такие сложные проблемы, как жизненный мир, интересубъективность, естественное отношение и т. п., субъективированы. К представителям второго направления принадлежат П. Л. Бергер и Т. Лукманн.

Третье направление – «рефлексивная» социология, представленная Э. Гоулднером. В данном случае социология имманентна тому жизненному миру, который она изучает, одновременно выступая в качестве науки, осмысливающей этот жизненный мир. Тем самым рефлексивная социология отвергает представление об абсолютном наблюдателе. Наблюдатель должен в полной мере осознать ограниченность собственного существования. Данное направление оказывается феноменологическим постольку, поскольку старается понять мир в качестве либо аналога действий, совершаемых субъектом, либо их продукта и непрестанно доискивается до оснований, формирующих наше знание. В той мере, в какой мы разделяем такой подход, необходимо обратиться к рефлексии естественного отношения к повседневной жизни, где будем вынуждены решать проблему интересубъективности между наблюдателем и наблюдаемым. Представителями

данного социологического направления выступают О'Нил, Д. Смит и А. Сикурел.

Четвертое направление – так называемая «этнометодология», которая, комбинируя социологию и феноменологию, создаёт собственную область исследований. Подобно феноменологии, отношение этнометодологии к своим объектам отличается от естественного отношения, то есть она воздерживается от того, чтобы считать объективный мир существующим самим по себе. Однако для феноменологии вероятный смысл мира заключен в интенциональности трансцендентального сознания, а для этнометодологии он выражен в коммуникативных практиках: объяснении, интерпретации, дедукции и т. д. тех акторов, которые образуют конкретные ситуации повседневной жизни. Этнометодология представлена работами Г. Гарфинкеля, М. Поллнера и др.

Статья С. Ямагути 1975 г. стала первой заметной попыткой познакомить японских читателей с концепцией А. Шюца. Затем последовали монографии К. Окуда (Okuda) «Культура и амбивалентность» («Bunka to gyougisei», 1975 г.), М. Ямагути (Yamaguchi) и Т. Ямагиси (Yamagishi) «Исследование социального мира» («Shakaiteki sekai no tankyuu», 1977 г.), Н. Симода (Shimoda) «Основания социологического мышления» («Shakaigakuteki shikou no kiso», 1978 г.).

Важным представляется высказанное С. Ямагути утверждение о метасоциологической точке зрения. Понятие о метасоциологии исходит из того, что концепция А. Шюца в равной мере с этнометодологией представляют собой социологию без общества, поскольку в них недооценивается интересубъективно-объективная сторона смыл-контекста общества (Sinnzusammenhang), которая оказывается латентной по отношению к субъективному смыслу действия. Феноменологическая социология могла бы начать с отыскания точки контакта с анализом макросоциальных структур при помощи герменевтического раскодирования подобного смыл-контекста. С. Ямагути ведёт критику А. Шюца с метасоциологических позиций, но при этом ему удаётся увлечь читающую публику феноменологической социологией А. Шюца, прежде всего, благодаря тому, что С. Ямагути создаёт удобную для читателя карту мира феноменологической социологии.

При сравнении метасоциологии С. Ямагути и феноменологической социологии А. Шюца следует обратить внимание на следующее. Во-первых, подобно тому, как в своё время Ю. Хабермас опрочетчиво ограничил А. Шюца анализом сознания, С. Ямагути преувеличил субъективную сторону его теории. На фоне объективистской функционалистской американской социологии А. Шюц действительно выглядит субъективистом. Во-вторых, необходимо прояснить отношения между вторым направлением в социологии, определенным как онтология жизненного мира или конститутивная феноменология естественного отношения, и ме-

тасоциологией, которая определяется по-разному, например, как социология социологии, знание о базовых формах понимания и т. п.

Начиная с конца 1970-х гг. и на всём протяжении 1980-х гг. феноменологические социологические исследования в Японии процветали. На ежегодных собраниях Японского социологического общества из года в год делались доклады об А. Шюце и феноменологической социологии. Состоялось несколько симпозиумов. В 1980 г. молодые социологи учредили Общество исследований по феноменологической социологии (Genshogakuteki shakaigaku kenkyukai). В декабре 1983 г. учреждено Японское общество феноменологии и социальных наук (Nihon genshogaku shakaikagakukai).

Из всего многообразия исследований А. Шюца в Японии в 1980-е гг. наиболее значительным представляется монография Вагату Хиромачу (Hiromatsu) «Genshogakuteki shakaigaku no sokei – Alfred Schutz kenkyu-noto» («Прототип феноменологической социологии – исследовательские заметки об Альфреде Шюце»), опубликованная в 1991 г.¹ Несмотря на то что автор избрал жанр исследовательских заметок, ему удалось вычленил и далее развить основные положения концепции А. Шюца. Особого внимания заслуживает рассмотрение В. Хиромачу следующих двух проблем: во-первых, осмысление труда А. Шюца «Смысловая структура социального мира»; во-вторых – критика А. Шюца с позиций марксистской социальной философии, в особенности критические замечания по поводу проблемы А. Шюца и М. Вебера.

В. Хиромачу расценивает произведение «Смысловая структура социального мира» в качестве прототипа феноменологической социологии, который получил широкое признание среди учёных первого эшелона не в одной лишь социологии, но вообще в социокультурных исследованиях. Однако многие места затруднены для понимания по причине философских нагромождений. Задача философа – облегчить читателям детализированное восприятие текста А. Шюца. Лучше всего справиться с данной задачей удаётся благодаря жанру исследовательских заметок.

Восемь глав книги В. Хиромачу посвящены поставленной цели: «Проект социальной философии А. Шюца», «Компоновка социальной философии А. Шюца», «А. Шюц и тень А. Бергсона», «О понимании А. Шюцем Другого» (две главы), «Шюцева теория мира непосредственно переживаемой реальности», «Шюцева теория мира современности», «Исследование А. Шюцем понимающей социологии».

Две трети текста книги В. Хиромачу отведено прямым цитатам из «Смысловой структуры социального мира», переведенным собственноручно с немецкого оригинала. Однако, поскольку книга В. Хиромачу написана полуклассическим стилем японского языка, не все авторские комментарии

удаётся понять. В. Хиромачу пришлось затратить немало сил для перевода на японский язык таких терминов, как Umwelt, Mitwelt, Vorwelt, Nachwelt, Handeln, Handlung и т. п. Иногда он слишком буквально трактует определения, педантично вникая в смыслы слов, (например, объяснение слова kontinuierlich занимает три страницы). Поэтому при чтении книги В. Хиромачу возникает полное ощущение того, что читаешь текст самого А. Шюца. Сложно найти сравнительный аналог столь кропотливо выполненному исследованию.

Несмотря на столь трепетное отношение к «Смысловой структуре социального мира», В. Хиромачу воспринимает А. Шюца критически. Его критика А. Шюца переходит вообще на всех социологов, которые являются сторонниками социологической теории социального действия. Из авторского предисловия явствует, что в то время В. Хиромачу планировал аналогичный проект, посвященный исследованию М. Вебера, Дж. Мида и Т. Парсонса, который он собирался назвать «Исследовательские заметки о теории социального действия».

Корректная критика А. Шюца со стороны В. Хиромачу требует понимания того, к какой цели стремится японский учёный, критикуя теорию социального действия. В. Хиромачу является сторонником отрицания концепции Э. Дюркгейма, которая представляет собой самодостаточный социальный физикализм объективно установленных социальных феноменов, и концепции М. Вебера, ориентированной на понимание субъективно реализуемого смысла атомов, то есть индивидов и их действий, через преодоление оппозиционной парадигмы (гиподигмы) субстанциализма общества – субстанциализма индивида, которая лежит в основании обеих концепций. В. Хиромачу стремится к отрицанию современного взгляда на человека и общество, его критические замечания в отношении А. Шюца и М. Вебера исходят из этой практико-теоретической точки зрения.

Критика А. Шюца со стороны В. Хиромачу такова. А. Шюц допускает, что М. Веберу удалось определить окончательную исходную точку любой адекватной теории в социальных науках. Исходя из этого допущения, А. Шюц предпринимает скрупулёзный анализ субъективного смысла – центрального понятия в концепции М. Вебера. В. Хиромачу задаётся вопросом о том, насколько успешна преемственность концепции А. Шюца по отношению к понимающей социологии М. Вебера, если отнестись к усилиям А. Шюца под критическим углом зрения, предполагающим отрицание упомянутой выше оппозиционной гиподигмы современного взгляда на человека и общество? Он считает оправданным утверждение, что М. Веберу удался онтологический прорыв сквозь рамки субстанциализма индивида, но, исчерпав индивидуализм, М. Вебер исчерпал себя. Нет никакого сомнения, что теории социального действия М. Вебера требуется новый

метод. В этой связи усилия А. Шюца по философскому обоснованию понимающей социологии М. Вебера и её преемственному развитию в методологическом отношении расширяют и делают более очевидными проблемы, присущие береговой парадигме.

За критикой со стороны В. Хиромаци скрывается важный вопрос понимания методологического проекта «Смысловой структуры социального мира». Следует ли расценивать данный труд в качестве философского обоснования теории социального действия М. Вебера с привлечением для этого трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля? В роли критического наследника М. Вебера А. Шюц благополучно существует в мире трансцендентальных эго и индивидуального субстанциализма, всерьёз занимаясь проблемой интерсубъективности. Но это интернациональная интерсубъективность на когнитивном уровне, а не интеракция на онтологическом уровне.

Тем не менее философская интерпретация В. Хиромаци способствовала тому, что на протяжении 1980-х гг. в Японии труды А. Шюца были широко восприняты в качестве попытки описания устройства социального мира в форме смыслового контекста актов индивидуального сознания. Сложилось своего рода трио: Ю. Хабермас в 1960-х гг. определил феноменологическую социологию как анализ сознания; в 1970-е С. Ямагути сформировал образ субъективиста А. Шюца; в 1980-е – В. Хиромаци сформулировал проблему А. Шюца как трансцендентальное эго в гуссерлианском смысле. Такое более-менее преувеличенное представление об А. Шюце и его феноменологической социологии глубоко проникло в японскую социологию и другие общественные науки, предопределив ситуацию с исследованиями А. Шюца.

Однако в 1990-е гг. ситуация стала меняться. Появились новые материалы, и специалисты-шюцеведы опубликовали несколько серьёзных исследований. В 1994 г. Масатака Катагири (Katagiri) опубликовал монографию «Schutz no shakaigaku» («Социология А. Шюца»), в 1995 г. Мототака Мори (Mori) – «Alfred Schutz no Uien» («Альфред Шюц в Вене»), в 1997 г. Хисаси Насу (Nasu) – «Genshogakuteki shakaigaku heno michi» («Метод феноменологической социологии»), в 1998 г. Кадзухиса Нисихара (Nishihara) – «Imi no shakaigaku – Genshogakuteki shakaigaku no bouken» («Социология смысла – приключение феноменологической социологии»). В каждой из этих знаменательных публикаций представлено новое видение концепции А. Шюца.

В 1997 г. в университете Мусаси (Musashi) состоялся симпозиум Японской ассоциации изучения истории социологии на тему «Современное значение феноменологической социологии». Один из докладчиков, профессор К. Нисихара, наметил четыре проблемы, над которыми в будущем предстоит работать исследователям А. Шюца.

Первая проблема – проследить идеи А. Шюца в имманентном процессе их развития. Вторая проблема – проследить отношение А. Шюца к его интеллектуальным предшественникам, современникам и последователям, в особенности среди феноменологов и социологов. Третья проблема – история принятия концепции А. Шюца социологией с фокусом на социологической теории. Четвертая проблема – в каком направлении следует продолжать дискуссию об А. Шюце: либо критическая преемственность, либо преемственное развитие его концепции.

Некоторые проблемы, поставленные К. Нисихара, уже находят своё решение в США и в Европе, расширяя интеллектуальные горизонты шюцеведения. Сам К. Нисихара занимается четвёртой проблемой, которой посвящена его монография «Социология смысла – приключение феноменологической социологии»², выступив последователем покойного В. Хиромаци.

Монография М. Мори «Альфред Шюц в Вене»³ имеет подзаголовок «Идея либерального превращения обществоведения и его цикл». Автором собрана уникальная коллекция документов, проливающих свет на формирование мышления А. Шюца в его бытность в Вене (1889–1938 гг.), на то, в каких обстоятельствах была написана «Смысловая структура социального мира», как А. Шюц отстаивал собственную точку зрения на так называемую феноменологическую социологию.

Многостраничный том (748 страниц) разделён на четыре части и десять глав. Часть первая «Пolemика о социальном приёме» включает главы «А. Шюц в столичном городе Вене», «Основные республиканские идеи», «Социологический спор о политике», «Эпоха терапевтического нигилизма». Вторая часть «Основные течения социологической мысли в Вене в двадцатые годы» содержит главу «Тупик социальной теории, основанной на эпистемологической критике». Третья часть «Попытка превращения, которую предпринял А. Шюц – концепция конститутивной теории социального мира» состоит из глав «Четыре рукописи двадцатых годов», «Влияние Макса Вебера», «Смысловая структура социального мира». Четвертая часть «Либерализм как метафора» содержит главы «Между социальной наукой и идеалистической философией», «Начало и конец нового мира».

Уникальность монографии М. Мори в её авторском замысле показать развитие концепции А. Шюца на фоне Вены 1920-х гг. – места, где кипела интеллектуальная жизнь, о чём сегодня забыли. Проведённый в Вене и Нью-Йорке историко-социологический анализ оказывает нам А. Шюца – учёного-обществоведа в контексте грандиозных событий той эпохи, и одновременно знаменует новую эпоху – глобализации социологических исследований.

Дальнейшему распространению идей А. Шюца в Японии способствовало новое поко-

ление японских переводчиков, благодаря скромному труду которых его произведения сделались намного ближе к японскому читателю. Японские учёные-шюцеведы поддерживают тесные контакты с коллегами из США и Европы. В будущем предстоит высвободить А. Шюца из-под эпистемологических чар В. Хиромацу. Для этого потребуется изменить парадигму и реконструировать Шюцеву онтологию жизненного мира уже не в качестве эпистемологической проблемы, но как антропологическую прагматическую проблему.

УДК 316.64

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

И. Г. Малинский, С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет

E-mail: mig@info.sgu.ru, skareva@yandex.ru

В статье представлен анализ характера образовательных стратегий учащейся молодежи г. Саратова. Рассмотрены основные мотивы получения профессионального образования.

Ключевые слова: образовательные стратегии, мотивация.

Instrumental Character of Educational Strategies of Young Students

I. G. Malinsky, S. V. Sitnikova

The article presents the analysis of educational strategies of young students, Saratov. Considered are the main motives of vocational education.

Key words: educational strategies, motivation.

Уровень общего и профессионального образования – одна из важных характеристик трудового потенциала личности. В то же время образование обеспечивает общий прогресс общества, служит основой развития личности работника и роста его квалификации.

Социологические исследования выявляют существенные творческие возможности рабочих с высоким профессиональным образованием¹.

Образование, как показывают исследования специалистов, является не только социокультурной, но и социально-экономической категорией. Ю. Ю. Серван-Шрайбер доказал, что успешное проникновение американцев на европейский рынок, в том числе в сферу организации новых предприятий было обусловлено тем, что США, в отличие от стран Европы, более широко осуществляли инвестиции в человеческий капитал, то есть в образование и науку².

Экономическая эффективность образования обосновывалась и многими российскими учеными, в частности С. Г. Струмилиным. Им была

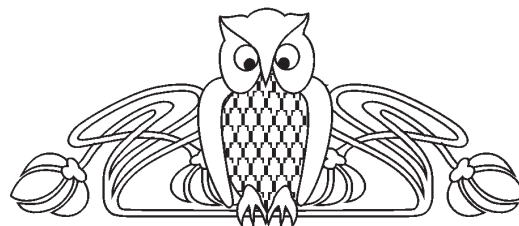
Для этого потребуется, как указал К. Нисихара, проследить идеи А. Шюца в имманентном процессе их развития.

Примечания

¹ *Hiromatsu W.* Genshogakuteki shakaigaku no sokei – Alfred Schutz kenkyu-noto. Tokyo : Seidosha, 1991.

² *Nishihara K.* Imi no shakaigaku – Genshogakuteki shakaigaku no bouken. Tokyo : Kobundo, 1998.

³ *Mori M.* Alfred Schutz no Uien. Tokyo : Shinhyoron, 1995.

предложена методика такого расчета степени важности среди всех источников повышения производительности труда, в котором образование делит второе-третье место с экономией средств и техническим преобразованием производства. Л. Кристенсен, Д. Камминг и Д. Йоргенсон определяют до 35% прироста среднегодового национального дохода на основе повышения уровня образования персонала³.

В условиях резкой ломки социально-экономических структур и отношений от современного человека требуется быстрая ориентация в происходящих изменениях, адаптация к ним, активность в поиске оптимальных решений. Таким образом, образовательный уровень служит основой квалификации человека и является необходимой предпосылкой его социально-профессиональной мобильности.

Анализ характеристик современной российской семьи⁴ выявил важную ценностную установку родителей на образование ребенка. Результаты анализа реального и желаемого финансового вложения саратовцев свидетельствуют о высокой рейтинговой позиции статьи вложения сбережений на образование свое и детей. При этом вариант «уже вложил за прошедший год» в обучение своих детей находится на 2-ом месте по упоминанию, уступая лишь на 1,0% варианту «откладываю, коплю».

Достаточно высокие проценты по указанным показателям, безусловно, свидетельствуют не только о ценности «образование» как декларируемой ценности общественного сознания, но и как реально осознанной, имеющей четкие и обоснованные ориентации, более того, выраженной в реальных действиях. Следует констатировать тот факт, что ценность наличия профессионального

ление японских переводчиков, благодаря скромному труду которых его произведения сделались намного ближе к японскому читателю. Японские учёные-шюцеведы поддерживают тесные контакты с коллегами из США и Европы. В будущем предстоит высвободить А. Шюца из-под эпистемологических чар В. Хиромацу. Для этого потребуется изменить парадигму и реконструировать Шюцеву онтологию жизненного мира уже не в качестве эпистемологической проблемы, но как антропологическую прагматическую проблему.

УДК 316.64

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

И. Г. Малинский, С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru, skareva@yandex.ru

В статье представлен анализ характера образовательных стратегий учащейся молодежи г. Саратова. Рассмотрены основные мотивы получения профессионального образования.

Ключевые слова: образовательные стратегии, мотивация.

Instrumental Character of Educational Strategies of Young Students

I. G. Malinsky, S. V. Sitnikova

The article presents the analysis of educational strategies of young students, Saratov. Considered are the main motives of vocational education.

Key words: educational strategies, motivation.

Уровень общего и профессионального образования – одна из важных характеристик трудового потенциала личности. В то же время образование обеспечивает общий прогресс общества, служит основой развития личности работника и роста его квалификации.

Социологические исследования выявляют существенные творческие возможности рабочих с высоким профессиональным образованием¹.

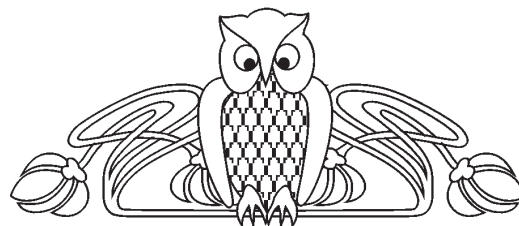
Образование, как показывают исследования специалистов, является не только социокультурной, но и социально-экономической категорией. Ю. Ю. Серван-Шрайбер доказал, что успешное проникновение американцев на европейский рынок, в том числе в сферу организации новых предприятий было обусловлено тем, что США, в отличие от стран Европы, более широко осуществляли инвестиции в человеческий капитал, то есть в образование и науку².

Экономическая эффективность образования обосновывалась и многими российскими учеными, в частности С. Г. Струмилиным. Им была

Для этого потребуется, как указал К. Нисихара, проследить идеи А. Шюца в имманентном процессе их развития.

Примечания

- ¹ *Hiromatsu W.* Genshogakuteki shakaigaku no sokei – Alfred Schutz kenkyu-noto. Tokyo : Seidosha, 1991.
- ² *Nishihara K.* Imi no shakaigaku – Genshogakuteki shakaigaku no bouken. Tokyo : Kobundo, 1998.
- ³ *Mori M.* Alfred Schutz no Uien. Tokyo : Shinhyoron, 1995.

предложена методика такого расчета степени важности среди всех источников повышения производительности труда, в котором образование делит второе-третье место с экономией средств и техническим преобразованием производства. Л. Кристенсен, Д. Камминг и Д. Йоргенсон определяют до 35% прироста среднегодового национального дохода на основе повышения уровня образования персонала³.

В условиях резкой ломки социально-экономических структур и отношений от современного человека требуется быстрая ориентация в происходящих изменениях, адаптация к ним, активность в поиске оптимальных решений. Таким образом, образовательный уровень служит основой квалификации человека и является необходимой предпосылкой его социально-профессиональной мобильности.

Анализ характеристик современной российской семьи⁴ выявил важную ценностную установку родителей на образование ребенка. Результаты анализа реального и желаемого финансового вложения саратовцев свидетельствуют о высокой рейтинговой позиции статьи вложения сбережений на образование свое и детей. При этом вариант «уже вложил за прошедший год» в обучение своих детей находится на 2-ом месте по упоминанию, уступая лишь на 1,0% варианту «откладываю, коплю».

Достаточно высокие проценты по указанным показателям, безусловно, свидетельствуют не только о ценности «образование» как декларируемой ценности общественного сознания, но и как реально осознанной, имеющей четкие и обоснованные ориентации, более того, выраженной в реальных действиях. Следует констатировать тот факт, что ценность наличия профессионального

образования осознана не только населением, представляющим среднее и старшее поколение, но и молодежью.

Наше лонгитюдное исследование было нацелено на решение основной задачи – выявить специфику образовательных стратегий современной молодежи⁵. При определении профессиональных планов школьников выявлена ориентация выпускников классов различной направленности не на начало трудовой деятельности, а на продолжение получения образования и высокой квалификации специалиста. Так, 95,3% всех опрошенных после окончания школы (лицея) планируют поступить в высшие учебные заведения. Лишь 0,9% из всех опрошенных планируют начать трудовую деятельность, при этом 3,8% лицеистов не определились с дальнейшими планами. К тому же большинство респондентов (92,5%) считают важным получение образования сразу же после окончания школы или лицея; 5,7% указали на приоритетность трудового стажа, а впоследствии получение образования по выбранной специальности; 0,9% лицеистов ставят перед собой цель защиты Родины и службу в Вооруженных силах РФ после окончания обучения.

Рейтинг вузов (в табл. 1) свидетельствует о том, что наиболее популярным среди старшеклассников является Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (43,5%). Именно туда опрошенные планируют поступать после окончания обучения в школе (лицее); 17,4% респондентов хотели бы поступить в Саратовский государственный технический институт, в то время как 12,2% строят планы на получение высшего профессионального образования в Саратовском социально-экономическом университете; в Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова планируют поступать 9,6% опрошенных. Помимо других высших учебных заведений г. Саратова (Саратовская государственная академия права, Саратовский юридический институт МВД России, Поволжская академия государственной службы, Саратовский государственный медицинский университет), в числе рейтинговых присутствует также и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова как желаемый вуз для получения профессионального образования для нынешних лицеистов и школьников г. Саратова.

Таблица 1

Рейтинг высших учебных заведений

Вуз	Частота	% от числа	% от ответов
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского	50	43,5	52,6
Саратовский государственный технический университет	20	17,4	21,1
Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова	11	9,6	11,6
Саратовская государственная академия права	4	3,5	4,2
Саратовский юридический институт Министерства внутренних дел России	5	4,3	5,3
Саратовский государственный социально-экономический университет	14	12,2	14,7
Поволжская академия государственной службы	7	6,1	7,4
Педагогический институт Саратовского государственного университета	2	1,6	2,0
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	1	0,9	1,1
Саратовский государственный медицинский университет	1	0,9	1,1
Итого	115	100,0	121,1*

Примечание.* Процент от ответов превышает в сумме 100%, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Определяя дальнейшее место обучения, лицеисты и школьники большое внимание уделяют выбору наиболее предпочтительной направленности получаемого образования. Для 56,0% респондентов, планирующих поступать в Саратовский государственный университет, важно, в первую очередь, чтобы образование было классическим; 16,0% предпочитают экономическую направленность образования; 14,0% – юридическую, в то время как 12,0% лицеистов и школьников хотели бы освоить в СГУ управленческие специальности (менеджмент, управление качеством и т. д.). Желаящих полу-

чить в классическом университете техническое образование и специальности, позволяющие впоследствии трудоустроиться в сфере культуры, оказалось не так много – по 6,0%. В то же время респонденты, предполагающие поступить в Технический университет, предпочитают получение именно технического образования (40,0%), 30,0% хотели бы получить классическое образование, для 20,0% респондентов важна управленческая направленность. Планирующие обучение в СГСЭУ предпочитают экономическую (71,4%), юридическую (35,7%) и управленческую направленность (28,6%).

Интересным остается тот факт, что, выбирая направленность образования и место дальнейшего обучения, лицеисты и школьники не могут в полной мере осознать важность для себя той или иной специальности. Так дело обстоит со старшеклассниками, намеренными поступать в наиболее престижные вузы, выбирая при этом и наиболее престижные, на их взгляд, направления обучения (юридическое, экономическое, управленческое).

Этим же обусловлено и значительное количество затруднившихся выбрать тип наиболее предпочитаемого образования. Так, среди предполагающих поступать в СГУ, СГТУ и ПАГС 12,0, 15,0 и 14,3% соответственно затруднились ответить. Планирующие получить высшее профессиональное образование в Педагогическом институте СГУ, Саратовском государственном медицинском университете, а также в Саратовском юридическом институте МВД России четко определили дальнейшую направленность образования.

И хотя при ответе на вопрос о критериях руководства при выборе специальности большая часть опрошенных назвала именно неподдельный интерес к данной деятельности (37,0%), обуславливая это призванием, в то же время 25,9 и 22,2% всех ответивших объясняют свой выбор престижностью данной профессии и востребованностью ее на рынке труда. Лишь 8,0% лицеистов в своем выборе опираются на совет родителей и всего лишь 1,9% всех опрошенных руководствуются при выборе дальнейшей специальности собственным представлением о профессии. Иными словами, доминирующим основанием реального профессионального самоопределения выступает критерий «хочу»⁶ – почти 63,0% опрошенных учащихся, около 22,0% исходят из потребностей рынка труда («надо») и лишь 12,0% учащихся соотносят свои желания с возможностями («могу»). В связи с этим большинство выпускников не имеют ясной жизненной перспективы и, как следствие этого, оказываются невостребованными, вынуждены работать не по специальности.

Подобная тенденция свидетельствует о значительных сложностях функционирования

системы профориентации школьников, так как, являясь в большей своей массе учебными заведениями с профильным обучением, лицей и школы в соответствии с Концепцией модернизации российского образования должны обеспечить довузовскую профориентацию лицеистов. Основной задачей именно профильного обучения является создание в старших классах общеобразовательной школы системы специализированной подготовки, ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся с учетом реальных потребностей рынка труда.

При этом, как мы видим, все большее число выпускников стремится стать юристами, экономистами, менеджерами высшего звена, чаще пополняя ряды безработных после окончания высших учебных заведений, поскольку на рынке труда на сегодняшний день они востребованы в меньшей степени. По данным экспертов, для нынешних 1,8 млн студентов экономических и 750 тыс. учащихся юридических факультетов мест на рынке труда нет. Кризис отнес эти специальности в разряд не востребованных экономикой и обозначил острейший дефицит специалистов во многих отраслях, в первую очередь в металлургии, энергетике, машиностроении⁷.

Определяя мотивацию получения высшего образования среди старшеклассников (табл. 2), было выявлено, что для трети опрошенных высшее профессиональное образование не является необходимостью и выбор той или иной специальности обусловлен иными факторами, среди которых можно выделить: желание получить высокооплачиваемую работу (38,7%), возможность получения отсрочки от службы в армии при поступлении в вуз (35,8%), а также получение возможности отодвинуть трудовую деятельность на несколько лет (30,2%). Лишь немногие мотивированы желанием стать хорошим специалистом в ходе обучения в вузе (14,2%). Все это, безусловно, свидетельствует о инструментальности характера ценности профессионального образования старшеклассников: 10,4% всех опрошенных считают, что полученное высшее профессиональное об-

Таблица 2

Мотивы получения образования среди старшеклассников

Мотивы получения образования	Частота	% от числа	% от ответов
Для того чтобы занимать руководящую должность	11	5,9	10,4
Для обеспечения возможности отодвинуть необходимость зарабатывать на несколько лет	32	17,3	30,2
Для того чтобы стать хорошим специалистом	15	8,1	14,2
Для получения отсрочки от службы в армии	35	20,5	35,8
Для получения высокооплачиваемой работы	41	22,2	38,7
Мне оно не нужно	41	22,2	38,7
Затрудняюсь ответить	7	3,8	6,6
Итого	182	100,0	174,6*

Примечание. * Процент от ответов превышает в сумме 100%, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

разование в дальнейшем будет способствовать получению руководящей должности.

Таким образом, на сегодняшний день при выборе будущей специальности, что, по сути, определяет дальнейший профессиональный путь, молодежь руководствуется в первую очередь престижностью получаемой профессии, нередко будучи неосведомленной о ситуации на рынке труда. Высшее образование становится средством достижения не столько профессиональных, сколько личных субъективных интересов.

Примечания

- 1 См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. Л. : Наука, 1979.
- 2 См.: Образование в современном мире : Состояние и потенциал развития / под ред. М. И. Кондакова. М. : Педагогика, 1986.
- 3 См.: Соколов А. И. Япония : Экономика и образование. М., 1982.

⁴ Лонгитюдное исследование «Ценности современного российского общества» проводится на базе ЦРСИ СГУ в период с 2006 г. по настоящее время.

⁵ С этой целью в марте-апреле 2009 г. было проведено пилотажное социологическое исследование методом анкетирования среди школьников выпускного класса трех учебных заведений г. Саратова: школа № 31, школа № 54 и лицей № 15. Выборочная совокупность исследования составила 106 респондентов. В ходе исследования было опрошено 15,1% учащихся 11-го класса общеобразовательной школы № 31, 16,0% респондентов, обучающихся в школе № 54. Наибольшее число опрошенных составили представители лицея № 15 (68,9%). Подобное распределение можно объяснить спецификой объекта исследования, которым являются учащиеся профильных и обычных классов учебных заведений г. Саратова.

⁶ См.: Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2004. С. 49.

⁷ См.: Государство поддержит обучение дефицитным специальностям // Рос. газ. Спецвып. № 4858. 2009. 17 марта.

УДК 378.147

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Т. А. Николенко

Тюменский государственный нефтегазовый университет
E-mail: tatyananikolenko@mail.ru

В статье рассматриваются главные направления внедрения современных обучающих технологий в учебный процесс. Анализируются основные тенденции развития современного общества, позволяющие охарактеризовать его как информационное. В свете новейших автоматизированных информационных технологий обучения рассматриваются теоретико-методологические основы профессионального обучения с позиции современных достижений психологии, педагогики и дидактики.

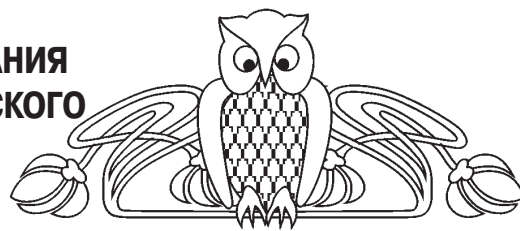
Ключевые слова: обучающие технологии, образовательный процесс, реформирование высшего образования.

Main Directions of Reforming of the Highest Professionally-technical Education of Russia

T. A. Nikolenko

In article the main directions of introduction of modern training technologies in educational process are considered. The main tendencies of development of the modern society, allowing to characterize it as information are analyzed. In the light of the newest automated information technologies of training teoretiko-methodological basics of vocational training from a position of modern achievements of psychology, pedagogics and didactics are covered.

Key words: training technologies, educational process, reforming of the higher education.

В результате влияния сложившейся экономической обстановки в мире наметилась общая тенденция интеграции мирового сообщества во все сферы деятельности. Современное общество переходит на новый виток своего развития, в котором основополагающую роль играет информация. Существует ряд факторов, позволяющих утверждать, что современное общество является информационным, к ним относятся:

- огромный, все увеличивающийся рост объема информации, в том числе и профессиональной;
- постоянно ускоряющийся темп смены технологий и оборудования;
- рост значимости наукоемких и информационных технологий по сравнению с трудоемкими;
- приоритетность и востребованность результатов научных исследований для разработки новых технологий и оборудования;
- возрастание ценности творческой профессиональной деятельности в любой сфере общественной практики.

Обозначенные общемировые тенденции оказывают существенное воздействие на различные сферы общественной деятельности и, в первую очередь, заставляют приспособляться к изменившимся условиям сферу образовательной деятельности.

Каково же в настоящее время состояние с внедрением эффективных технологий обучения

разование в дальнейшем будет способствовать получению руководящей должности.

Таким образом, на сегодняшний день при выборе будущей специальности, что, по сути, определяет дальнейший профессиональный путь, молодежь руководствуется в первую очередь престижностью получаемой профессии, нередко будучи неосведомленной о ситуации на рынке труда. Высшее образование становится средством достижения не столько профессиональных, сколько личных субъективных интересов.

Примечания

- 1 См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. Л. : Наука, 1979.
- 2 См.: Образование в современном мире : Состояние и потенциал развития / под ред. М. И. Кондакова. М. : Педагогика, 1986.
- 3 См.: Соколов А. И. Япония : Экономика и образование. М., 1982.

⁴ Лонгитюдное исследование «Ценности современного российского общества» проводится на базе ЦРСИ СГУ в период с 2006 г. по настоящее время.

⁵ С этой целью в марте-апреле 2009 г. было проведено пилотажное социологическое исследование методом анкетирования среди школьников выпускного класса трех учебных заведений г. Саратова: школа № 31, школа № 54 и лицей № 15. Выборочная совокупность исследования составила 106 респондентов. В ходе исследования было опрошено 15,1% учащихся 11-го класса общеобразовательной школы № 31, 16,0% респондентов, обучающихся в школе № 54. Наибольшее число опрошенных составили представители лицея № 15 (68,9%). Подобное распределение можно объяснить спецификой объекта исследования, которым являются учащиеся профильных и обычных классов учебных заведений г. Саратова.

⁶ См.: Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2004. С. 49.

⁷ См.: Государство поддержит обучение дефицитным специальностям // Рос. газ. Спецвып. № 4858. 2009. 17 марта.

УДК 378.147

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Т. А. Николенко

Тюменский государственный нефтегазовый университет
E-mail: tatyananikolenko@mail.ru

В статье рассматриваются главные направления внедрения современных обучающих технологий в учебный процесс. Анализируются основные тенденции развития современного общества, позволяющие охарактеризовать его как информационное. В свете новейших автоматизированных информационных технологий обучения рассматриваются теоретико-методологические основы профессионального обучения с позиции современных достижений психологии, педагогики и дидактики.

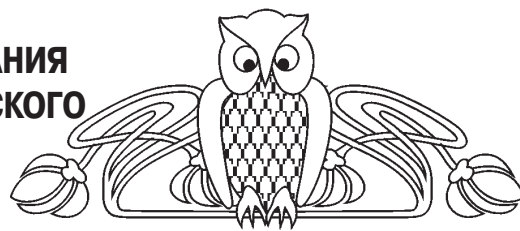
Ключевые слова: обучающие технологии, образовательный процесс, реформирование высшего образования.

Main Directions of Reforming of the Highest Professionally-technical Education of Russia

T. A. Nikolenko

In article the main directions of introduction of modern training technologies in educational process are considered. The main tendencies of development of the modern society, allowing to characterize it as information are analyzed. In the light of the newest automated information technologies of training teoretiko-methodological basics of vocational training from a position of modern achievements of psychology, pedagogics and didactics are covered.

Key words: training technologies, educational process, reforming of the higher education.

В результате влияния сложившейся экономической обстановки в мире наметилась общая тенденция интеграции мирового сообщества во все сферы деятельности. Современное общество переходит на новый виток своего развития, в котором основополагающую роль играет информация. Существует ряд факторов, позволяющих утверждать, что современное общество является информационным, к ним относятся:

- огромный, все увеличивающийся рост объема информации, в том числе и профессиональной;
- постоянно ускоряющийся темп смены технологий и оборудования;
- рост значимости наукоемких и информационных технологий по сравнению с трудоемкими;
- приоритетность и востребованность результатов научных исследований для разработки новых технологий и оборудования;
- возрастание ценности творческой профессиональной деятельности в любой сфере общественной практики.

Обозначенные общемировые тенденции оказывают существенное воздействие на различные сферы общественной деятельности и, в первую очередь, заставляют приспособляться к изменившимся условиям сферу образовательной деятельности.

Каково же в настоящее время состояние с внедрением эффективных технологий обучения

в высшем профессиональном образовании в России?

Проведенные Центром социологических исследований Министерства общего и профессионального образования РФ и Центром социального прогнозирования и маркетинга исследования современного состояния системы высшего профессионального образования России показали, что меньше половины опрошенных студентов (44%), преподавателей (43%) и руководителей вузов (45%) считают, что качество преподавания в основном соответствует требованиям времени. Большая часть респондентов высказали мнение, что качество преподавания в вузах лишь частично удовлетворяет современным требованиям профессиональной подготовки. Оценки профессиональных качеств самих преподавателей системы высшего профессионального образования также неутешительны. Если знание предмета преподавателями (предметно-профессиональная подготовка) почти 62% студентов оценивают как высокое, то умение обучать (психолого-педагогическая, информационно-технологическая подготовка) считают приемлемым лишь 21% опрошенных. В целом, почти треть студентов оценивают профессиональные качества преподавателей как средние и низкие¹.

Результаты исследования показали существенную недостаточность внедрения современных обучающих технологий в реальный учебный процесс. Это одна из основных причин катастрофически низкого качества образования молодого поколения, и, к сожалению, надо признать, большая часть учебных заведений страны практически не использует возможности развивающихся компьютерных технологий для интеграции в современную профессиональную и общественную жизнь. Причины этого, в свою очередь, кроются, по мнению экспертов, в низком уровне подготовки и недостаточной компетентности преподавателей и руководителей в области новейших информационных технологий в обучении; недооценке руководителями образовательных учреждений, в особенности среднего звена, роли и значения современных эффективных образовательных технологий; неготовности более половины преподавателей к работе с новыми автоматизированными информационными технологиями обучения.

Существует мнение, что при современном состоянии уровня психолого-педагогической и информационно-компьютерной подготовки преподавателей вузов перспектива внедрения в образовательный процесс новых технологий обучения может затянуться на десятилетия, пока не произойдет смены поколений преподавателей². Положение осложняется еще и тем, что процесс ротации преподавательских кадров сегодня почти заблокирован, так как старые преподаватели вынуждены работать из-за низкой пенсии, а приток новых качественных, подготовленных сил, по разным данным, не превышает 1,5–3,0% в год из-за низкого уровня оплаты труда.

Рассмотрим с позиций современных достижений психологии, педагогики и дидактики, а также в свете новейших автоматизированных информационных технологий обучения теоретико-методологические основы профессионального обучения. Для достижения максимальной эффективности применительно к системе профессионального образования необходимо оценить влияние каждого из компонентов технологии обучения и в целом педагогического проектирования технологии обучения.

В России, живущей с начала 90-х гг. XX столетия в состоянии кардинальных экономических, политических, социальных преобразований, одним из приоритетных направлений государственной образовательной политики и научно-педагогических исследований выступает реформирование образовательной системы современной России, и в частности высшего профессионального технического образования.

Среди признанных научно-педагогической общественностью концептуальных тенденций реформирования высшего профессионально-технического образования России, ставших предметом многочисленных научно-педагогических исследований, многие авторы³ выделяют в качестве определяющих, главных следующие:

- гуманизм;
- фундаментализм;
- информатизация;
- непрерывность;
- эффективность;
- технологичность.

Гуманизм профессионального образования означает, во-первых, удовлетворение запросов каждого индивида на образовательные услуги определенного объема, во-вторых, гибкость содержания и качества образования с учетом конъюнктуры на рынке труда, индивидуального уровня образования, возраста, социального положения, занятости, места жительства и т. п. Частично эту задачу решают институты повышения квалификации и дистанционного обучения, однако, согласно мнению⁴, необходимо постепенное изменение отношения системы образования в целом к субъекту образовательного процесса – человеку. Это может быть достигнуто путем создания новых эффективных технологий обучения, учитывающих особенности психических процессов познавательной и практической деятельности индивида, что приведет к реальной индивидуализации обучения, то есть к замене авторитарной парадигмы обучения на личностно ориентированную.

Еще одной важной составляющей тенденции гуманизма и индивидуализации обучения является возрастание роли гуманитарного образования во всех, в том числе и в технических, учебных заведениях. Гуманитарная составляющая образования должна быть усилена за счет увеличения числа часов, объема и повышения содержательного уровня гуманитарных дисциплин, объектом

изучения которых является человек. Это позволит поднять общекультурный уровень полученного образования, выполнить функцию интеграции подрастающего поколения в систему этических норм общественной жизни. Необходимо учитывать, во-первых, что увеличение объема гуманитарной нагрузки ни в коем случае не должно происходить за счет уменьшения количества часов профилирующих предметов, а во-вторых, что качественное гуманитарное образование нуждается не только в увеличении объема и изменении содержания образования, но и в использовании новых, психологически обоснованных современных технологий обучения.

Фундаментализм профессионального образования, заключающийся в создании образовательной системы, которая направлена на усвоение фундаментальных знаний о предметах и явлениях, на данный момент поддерживается относительно высоким уровнем педагогических кадров. Однако, как писал еще в 1995 г. С. Д. Смирнов⁵, фундаментальность содержания обучения – это только часть проблемы фундаментальности образования. Наибольший интерес представляет собой задача технологическая – каким способом обеспечить эффективное усвоение фундаментальных знаний субъектом учения с учетом особенностей его познавательной и практической деятельности, как осуществить фундаментальность технологии профессионального обучения. Выход – очевидный – одновременно и прост, и сложен. Необходим интерес обучающихся. Фраза «это может вам пригодиться» не может надолго увлечь внимание, и это давно известно. Здесь на первый план выступают личностные способности преподавателя увлечь своим предметом, возбудить у аудитории живой интерес. Возможны возражения: преподаватели – это не шоумены, но это и есть пример закоснелости представлений о роли преподавателя. Преподаватель должен быть шоуменом, он должен быть интересен аудитории, студенты должны видеть в нем современного человека, преуспевающего. Если не хватает собственных талантов, необходимо использовать возможности компьютерных технологий. Даже лекционное занятие можно провести не только в традиционной форме: «я говорю – вы слушаете и записываете», а в форме пресс-конференции, интерактивной игры, телемоста, лекции-проблемы и т. п. Основная задача – заставить самого преподавателя заниматься организацией и планированием подобных занятий. Как показывает практика, директивные методы в этом вопросе малоэффективны: заставить в приказном порядке преподавателя стать интересным, современным и сделать увлекательным свой предмет – это из области фантазий. Реально изменить отношение преподавателя к тому, что и как он делает, может только конкуренция, то есть конкурс на занятие преподавательской должности, в большинстве случаев представляющий собой простую

формальность, должен стать действительно конкурсом. А для этого необходимо, чтобы профессия преподавателя стала востребованной и престижной на рынке труда.

Все возрастающая роль информации в современном обществе определяет необходимость *информатизации* образования, в том числе и профессионального. Современные компьютерные технологии предоставляют эффективные средства и огромные возможности для оперирования с информацией, в том числе и учебной, открывают уникальные возможности доступа к информации. Все это в совокупности обуславливает формирование образовательной системы нового информационного общества на иных, цивилизованных принципах децентрализма, рассредоточения и оптимизации – системе открытого, сетевого и дистанционного образования.

Одним из важнейших факторов развития этого направления является разработка принципов педагогического проектирования эффективной технологии автоматизированного компьютерного и дистанционного обучения, психологически выверенной с точки зрения психических познавательных способностей и возможностей каждого обучающегося индивида.

Непрерывность профессионального образования в течение всего дееспособного периода жизни взрослого человека – общемировой стандарт для образовательной системы в условиях быстроменяющегося окружающего мира, когда с нарастающими темпами идет процесс смены оборудования, технологий, требующий соответствующей профессиональной переподготовки, повышения квалификации.

Задача состоит в решении как застарелой педагогической проблемы формирования и развития адаптационных способностей к качественному основному профессиональному образованию у студентов младших курсов, так и проблемы поддержания, восстановления способности к обучению взрослого индивида в системе дополнительного профессионального образования с учетом особенностей адаптационных возможностей взрослых людей. Эта задача должна решаться на содержательном и технологическом уровнях в рамках целостного образовательного процесса, включающего не только обучение, но и развитие, а также воспитание обучающихся.

Эффективность профессионального образования можно выразить тремя словами: качественнее, быстрее, экономичнее. Очевидно, что решение и этих задач лежит в технологической составляющей образовательного процесса, базирующейся на управлении тонким механизмом психических процессов познавательной и практической деятельности субъекта учения.

И, наконец, *технологичность* профессионального образования означает воспроизводимость и стабильность достижения планируемых результатов в образовании.

Таким образом, для претворения в жизнь сформулированных выше концептуальных тенденций реформирования высшего профессионально-технического образования России надо решить задачу технологическую, дающую ответ на вопрос о том, каким образом эффективно реализовать эти тенденции в учебном процессе системы учреждений профессионального образования с учетом генетических, возрастных, социальных, профессиональных особенностей индивида, закономерностей психических процессов в его познавательной и практической деятельности. Задача непростая и требующая нетривиального подхода, для ее решения необходимо на основе новейших достижений в области психологии, педагогики, дидактики создать теоретико-методологическую базу для разработки эффективных технологий обучения с использованием автоматизированных информационных технологий. Современная методологическая концепция должна включать в себя фундаментальные положения и принципы дидактики, основные закономерности и возможности психических процессов познавательной и практической деятельности субъекта учения, которые позволят сформулировать инвариант из небольшого числа постулатов, опираясь на который, можно проектировать, разрабатывать и внедрять в реальный учебный процесс эффективные технологии обучения. Обозначенный инвариант, представляющий собой формулировку основных закономерностей теоретической психологии познавательной и практической деятельности субъекта учения, позволяет еще на стадии педагогического проектирования исключить разработку идей, концепций, технологий обучения, противоречащих этим законам, несмотря на видимое обещание иметь успех в перспективе.

Вторая задача – на основе созданной теоретико-методологической базы разработать принципы педагогического проектирования компонентов

эффективных технологий профессионального обучения в соответствии с целями обучения.

И, наконец, следующая важнейшая задача – ознакомление преподавателей вузов с новейшими эффективными информационными технологиями в образовании, с опытом внедрения эффективных технологий обучения в реальный процесс профессиональной подготовки; передача преподавателям вузов эффективных технологий обучения, для чего необходимо предварительно обеспечить систематическую психолого-педагогическую подготовку, опираясь на которую, педагогами будут усвоены принципы педагогического проектирования новейших эффективных информационных технологий в образовании.

Примечания

- 1 См.: Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования : прикладной аспект. М. : Юристъ, 1997.
- 2 Там же.
- 3 См.: Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Указ. соч. ; Смирнов С. А., Котова И. Б., Шиянов Е. Н. [и др.] Педагогика : педагогические теории, системы, технологии : учебник для студентов, высш. и сред. учеб. заведений / под ред. С. А. Смирнова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Изд. центр «Академия», 1999.
- 4 См.: Рельев Ю. Г. Проектирование содержания обучения в системе повышения квалификации преподавателей технических вузов // Совершенствование образовательных процессов : новшества в обучении и научных поисках : межвуз. сб. науч. тр. Краснодар : Кубан. гос. технол. ун-т, 1997. С. 4–6.
- 5 См.: Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования : от деятельности к личности : учеб. пособие для слушателей фак-тов и ин-тов повышения квалификации преподавателей вузов и аспирантов. М. : Аспект Пресс, 1995.

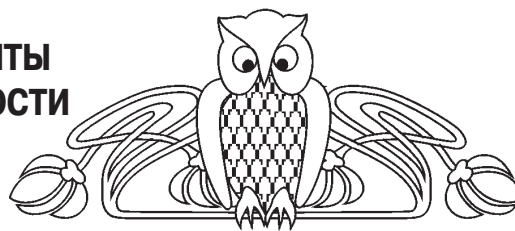
УДК 316.334.3

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет
E-mail: dvpokatov@gmail.com

Статья посвящена анализу такого важного параметра современной политической элиты, как профессионализм. Автор отмечает, что на современном этапе имеющиеся профессиональные характеристики элиты во многом детерминируют возможности распространения в обществе рисков. Предлагаются возможные средства, которые могут в будущем предотвратить появление глобальных политических рисков и связанную с ними нестабильность общественного развития.

Ключевые слова: политическая элита, профессионализм, политические риски.

Professionalism of Political Elite as Condition of a Riskiness Overcoming of Modern Society

D. V. Pokatov

The article is devoted to the analysis of such important parameter of modern political elite, as professionalism. The author notes that at the present stage available professional characteristics of elite in many

Таким образом, для претворения в жизнь сформулированных выше концептуальных тенденций реформирования высшего профессионально-технического образования России надо решить задачу технологическую, дающую ответ на вопрос о том, каким образом эффективно реализовать эти тенденции в учебном процессе системы учреждений профессионального образования с учетом генетических, возрастных, социальных, профессиональных особенностей индивида, закономерностей психических процессов в его познавательной и практической деятельности. Задача непростая и требующая нетривиального подхода, для ее решения необходимо на основе новейших достижений в области психологии, педагогики, дидактики создать теоретико-методологическую базу для разработки эффективных технологий обучения с использованием автоматизированных информационных технологий. Современная методологическая концепция должна включать в себя фундаментальные положения и принципы дидактики, основные закономерности и возможности психических процессов познавательной и практической деятельности субъекта учения, которые позволят сформулировать инвариант из небольшого числа постулатов, опираясь на который, можно проектировать, разрабатывать и внедрять в реальный учебный процесс эффективные технологии обучения. Обозначенный инвариант, представляющий собой формулировку основных закономерностей теоретической психологии познавательной и практической деятельности субъекта учения, позволяет еще на стадии педагогического проектирования исключить разработку идей, концепций, технологий обучения, противоречащих этим законам, несмотря на видимое обещание иметь успех в перспективе.

Вторая задача – на основе созданной теоретико-методологической базы разработать принципы педагогического проектирования компонентов

эффективных технологий профессионального обучения в соответствии с целями обучения.

И, наконец, следующая важнейшая задача – ознакомление преподавателей вузов с новейшими эффективными информационными технологиями в образовании, с опытом внедрения эффективных технологий обучения в реальный процесс профессиональной подготовки; передача преподавателям вузов эффективных технологий обучения, для чего необходимо предварительно обеспечить систематическую психолого-педагогическую подготовку, опираясь на которую, педагогами будут усвоены принципы педагогического проектирования новейших эффективных информационных технологий в образовании.

Примечания

- 1 См.: Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования : прикладной аспект. М. : Юристъ, 1997.
- 2 Там же.
- 3 См.: Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Указ. соч. ; Смирнов С. А., Котова И. Б., Шиянов Е. Н. [и др.] Педагогика : педагогические теории, системы, технологии : учебник для студентов, высш. и сред. учеб. заведений / под ред. С. А. Смирнова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Изд. центр «Академия», 1999.
- 4 См.: Рельев Ю. Г. Проектирование содержания обучения в системе повышения квалификации преподавателей технических вузов // Совершенствование образовательных процессов : новшества в обучении и научных поисках : межвуз. сб. науч. тр. Краснодар : Кубан. гос. технол. ун-т, 1997. С. 4–6.
- 5 См.: Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования : от деятельности к личности : учеб. пособие для слушателей фак-тов и ин-тов повышения квалификации преподавателей вузов и аспирантов. М. : Аспект Пресс, 1995.

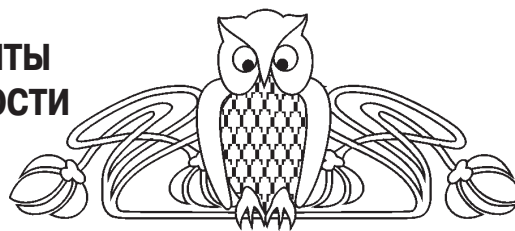
УДК 316.334.3

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет
E-mail: dvpokatov@gmail.com

Статья посвящена анализу такого важного параметра современной политической элиты, как профессионализм. Автор отмечает, что на современном этапе имеющиеся профессиональные характеристики элиты во многом детерминируют возможности распространения в обществе рисков. Предлагаются возможные средства, которые могут в будущем предотвратить появление глобальных политических рисков и связанную с ними нестабильность общественного развития.

Ключевые слова: политическая элита, профессионализм, политические риски.

Professionalism of Political Elite as Condition of a Riskiness Overcoming of Modern Society

D. V. Pokatov

The article is devoted to the analysis of such important parameter of modern political elite, as professionalism. The author notes that at the present stage available professional characteristics of elite in many

respects determine possibilities of risks distribution in the society. Possible means which can prevent the emergence of global political risks and the related instability of social development in the future are offered.

Key words: political elite, professionalism, political risks.

В последние годы одной из неотъемлемых черт развития современного общества становится усиление социальных рисков, проявляющихся в различных сферах его жизнедеятельности.

Особую опасность представляют политические риски, связанные с деятельностью политической элиты, призванной аккумулировать социальные потребности и запросы общества и интегрировать их в «формулу правления» (или, по точному определению итальянского социолога Г. Моска, «политической формуле»), выражающей в концентрированном виде основные политико-идеологические предпочтения данной группы. Разработка такой «политической формулы», по сути, составляющей идеологию современной элиты, невозможна без наличия у представителей элитных групп такого важнейшего признака, как профессионализм.

В современном российском обществе все отчетливее проявляется осознание необходимости стабильного и устойчивого развития, которое связывается (не в последнюю очередь) с профессионализмом в деятельности институтов власти и управления и таких субъектов политики, как политические элиты. Так, проведенный в сентябре–октябре 2009 г. в 13 субъектах РФ, входящих в состав Южного федерального округа, опрос 673 респондентов из числа государственных служащих, депутатов представительных органов, руководителей общественных организаций и движений, выявил, что показатель «профессионализм и компетентность» оказался для 23,82% респондентов наиболее важным среди основных требований, которым должна удовлетворять политическая элита¹. Достаточно близки оказались и результаты опроса, проведенного среди населения и экспертов в 14 субъектах России в июле 2007 г. Социологическим центром РАГС при Президенте РФ и охватившего 2000 респондентов. Среди ведущих факторов «пребывания в высших эшелонах власти» профессионализм назвали 45% опрошенных. Он оказался на втором месте после «богатства и денег», которые выбрали 47% респондентов².

Таким образом, именно профессионализм называется в числе одних из важнейших признаков, который должен быть неотъемлемым элементом имиджа представителя политической элиты.

В социологии, как и в некоторых других социальных и гуманитарных науках, существуют различные трактовки данного понятия. Так, известный отечественный социолог XIX в. Б. Н. Чичерин отмечал, что «политический деятель должен иметь ясное понятие о состоянии и потребностях общества, он должен ясно осознавать и самые

цели, которые можно иметь в виду при существующих условиях, определить, что на практике исполнимо и что должно быть отложено; наконец, он должен иметь понятие и об общем ходе истории, о том, к чему естественным движением жизни влекутся народы и государства, что следует поддерживать и с чем надо проститься: иначе он рискует дать политической жизни ложное направление, потратить силы и средства государства на то, что обречено на погибель, и тем самым подорвать собственное существование»³. По мнению другого известного социолога конца XIX – первой четверти XX в., Н. И. Кареева, любой общественный и политический деятель «создается не внешним положением, не тою или другой профессией или должностью, а внутренним отношением к делу, тем, что он делает из своей профессии»⁴. При этом политик, в его представлении, должен обладать не только преданностью общественным интересам, характером и опытностью, но и наиболее сильным умом и образованием⁵.

Среди имеющихся определений профессионализма заслуживает внимание трактовка данного понятия, приводимая В. Ф. Халиповым: профессионализм – это «совокупность знаний, навыков, а также поведения и действий, свидетельствующих о профессиональной подготовке, выучке, пригодности кого-либо»⁶.

Несмотря на то что в идеале профессионализм и выступает как совокупность знаний, умений, навыков, а также поведения и действий, следует признать, что в реальности он приобретает либо теоретическую, либо практическую форму.

Теоретический профессионализм выражается, прежде всего, в наличии у представителя политической элиты специального образования (политического, юридического, гуманитарного), необходимого для успешной деятельности в политической сфере.

При этом Б. Н. Чичерин в своих трудах подчеркивал значение, прежде всего, политического образования, отмечая, что только оно «может подготовить политических деятелей, стоящих на высоте своего положения»⁷. Н. И. Кареев, наоборот, был сторонником создания более широкой системы образования для элиты, включающей как этический и социологический, так и исторический компоненты⁸.

Как показывает отечественная практика (и советская, и современная российская), наличие такого образования не стало пока отличительной особенностью политической элиты. Так, только в составе депутатов Государственной думы, избранной в декабре 2011 г., количество гуманитариев составило лишь 6,4%, юристов – 5,0%, а политологов – 4,0%⁹.

Очень похожая ситуация складывалась на региональном уровне. В частности, в Саратовской области удельный вес политической элиты, имеющих юридическое образование, равняется 10,6%, гуманитарное образование – 16,0%, а эко-

номическое – 17,3%¹⁰. В то же время количество политических деятелей, имеющих техническое образование, составляет 47,5% на федеральном и 45,3% на региональном уровнях¹¹.

Такие показатели не являются случайными, так как по-прежнему преобладающей группой в составе политической элиты (если воспользоваться терминологией американского социолога Ч. Р. Миллса) являются профессионалы-практики. На современном этапе это достаточно разноплановое социальное образование, которое включает в себя как политиков, выдвинувшихся из чиновно-бюрократической среды, так называемых хозяйственников (бывших руководителей государственных предприятий ВПК и АПК, менеджеров фирм, работников федерального и регионального госаппарата), так и политических деятелей, прошедших в новых условиях значительную «школу партийной работы», имеющих опыт работы в избирательных кампаниях.

Столь значительное количество лиц с техническим образованием, конечно, не могло не отразиться на менталитете элитных деятелей и стиле их работы. Нельзя не согласиться с А. А. Андреевым, отмечавшим наличие у современных российских политиков своеобразного «штабного типа мышления» со столь характерной для него своеобразной логикой схематизации действительности, содержащей в себе потенциальную возможность подмены действительной жизни её идеализированными моделями, далекими от реальности¹².

Наблюдается существенный разрыв между поставленными элитой стратегическими целями и реалиями современной жизни. Об этом наглядно свидетельствуют выдвинутые в последнее время приоритеты. Так, согласно Указу «О долгосрочной государственной экономической политике» важнейшими направлениями и целями общественного развития должны стать: рост к 2018 г. объема инвестиций до 27% ВВП, возрастание доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в 1,3 раза, производительности труда – в 1,5 раза по сравнению с 2011 г. Также говорилось о необходимости появления и модернизации 25 млн рабочих мест¹³.

Определенные выше направления развития общества действительно очень важны для формирования инновационной модели. Вместе с тем реализация данных целей представляется достаточно проблематичной. По мнению целого ряда экспертов, основные драйверы роста ВВП прошлого столетия – высокий уровень заимствований, потребительский спрос и цены на нефть (по прогнозам нефтяников Саудовской Аравии, стоимость барреля нефти опустится до 100 долларов) – постепенно утрачивают свои позиции. Хотя доля вложений компаний в основной капитал и выросла в 2011 г. на 16% (до 7 трлн 721 млрд руб.), однако качество данных инвестиций не столь высоко¹⁴.

Относительно развития высокотехнологичных производств совершенно правы те исследо-

ватели, которые отмечают в своих работах, что в современной России ощущается достаточно острый дефицит опытно-экспериментальных производств и установок. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в России, в общей численности организаций (добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа, воды и сферы услуг) составил в 2007 г. только 8,5%, в то время как в Германии этот показатель равен 62,0%, в Великобритании – 43,0%, в Финляндии – 51,4%, в Нидерландах – 35,5%¹⁵.

По сути, существующий ныне разрыв между стратегическими приоритетами, составляющими основу управленческой парадигмы элиты и её базового ядра, «формулы правления», и социальной реальностью свидетельствует о декларативности и определенной волюнтаристичности базовых идеологических составляющих политической элиты. Об этом говорит не только отсутствие в управленческой парадигме системного видения целей, задач и механизмов их реализации, но и постоянная трансформация идеологических пристрастий элиты. Выдвигаемая современной политической элитой стратегическая цель все больше превращается в совокупность аморфных, весьма декларативных, имеющих, особенно на современном этапе, политическую направленность приоритетов. Так, наряду с отмеченными выше, представители политической элиты выдвигают на первый план идеи реформирования партийной системы, смены процедуры избрания руководителей исполнительной власти регионов, а также изменения порядка избрания Государственной думы и формирования Совета Федерации.

Данная управленческая стратегия и практика представителей политической элиты становится понятной, если учитывать, что, помимо присущего данной группе «штабного типа мышления», для неё характерны такие признаки, как некоторый догматизм, утилитаризм, предельный рационализм и определенная степень закрытости.

Неотъемлемым атрибутом современной отечественной политической элиты становится «ограниченный» профессионализм. Можно согласиться с М. И. Кодиным, справедливо отмечавшим, что у современной элиты «нет многомерного знания социальной ситуации, обычно её члены “замкнуты” на одной сфере жизни или одной проблеме, которые связаны или с их профессиональной деятельностью, или с их текущим интересом. Так, в сегодняшнем дне России политическая элита чаще всего выделяет те явления и проблемы, которые лежат на поверхности, выражены в событиях, и не обращает внимание на причины этих событий, коренные проблемы российской действительности»¹⁶. Сегодня наблюдается и ещё более опасная политическая практика, когда на важные должности назначаются лица, не только не имеющие должного административного опыта, но даже по своей профессиональной принадлеж-

ности далекие от той сферы деятельности, которой они должны руководить.

Без сомнения, все это создает благоприятную почву для появления не только политических, имеющих программный или деятельностный характер, но и глобальных социальных рисков, которые могут при определенных условиях создать угрозу стабильности всего общества.

Предотвратить развитие данных негативных процессов можно только в том случае, если своевременно и последовательно будет предпринят ряд важных шагов.

Прежде всего, необходима смена механизмов рекрутирования самой элиты. Они должны стать максимально открытыми для представителей различных социальных слоев и групп, имеющих необходимые качества и способности. Механизмы и критерии формирования новой элиты, в чем правы современные эксперты, изучавшие данный вопрос, «должны быть комбинированными, т. е. и партийными (партийные лифты), и государственными, и общественными (через систему выборов)»¹⁷.

В серьезном изменении нуждается система подготовки элитных кадров. Как думается, на современном этапе развития российского общества вряд ли оправданным является «элитарное образование», направленное на подготовку лиц, принадлежащих к узкому социальному кругу. Ряд существующих ныне учебных заведений (в том числе МГИМО (У) МИД РФ и ряд других) зачастую проводит набор абитуриентов, принадлежащих к таким закрытым статусным группам. Как думается, это в ряде случаев не оправдывает себя. Необходимо предоставлять больше возможностей и для других категорий поступающих. Также ряд современных учебных заведений ведет подготовку специалистов, пригодных в большей степени для работы в структурах исполнительной власти. Но бюрократическая прослойка – это только часть политической элиты. Возможно, настало время для введения в вузовскую систему обучения направления подготовки, которое будет ориентировано на обучение не только управленческих кадров, но и профессиональных политиков. В рамках их подготовки необходимо будет развивать не только способности к административно-управленческой деятельности, но и, что особенно важно для инновационного этапа развития современного общества, такие качества, как инновационное мышление, креативные способности, умения предлагать новые нестандартные пути и способы решения имеющихся проблем.

Только системная, комплексная и реалистичная система подготовки элитных кадров может способствовать росту профессионализма политической элиты и будет являться действенным средством предотвращения возникновения политических рисков, а значит, и факторов дестабилизации в развитии современного общества.

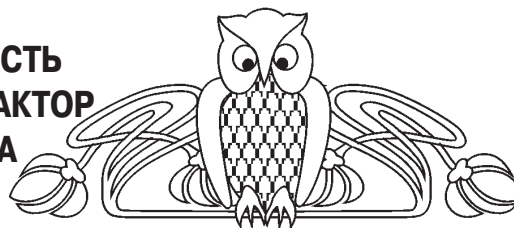
Примечания

- ¹ См.: Рудой В. В., Понделков А. В., Старостин А. М., Лысенко В. Д. Региональные административно-политические элиты России : двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ). Ростов н/Д, 2012. С. 25.
- ² См.: Шкаратан О. И. Социология неравенства. М., 2012. С. 431.
- ³ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1898. Ч. III. С. 2.
- ⁴ Кареев Н. И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1901. С. 59.
- ⁵ Там же. С. 142.
- ⁶ Халипов В. Ф. Власть. Основы кратологии. М., 1995. С. 254.
- ⁷ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 5.
- ⁸ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 131.
- ⁹ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных : Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78.
- ¹⁰ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных : Правительство Саратовской области. [сайт] : URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2013) ; Саратовская областная Дума. [сайт] : URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 03.04.2013).
- ¹¹ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных : Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78 ; Правительство Российской Федерации // Рос. газ. 2012. 22 мая. С. 2–4.
- ¹² См.: Андреев А. А. Российское общество : запрос на нравственность и компетентность // Государственная служба. 2006. № 1. С. 27.
- ¹³ Никитин А. Нас не догонишь // Итоги. 2012. № 21. С. 16–17.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Фототов А. Г. Россия : инновации и развитие. М., 2010. С. 364–365.
- ¹⁶ Кодин М. И. Российский политический процесс : социально-философские аспекты. М., 2008. С. 150.
- ¹⁷ Чернышев А. Г. Общество и элиты в поисках стратегии развития // Демократия. Власть. Элиты : Демократия vs элитократия. М., 2010. С. 82.

УДК 316.3

ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ВУЗОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

А. Н. Егоров

Пензенский государственный университет
E-mail: Alexnik_1982@mail.ru

В статье рассматривается одна из функций спортивной деятельности – способность создать неформальное общение, в ходе которого создаются неформальные связи и контакты, трансформирующиеся в определенные формы социального лифта. С помощью таких объединений создаются механизмы, способствующие развитию социальных лифтов в России, которые трансформируются со временем в социальный капитал.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, физкультурно-спортивная деятельность, социальный капитал, социальный лифт, неформальные связи и контакты.

Spots and Sports Activity of Student's Youth of Higher Education Institutions as Factor of Formation of the Social Capital

А. N. Egorov

The article considers one of functions of sports activity – ability to create informal communication, where informal communication and contacts create and transform to certain forms of the social elevator. Such associations create mechanisms which promote development of social elevators in Russia which are transformed over time to the social capital.

Key words: student youth, sports and sports activity, social capital, social elevator, informal communications and contacts.

В настоящее время в России требует скорейшего решения демографическая проблема¹. Важный её аспект – это физическое и моральное здоровье молодого поколения, от которого зависит путь стратегического развития нашей страны². Молодёжь, которая должна быть наиболее здоровой частью общества, таковой не является. Студентов с отклонениями в состоянии здоровья становится всё больше и больше³. Поэтому достичь поставленных целей по динамичному развитию государства и общества без здорового молодого поколения достаточно трудно, практически невозможно.

Кроме того, физкультурно-оздоровительная деятельность, занятия спортом, участие в виртуальных и реальных спортивных сообществах были и остаются формами социального лифта для определенных социально-психологических групп молодежи. Увлеченность физической культурой из вида социального лифта может превращаться в социальный капитал, который способствует профессиональному и карьерному росту молодых людей.

В данной статье физкультурно-спортивная деятельность студенческой молодёжи на этапе получения образования будет рассматриваться как одна из форм социального лифта по формированию социального капитала в России. Сегодня, как известно, социальные лифты в нашей стране работают недостаточно⁴. Благодаря физкультурно-оздоровительной деятельности любой молодой человек способен не только сохранять и улучшать собственное здоровье, но и передвигаться «вверх» по уровням общественной иерархии, опираясь исключительно на собственные способности, свои активность и результаты, а не только на деньги и связи родителей.

Под социальным капиталом в исследовании понимается набор коммуникативных схем, связей с физкультурно-спортивными группами, а также способность молодёжи к самоорганизации и совместным действиям. Он способен быстро вносить изменения в реальную меняющуюся обстановку современных общественных отношений⁵. Социальный капитал является системой социальных механизмов, обеспечивающих вертикальную мобильность молодых людей, их «подъём» от одного уровня общественной иерархии к наиболее высшей, независимо от социального происхождения. Физкультурно-спортивная деятельность способствует формированию социального капитала, используя социально-психологические качества личности, которые развиваются в человеке благодаря занятию физической культурой и спортом (трудолюбие, настойчивость, упорство, целеустремленность, коммуникабельность, ориентация на достижение результата и др.).

Физкультурно-спортивная деятельность возникает, формируется и развивается в связи с проблемой гуманизации соревновательных ситуаций реальной жизни. Случайный и непрочный круг участников, характерный для разнообразных игр и развлечений, в спортивной деятельности заменяется стабильным коллективом со строго определённой, формализованной структурой, поскольку спортивные соревнования носят долговременный характер, предполагают стремление к постоянному превышению полученных результатов и сравнению их с достижениями других лиц. В связи с этим физкультурно-спортивная деятельность преодолевает локальную ограниченность молодёжи, связывает и объединяет спортсменов

городов и посёлков, провинций и стран, выходит на государственную и международную арену, сближая людей разных стран и континентов, а значит, способствует формированию социального капитала в России.

Одна из функций спортивной деятельности – способность создать неформальное общение, в ходе которого создаются неформальные связи и контакты, трансформирующиеся в определенные формы социального лифта. С помощью таких объединений создаются механизмы, способствующие развитию социальных лифтов в России, которые трансформируются со временем в социальный капитал. На этапе обучения в вузе студенческая молодёжь способна собственными усилиями добиться желаемых результатов в социальной и общественной жизни. Создание доверительных отношений в процессе спортивно-развлекательной жизнедеятельности способствует более устойчивой связи между людьми, потому что в этом процессе затрагиваются естественные, природные качества личности. Они способствуют более культивированному формированию социального капитала.

Сегодня понятие «неформальное общение» невольно ассоциируется с такими организациями 1990-х гг., которые состояли далеко не из «хороших парней» и их действия были нацелены, конечно же, не на коллективную конструктивную работу. Время меняется и не нужно пугаться сегодняшних спортивных неформальных объединений, просто их необходимо направить в нужное русло. Это будет полезно и для окружающих людей, и в личностном плане. Главное, чтобы сами молодые люди это осознавали и принимали как необходимое и должное. Тема неформальных спортивных движений и субкультур имеет очень сложную проблематику, так как крайне актуальна в наше время. Сначала следует более подробно рассмотреть отдельные группы, суть самой взаимосвязи спорта и карьеры и образ жизни их членов.

В ходе авторских исследований, проведенных в Пензе, Саратове и Саранске в 2010–2012 гг., изучалось, насколько студенческая молодёжь ориентирована на будущую карьеру, помочь которой может физкультурно-спортивная деятельность.

Студенты были распределены по категориям в зависимости от состояния здоровья: специальная медицинская группа (лица с отклонениями в состоянии здоровья), студенты основной группы (здоровая часть молодёжи), а также активно занимающиеся спортом. Для этого мы предложили респондентам ответить на некоторые вопросы, касающиеся их отношения к спортивной деятельности, а также способна ли она создать новые коммуникации. Для решения этой диагностической задачи на основе её структуры, форм и уровней были разработаны специальные анкеты. Помимо анкет использовались педагогические наблюдения и беседы. В исследовании приняли участие 800 респондентов вузов Пензы и других городов ПФО.

Основные задачи исследования: изучить сознание студентов (их мнения, знания, ценностные ориентации, связанные со спортом и его влиянием на карьерный рост); как они могут взаимодействовать между собой и готовы ли к формированию социального капитала в игразированной реальной жизни.

Первый вопрос был о существовании неформальных спортивных сообществ в г. Пензе, поскольку известно, что они в городе реально существуют. Предварительно проводились беседы с бывшими профессиональными спортсменами (экспертная оценка), ныне любителями спортивной деятельности, которые смогли сделать бизнес или добиться хорошей работы только благодаря взаимоотношениям, которые они сумели выстроить за счёт спорта и занятий физической культурой. Такие люди действительно признают, что без связей и людей, на которых можно было бы опереться, сделать это было бы гораздо сложнее. То есть существует связь спорта и карьеры. Доверие способствует хорошему внутреннему настроению, а в случае ошибки чувствуется поддержка бывших коллег по спорту, настроенных на соиздание и коллективную работу.

Из рис. 1 мы видим, что большая часть (60%) студентов-«спортсменов» на вопрос о формировании неформальных спортивных сообществ в г. Пензе ответили «Да, формируются». Вторым по популярности стал ответ «Да, но незначительно» и только 15% данной категории отметили «Возможно, но я об этом не слышал». Для студентов основной группы наиболее популярными ответами стали: «Да, формируются» (41%) и «Возможно, но я об этом не слышал» (40%). Каждый пятый респондент указал «Да, но незначительно». Приблизительно аналогичные показатели мы наблюдаем и у студентов специальной медицинской группы.

В процессе интервью выяснилось, что студенты-«спортсмены» знают не только о существовании таких неформальных спортивных объединениях в своём городе, но и сами являются их участниками. В Пензе, Саранске в последнее время возникает всё больше таких объединений, где люди общаются, занимаются физической культурой, принимают общие решения, которые подталкивают их к дальнейшим взаимоотношениям в личностном и рабочем плане. В качестве примера можно предложить теннисный клуб «Лидер», который проводит обучение игре в теннис, организует турниры и товарищеские матчи детей и любителей разного возраста. На сайте этого клуба (www.tennis58.ru) можно получить подробную информацию о его деятельности.

Следующим в нашем исследовании был вопрос о наиболее предпочтительной форме физкультурно-спортивной деятельности. Необходимо было выбрать из трёх предложенных одну (рис. 2).

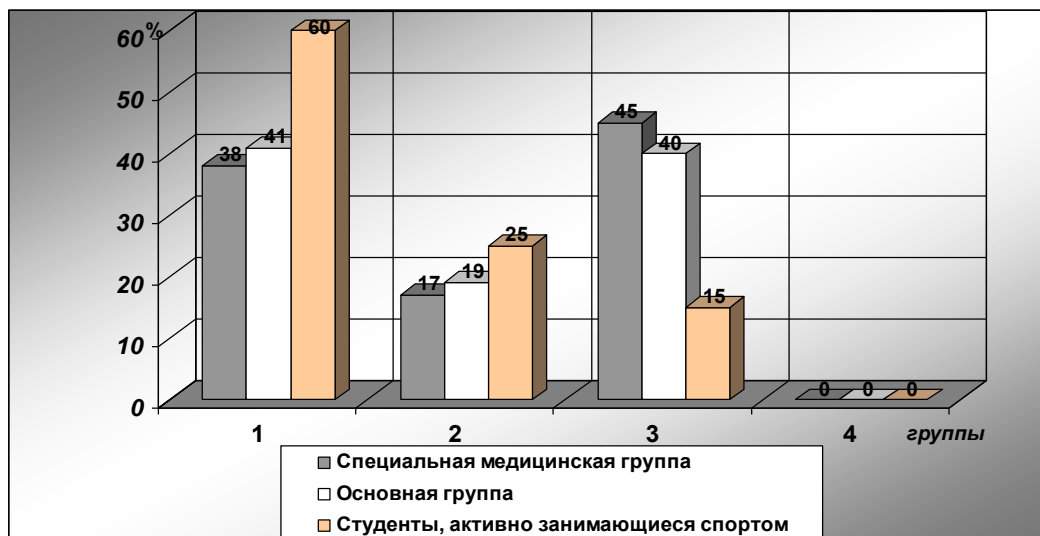

Рис. 1. Ответы на вопрос о существовании неформальных спортивных сообществ в г. Пензе (1 – «Да, формируются»; 2 – «Да, но не значительно»; 3 – «Возможно, но я об этом не слышал»; 4. «Не формируются»)

Рис. 2. Наиболее предпочтительная форма физкультурно-спортивной деятельности (1 – занятия физкультурой в вузе; 2 – неформальные спортивные сообщества; 3 – самостоятельные)

Как видно из рис. 2, наиболее предпочтительной формой физкультурно-спортивной деятельности для 60% студентов-«спортсменов» стали неформальные спортивные сообщества. Каждый четвёртый из этой категории желает заниматься самостоятельно. И только каждый седьмой респондент предпочитает занятия физкультурой в вузе. Для двух других категорий (с незначительной разницей в показателях) наиболее предпочтительной формой оказались занятия физкультурой в вузе, каждый пятый респондент этих категорий выбрал самостоятельные занятия; неформальные спортивные сообщества предпочли 14% студентов специальной медицинской группы и 19% основной.

Укоренившиеся старые взгляды о том, что только связи могут решить всё, должны посте-

пенно терять свою актуальность, а для молодого поколения необходимо открыть границы в социальном, материальном, моральном плане. Но для этого самим молодым людям необходимо иметь чёткие представления о том, что именно от их усилий, воли, стремления и желания что-то изменить зависит будущее России.

Мы предложили респондентам ответить на вопрос «Как вы считаете, возможно ли за счёт собственных способностей добиться высокого социально-политического и социально-экономического положения в России?» (рис. 3).

Половина студентов-«спортсменов» считают, что за счёт собственных способностей добиться высокого социально-политического и социально-экономического положения в России возможно, 42% ответили, что это достаточно тяжело, и только

7% полагают, что скорее нет, чем да. «Да, возможно» ответили 34% студентов основной группы, 32% этой категории указали вариант «Да, но достаточно тяжело» и 34% «Скорее нет, чем да». У респондентов специальной медицинской группы наиболее популярным оказался ответ «Скорее

нет, чем да» (42%), вариант «Да, но достаточно тяжело» указали 31% и «Да, возможно» – 27%.

Следующий вопрос нашего исследования – «Как вы считаете, может ли физкультурно-спортивная деятельность обеспечить расширение контактов и связей?» (рис. 4).

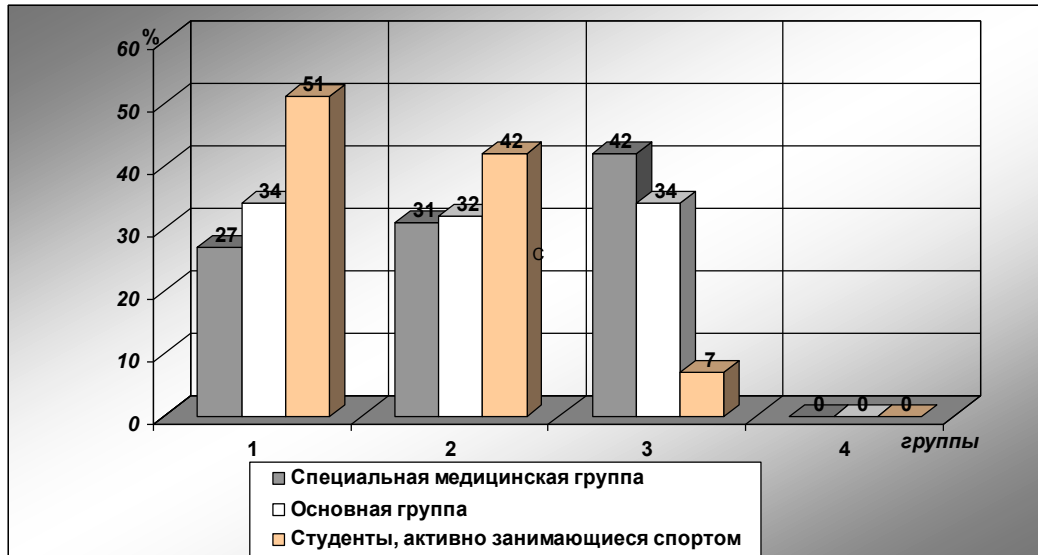

Рис. 3. Ответы на вопрос «Возможно ли за счёт собственных способностей добиться высокого социально-политического и социально-экономического положения в России?» (1 – «Да, возможно»; 2 – «Да, но достаточно тяжело»; 3 – «Скорее нет, чем да»; 4 – «Невозможно»)

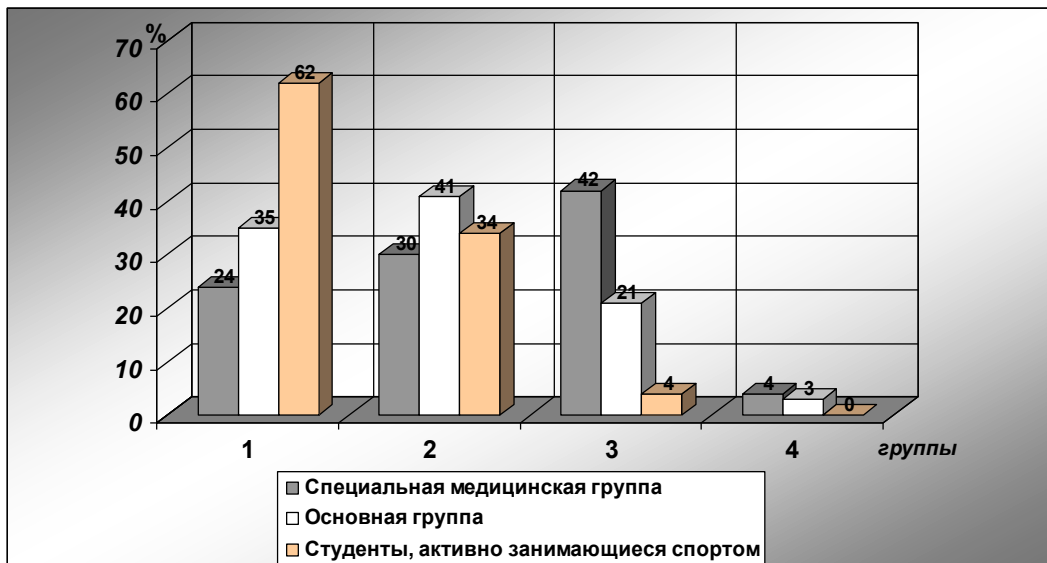

Рис. 4. Ответы на вопрос «Может ли физкультурно-спортивная деятельность обеспечить расширение контактов и связей?» (1 – «Да, безусловно»; 2 – «Да, но незначительно»; 3 – «Скорее нет, чем да»; 4 – «Нет»)

«Да, безусловно» ответили 62% студентов-«спортсменов», 34% указали «Да, но незначительно» и только 4% данной категории ответили «Скорее нет, чем да». Для студентов основной группы наиболее популярным стал ответ «Да, но незначительно» (41% респондентов), 35% указали вариант «Да, безусловно» и каждый пятый отметил, что скорее нет, чем да. Студенты специальной медицинской группы больше всех выбрали

вариант «Скорее нет, чем да» (42%), 30% – «Да, но незначительно» и 24% – «Да, безусловно».

Социальные контакты и связи формируют в современном российском обществе новые формы идентичности и солидарности со своей референтной группой. Без осознания своей принадлежности к группе нет ни апелляции к ресурсу солидарности, ни желания к солидаристским действиям. Убежденность в «себе-

подобии» тех, кто объединён понятием «мы», представляет собой основу любой солидаристской практики. Солидарность базируется на дуализме «мы» и «они», рассматриваемых во взаимном конфликте. Или, как писал З. Бауман: «Две противоположные группы размещаются на моей мысленной карте мира на разных полюсах антагонистических отношений; этот антагонизм делает обе группы “реальными” для меня, а также удостоверяет их внутреннюю согласован-

ность, которую я у них предполагаю»⁶. Индивид, «затерянный» в сложной структуре социальных диспозиций, испытывает затруднения в определении мира «своих»⁷.

В своем исследовании мы посчитали необходимым задать респондентам следующий вопрос: «По вашему мнению, формируют ли неформальные спортивные сообщества групповую солидарность?» Предлагалось четыре варианта ответов (рис. 5).

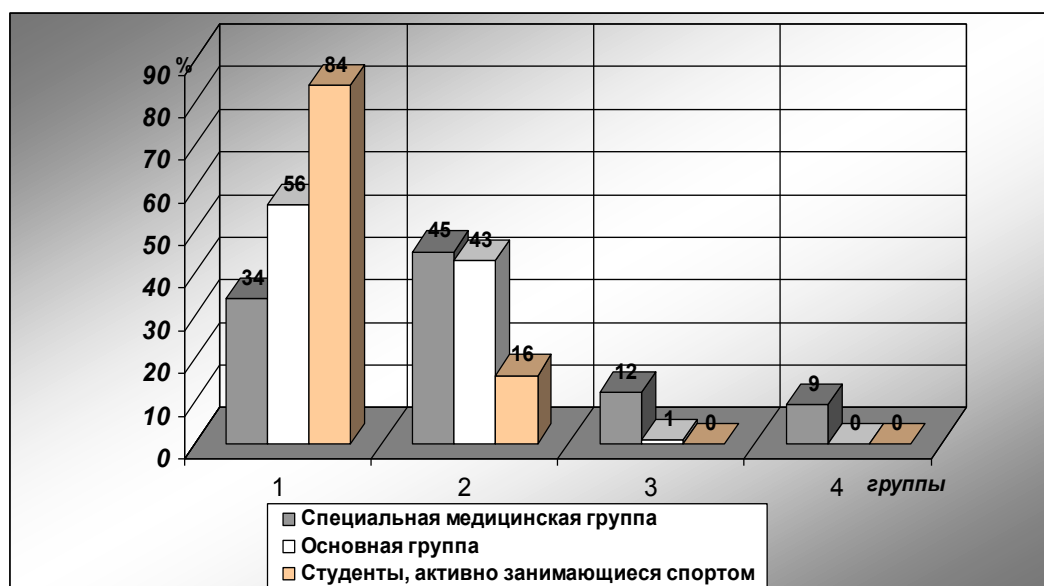

Рис. 5. Ответы на вопрос «Формируют ли неформальные спортивные сообщества групповую солидарность?» (1 – «Да, безусловно»; 2 – «Скорее да, чем нет»; 3 – «Скорее нет, чем да»; 4 – «Не формируется»).

Утвердительно на данный вопрос ответили 84% респондентов-«спортсменов» и только 16% указали вариант «Скорее да, чем нет»; 56% студентов основной группы отметили «Да, безусловно» и 43% склонились к ответу «Скорее да, чем нет»; 45% студентов с отклонениями в состоянии здоровья выбрали вариант «Скорее да, чем нет», и только 34% – «Да, безусловно».

Таким образом, можно сделать предварительные выводы о том, что студенческая молодёжь вузов, разделённая в нашем исследовании на категории по состоянию здоровья, по-разному относится к спортивной деятельности, которая способствует новым неформальным связям. Выяснилось, что студенты-«спортсмены» не только знают о существовании неформальных спортивных сообществ в своём городе, но и большей частью (60%) выбирают как наиболее предпочтительную форму физкультурно-спортивной деятельности именно такие спортивные объединения. Это происходит через Интернет, на игровых площадках, в клубах, на загородных встречах. Действительно в г. Пензе и других городах ПФО в последнее время возникает всё больше и больше именно таких объединений, где люди общаются, занимаются спортивными играми, принимают общие решения,

способствующие росту качества их дальнейших взаимоотношений в личном и рабочем плане. Человек, попавший в неформальное спортивное сообщество, становится с ним единым целым, принимает все порядки, законы нового общества, у него меняются система ценностей и взгляд на мир.

Необходимо уже на этапе обучения студенческой молодёжи специальной медицинской и основной групп иметь представления о данных организациях, потому что, как выяснилось в процессе исследования, практически половина опрошенных из этих категорий о формировании спортивных неформальных объединениях не слышали. Это вызывает беспокойство, так как данные сообщества способны выполнять множество функций, например, привести к нормальному психологическому состоянию, освободиться от лишней напряжённости, обменяться интересными знаниями, устроить игры, и просто стать местом, где молодые люди открываются друг другу, не опасаясь за последствия.

Причина неосведомленности о неформальных спортивных сообществах в своём городе, возможно, кроется в том, что наиболее предпочитаемой формой физкультурно-спортивной

деятельности студентов этих категорий были занятия физкультурой в вузе (на сегодняшний день они проводятся не чаще 1–2 раз в неделю). Конечно же, этого недостаточно для молодого растущего организма. Если каждый четвёртый студент-«спортсмен» в качестве предпочитаемой формы физкультурно-спортивной деятельности выделяет самостоятельные занятия, это объяснимо ярко выраженным индивидуализмом, то лишь пятая часть молодёжи специальной медицинской и основной групп, не имея необходимых представлений и знаний о спортивной деятельности, отмечает данную форму.

Безусловно, спортивная деятельность позволяет оптимистично смотреть на происходящее и будущее. Студенты-«спортсмены» подтвердили это ответами на вопрос «Возможно ли за счёт собственных способностей добиться высокого социально-политического и социально-экономического положения в России?». Половина из них ответили «Да, возможно», чуть меньше (42%) – «Да, но достаточно тяжело» и только 7% – «Скорее нет, чем да». Это, действительно, та категория молодого поколения, которая сориентирована на завтрашний день, готова сформировать новый социальный капитал, представляющий будущее России. Студенты двух других категорий, несмотря на то что одна из этих категорий состоит из здоровой части, ответили неоднозначно: многие (42 и 34% соответственно) выбрали вариант «Скорее нет, чем да». Чем это вызвано, сказать достаточно сложно, тем не менее, автор считает, что прослеживается очень значительная взаимосвязь спортивной деятельности и нацеленности на будущую жизнь молодых людей. Как раз вопрос «Может ли физкультурно-спортивная деятельность обеспечить расширение контактов и связей?» подтвердил предположения. Большая часть студентов-«спортсменов» ответили «Да, безусловно», вторым по популярности стал ответ «Да, но незначительно». И снова нет однородности в выборе ответов двух других категорий. Отмечают все варианты, в том числе «Скорее нет, чем да».

Большая часть студентов-«спортсменов» считает, что неформальные спортивные сообщества способны формировать групповую солидарность. Это необходимое понимание является основой формирования социального капитала, поскольку без групповой солидарности нет рациональной и сплочённой работы. У студентов специальной медицинской и основной групп в этом вопросе тоже наблюдаются расхождения. К примеру, 43% молодых людей основной группы ответили «Скорее да, чем нет», что характеризует их неуверенность. Особенностью ответов студентов специальной медицинской группы является то, что ими были затронуты все четыре варианта ответов, в том числе «Скорее нет, чем да» и «Не формируется».

В общем плане студенческая молодёжь, как и следовало ожидать, очень разнородна в своём

выборе. Наиболее адаптированной к будущей трудовой жизни и карьерному росту, а следовательно, накоплению социального капитала оказалась категория молодых людей «спортсменов». Именно в их ответах можно было проследить сплочённость и однородность. Поэтому они подтверждают предполагаемые и ожидаемые результаты в том, что существует бесспорная взаимосвязь активной спортивной деятельности и накопления связей, оказывающих влияние на карьерный рост.

Исследование явно прослеживает их позитивный настрой на созидание взаимоотношений в неформальных спортивных сообществах. Поэтому данная категория способна запустить работу социального лифта и привести к нормальному развитию и формированию социального капитала в России. Чего нельзя сказать о студентах специальной медицинской группы, которые давали разрозненные и во многом пугающие ответы, и поэтому данную категорию можно определить в разряд «критической». В целом необходимо акцентировать внимание именно на этой категории студенческой молодёжи, так как она на сегодняшний день является многочисленной, как уже упоминалось. Следует изменить сознание и ориентиры проблемных студентов, их отношение к своему здоровью, внешности, образу и стилю жизни. Мотивировать их к занятиям физкультурно-спортивной деятельностью можно будущей карьерой, повышением социального статуса, комфортом внутреннего состояния, то есть подойти к этому психологически, попытаться изменить их восприятие окружающего мира, которое должно впоследствии привести от болезненного к здоровому состоянию организма. Основная группа студентов не может рассматриваться как «критическая», поскольку по большей части эта категория всё-таки способна к расширению связей в своих кругах. Они не пугаются реальной жизни, просто их ограниченное пространство не позволяет в достаточной степени владеть информацией, и поэтому в качестве источников коммуникаций можно предложить интернет-общение, спортивные клубы, загородные встречи, контакты на различных мероприятиях – везде, где есть интересные, коммуникативные спортивные люди, способные поддержать такие встречи. Это сможет способствовать расширению контактов между молодыми людьми, позволит запустить работу социального лифта и привести к формированию социального капитала в России уже на этапе обучения.

Примечания

- 1 См.: Данишевский К. Демографический кризис в России: оптимальные пути преодоления // Отечественные записки. 2006. № 2.
- 2 См.: Лапин Н. И. Динамика базовых ценностей и социальное самочувствие россиян // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глоба-

лизация и современные изменения в современной России». М., 2007; Послание Президента РФ Федеральному Собранию. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/021159528.shtml> (дата обращения: 03.12.2011).

- ³ См.: Маркин В. В. Социальное благополучие регионов : преодоление диспропорций в уровне и качестве жизни населения. Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России : сб. материалов / под общ. ред. В. В. Маркина, А. А. Нелюбина, С. Л. Красноядцева. М., 2008. С. 25–29.
- ⁴ См.: Мальшев В. А. Социальные лифты в жизни россий-

ской молодежи : Социальная значимость и специфика функционирования : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012.

- ⁵ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993 ; Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 12–23.
- ⁶ Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М., 1996. С. 47.
- ⁷ См.: Климова С. Г. Идентификация и политический выбор // Поле мнений. Дайджест результатов исследований. Фонд «Общественное мнение». Вып. 3. Апрель 2000.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4.063 (316.4.066)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ И РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ

М. С. Ивченкова

Институт социологии Российской академии наук, Москва
E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

В статье по результатам социологического исследования раскрываются этапы модернизации российского здравоохранения, особенности современного его реформирования, проблемы и противоречия данного процесса в России и регионе.

Ключевые слова: здравоохранение, управление здравоохранением как процесс, системные характеристики здравоохранения, модернизация здравоохранения.

Modernization of Public Health Care in Russia and in the Region: Sociological Overview

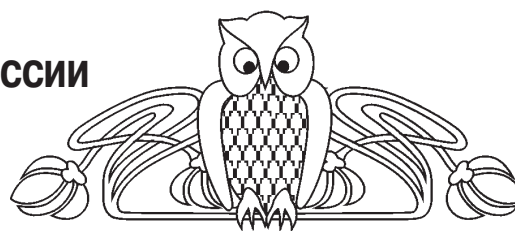
M. S. Ivchenkova

Based on sociological research data the article deals with phases of Russian public health care modernization. The features of its contemporary reformation, problems and contradictions of that process in Russia and in the region are observed.

Key words: public health care, public health care management, system characteristics of public health care, public health care modernization.

Проблемы здоровья населения России еще с 1990-х гг. получили статус проблем национальной безопасности в силу «сверхсмертности» мужчин в трудоспособном возрасте в связи с неблагоприятными показателями младенческой смертности, высокими темпами роста социальных заболеваний, низкой продолжительностью жизни, воспроизводством неблагоприятных тенденций в состоянии здоровья населения. Критичность ситуации потребовала в рамках социальной политики государства начать модернизацию системы здравоохранения.

Проведенный анализ показал, что государственное управление здравоохранением как

процесс – это целенаправленная, планомерная, непрерывная деятельность органов государственной власти, которая проявляется в исполнительно-распорядительном по форме и организующем по содержанию воздействию на управляемые объекты (учреждения здравоохранения) и преследует своей целью обеспечение граждан гарантированным государством правом на получение бесплатной, качественной и высокотехнологической медицинской помощи.

Система управления здравоохранением в России – одна из подсистем управления обществом. Будучи подсистемой более сложной системы социальной политики, она представляет собой целостную структурированную совокупность взаимосвязанных элементов; находится в единстве с иными подсистемами (социальными институтами) общества, оказывая на них взаимное влияние; является относительно самостоятельной, имеет свои функции, внутренние и внешние связи, иерархическую структуру, состоящую из ряда уровней управления – относительно обособленных образований, различающихся полномочиями (правами и обязанностями). Она обладает определёнными устойчивыми свойствами, динамична, то есть способна к развитию и совершенствованию.

Однако в настоящее время многие системные свойства как самого здравоохранения, так и управления им носят декларативный и противоречивый характер, что негативно сказывается на медицинском обслуживании населения. Это проявляется в доминировании командно-административных методов управления, недостаточном учете социальной специфики объекта, обратной связи с ним как важнейшим коммуникационным ресурсом, а также в несовпадении декларируемой функци-

лизация и современные изменения в современной России». М., 2007; Послание Президента РФ Федеральному Собранию. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/021159528.shtml> (дата обращения: 03.12.2011).

- ³ См.: Маркин В. В. Социальное благополучие регионов : преодоление диспропорций в уровне и качестве жизни населения. Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России : сб. материалов / под общ. ред. В. В. Маркина, А. А. Нелюбина, С. Л. Красноядцева. М., 2008. С. 25–29.
- ⁴ См.: Мальшев В. А. Социальные лифты в жизни россий-

ской молодежи : Социальная значимость и специфика функционирования : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012.

- ⁵ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993 ; Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 12–23.
- ⁶ Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М., 1996. С. 47.
- ⁷ См.: Климова С. Г. Идентификация и политический выбор // Поле мнений. Дайджест результатов исследований. Фонд «Общественное мнение». Вып. 3. Апрель 2000.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4.063 (316.4.066)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ И РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ

М. С. Ивченкова

Институт социологии Российской академии наук, Москва
E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

В статье по результатам социологического исследования раскрываются этапы модернизации российского здравоохранения, особенности современного его реформирования, проблемы и противоречия данного процесса в России и регионе.

Ключевые слова: здравоохранение, управление здравоохранением как процесс, системные характеристики здравоохранения, модернизация здравоохранения.

Modernization of Public Health Care in Russia and in the Region: Sociological Overview

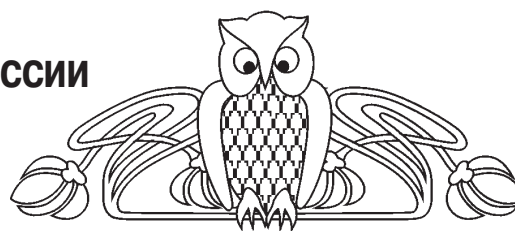
M. S. Ivchenkova

Based on sociological research data the article deals with phases of Russian public health care modernization. The features of its contemporary reformation, problems and contradictions of that process in Russia and in the region are observed.

Key words: public health care, public health care management, system characteristics of public health care, public health care modernization.

Проблемы здоровья населения России еще с 1990-х гг. получили статус проблем национальной безопасности в силу «сверхсмертности» мужчин в трудоспособном возрасте в связи с неблагоприятными показателями младенческой смертности, высокими темпами роста социальных заболеваний, низкой продолжительностью жизни, воспроизводством неблагоприятных тенденций в состоянии здоровья населения. Критичность ситуации потребовала в рамках социальной политики государства начать модернизацию системы здравоохранения.

Проведенный анализ показал, что государственное управление здравоохранением как

процесс – это целенаправленная, планомерная, непрерывная деятельность органов государственной власти, которая проявляется в исполнительно-распорядительном по форме и организующем по содержанию воздействию на управляемые объекты (учреждения здравоохранения) и преследует своей целью обеспечение граждан гарантированным государством правом на получение бесплатной, качественной и высокотехнологической медицинской помощи.

Система управления здравоохранением в России – одна из подсистем управления обществом. Будучи подсистемой более сложной системы социальной политики, она представляет собой целостную структурированную совокупность взаимосвязанных элементов; находится в единстве с иными подсистемами (социальными институтами) общества, оказывая на них взаимное влияние; является относительно самостоятельной, имеет свои функции, внутренние и внешние связи, иерархическую структуру, состоящую из ряда уровней управления – относительно обособленных образований, различающихся полномочиями (правами и обязанностями). Она обладает определёнными устойчивыми свойствами, динамична, то есть способна к развитию и совершенствованию.

Однако в настоящее время многие системные свойства как самого здравоохранения, так и управления им носят декларативный и противоречивый характер, что негативно сказывается на медицинском обслуживании населения. Это проявляется в доминировании командно-административных методов управления, недостаточном учете социальной специфика объекта, обратной связи с ним как важнейшим коммуникационным ресурсом, а также в несовпадении декларируемой функци-

ональной ориентации на профилактику заболеваемости населения и реальными практиками, доминантно ориентированными на лечение пациентов. Правовое обеспечение отстает от развития общественных отношений, складывающихся в области здравоохранения. Сегодня здравоохранение существует автономно от других социальных институтов: не комментирует рынок альтернативных медицинских услуг, фармакологическую рекламу, медицинскую информацию СМИ, хотя и является основным экспертом в этой сфере.

Ни один из субъектов управления и самого здравоохранения не мотивирован на выполнение этих функций. Это нарушение критериев системности (взаимосвязи с внешней средой и другими подсистемами общества) выступает значимым барьером его эффективности в поддержании здоровья всего многонационального народа России. Эти проблемы и противоречия можно рассматривать как основные стимулы модернизации российской системы здравоохранения.

С социологических позиций модернизация российского здравоохранения – взаимообусловленный, целенаправленный социальный процесс совокупности технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на совершенствование общественной системы здравоохранения в целом, придание ей современного характера, адекватного мировым стандартам, социальным потребностям общества, социальным групп и индивидов.

Проведенный анализ эволюции российского здравоохранения позволил выделить несколько этапов модернизации отечественного здравоохранения.

Первый этап – дореволюционный, когда были все предпосылки для формирования эффективной системы здравоохранения, однако этот процесс был прерван, не завершен.

Второй этап – советский, когда была сформирована достаточно эффективная система здравоохранения традиционного паталогического типа, адекватного потребностям социума. Ее эффективность базировалась на том, что при финансовом дефиците максимально использовались мобилизационно-организационные и коммуникативные ресурсы. Социальная ответственность за здоровье практически целиком перекладывалась на государственное здравоохранение, характеризующееся массовой доступностью медицинских услуг для всех слоев населения. К реализации задач борьбы с болезнями активно привлекались другие социальные институты (семья, спорт, культура, СМИ, образование, промышленность и все сферы экономики, наука), а также общественные организации (профсоюзы, детские и молодежные организации). Все перечисленные моменты и определяли системную целостность и высокую эффективность здравоохранения этого типа. К 1980-м гг. системная целостность здравоохранения фактически распалась. Снижающееся

финансирование не создавало условий для изменения организации предоставления медицинских услуг, для переоснащения первичного звена медицинским оборудованием. При усилении внимания к профилактическим видам деятельности популяризация здорового образа жизни свелась к формальному декларированию.

Третий этап переходного постсоветского периода (1990-е гг. – 2005 г.) характеризуется резким ухудшением условий модернизации российского здравоохранения, активизацией профилактической деятельности. По сути, модернизация провозглашалась, но сводилась к формированию негосударственного сектора медицинских услуг. Все это способствовало резкому ухудшению здоровья населения, росту заболеваемости, смертности, снижению рождаемости и активизации депопуляционных процессов в России.

Четвертый этап модернизации здравоохранения (2005 г. и по настоящее время) отличается нацеленностью (декларативной) на формирование системных характеристик современного превентивного типа здравоохранения, активизацией профилактической деятельности первичной помощи и повышением доступности и качества медицинских услуг (что является адекватным ответом на внутренние потребности и международный опыт), относительным увеличением финансирования, формированием пакетов нормативных актов и законов, регулирующих деятельность медицинских учреждений, введением системы страхования, ориентацией на повышение эффективности использования финансовых, материальных и трудовых ресурсов в системе здравоохранения, а также формированием личностных установок людей в пользу здорового образа жизни и восприятия здоровья как важнейшей жизненной ценности.

Реформы в здравоохранении носят характер запаздывающей модернизации. Она происходит «сверху» и является скорее «догоняющей». Государство, будучи монополистом проведения модернизации, не проявляет заинтересованности в формировании в обществе таких групп населения и профессионального сообщества, на которые оно могло бы опираться, которые были бы заинтересованы в результатах преобразований. Иными словами, коммуникативный ресурс модернизации не используется. Основное значение уделяется экономическим аспектам развития. Недостаточное финансирование здравоохранения совмещается с низкой эффективностью использования ресурсов и несбалансированностью структуры медицинской помощи. Программа государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи во многом носит декларативный характер. Отсутствует конкретизация государственных гарантий медицинской помощи по видам, объемам, порядку и условиям ее оказания, что приводит к росту объемов «теневых» медицинских услуг, служебным злоупотреблениям. Снизились качество и доступность

медицинской помощи населению. Следствием этого, к тому же на фоне резкой дифференциации населения по уровню доходов, все преобразования здравоохранения сопровождались негативным отношением населения и отсутствием мотивации к преобразованиям со стороны медицинских работников. Поэтому модернизация здравоохранения и сегодня носит не системный, а фрагментарный и спонтанный характер.

На территории Саратовской области модернизация здравоохранения, по сути, является «калькой» общероссийского процесса реформирования со всеми его проблемами и противоречиями. Вопросы модернизации системы здравоохранения в регионе уделяется приоритетное значение, но они не носят системного характера. В ходе проводимой реформы областная подсистема здравоохранения переживает значительные организационно-правовые и содержательные преобразования: создана законодательная база модернизации здравоохранения, направленная на децентрализацию государственной системы медицинского обслуживания и управления здравоохранением; реализуется система обязательного медицинского страхования; проводится структурная перестройка отрасли, развивается частный сектор здравоохранения. Несмотря на это, функционирование системы здравоохранения сталкивается с определенными трудностями: снижением качества медицинской помощи населению; увеличением числа заболеваний социально опасного характера; ростом смертности и снижением рождаемости, отрицательным естественным приростом населения; недостаточным финансированием отрасли и декларативным характером государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи. Их наличие обусловлено утратой комплексного подхода к охране здоровья, деформированием системы медицинской профилактики, снижением доступности квалифицированной медицинской помощи для большей части населения, развитием неконтролируемой теневой экономики в отрасли.

Анализ конфигурации интересов и позиций субъектов в системе здравоохранения Саратовской области показал, что она в сложных социально-экономических условиях дефицитного бюджета сохраняет государственный характер, объемы и качество бесплатной медицинской помощи, обеспечивая тем самым относительную реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья. Наряду с этим продолжается развитие многоукладности здравоохранения и сохраняется дисбаланс по объемам, качеству и доступности медицинской помощи городского и сельского населения, а также между различными доходными категориями саратовцев. Предложенный реформаторами механизм конкурентности среди врачей, а также самих учреждений, направленный на повышение качества предоставляемых услуг и профессионального уровня, фактически не

работает. Пациенты в поликлиниках выступают как пассивные потребители услуг, практика защиты их интересов не сформирована до сих пор. Не удовлетворенное медицинскими услугами население не видит способов и смысла в предъявлении протеста учреждениям здравоохранения как в силу институционального недоверия, так и по причине собственной правовой неграмотности. Страхование медицины гарантирует только получение медицинских услуг, но не результат лечения. Платные услуги в том виде, в каком они существуют сегодня, не приводят к персонализации отношений врача и пациента, не способствуют мотивации врача ни к повышению качества услуг, ни к профилактической деятельности в отношении пациентов. Это способствует сохранению стабильной тенденции снижения здоровья населения и воспроизводству иррациональных девиантных стратегий населения по отношению к своему здоровью (практики самолечения, обращение к альтернативной медицине и пр.). Они приводят в лучшем случае к запущенным формам болезней, к разрастанию рисков индивидуального и общественного здоровья, которые обладают большой инерционностью.

Ключевой задачей дальнейшей модернизации системы здравоохранения России является реальный переход к новому типу превентивного здравоохранения: повышение эффективности работы учреждений здравоохранения на основе более полного использования материальных, финансовых, кадровых и коммуникативных ресурсов; возрастание доступности и качества медицинских услуг при усилении внимания к профилактическим видам деятельности; популяризация здорового образа жизни

Для достижения поставленных целей и задач дальнейшей модернизации здравоохранения России и региона необходимо: разработать комплекс мер по обеспечению доступности и повышению качества медицинской помощи населению, развитию профилактической направленности здравоохранения; активизировать работу по созданию сети федеральных медицинских центров, оказывающих высокотехнологичные виды медицинской помощи; расширить меры по улучшению лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан, имеющих право на получение государственной социальной помощи, и т. д. Важно провести мероприятия: по обеспечению лечебно-профилактических учреждений медицинскими кадрами; по расширению перечня заболеваний, при которых долечивание (реабилитация) больных в условиях санаторно-курортных учреждений осуществляется за счет средств социального страхования; по утверждению стандартов скорой медицинской помощи. Также необходимо принятие нормативных актов, регламентирующих обращение медицинской техники и совершенствование обязательного медицинского страхования.

УДК 338.24 (470+571)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МОНОГОРОДАХ

Е. А. Кузьмин

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС
при Президенте РФ, Саратов
E-mail: piuis@yandex.ru

В статье говорится о тенденциях современной региональной политики в Российской Федерации, об особенностях отношений федерального центра с территориями. Одной из проблем современного регионального развития являются моногорода – поселения особого типа, ориентированные на крупные градообразующие предприятия. Каким образом в настоящее время складывается ситуация в моногородах и как должны строиться действия федеральной и региональной власти в отношении монопрофильных поселений – этому и посвящена данная статья.
Ключевые слова: региональная политика, расслоение, налогообложение, деиндустриализация, моногорода, кризис, бедность, протест.

Regional Policy in Modern Russia: Socio-economic Situation in Company Towns

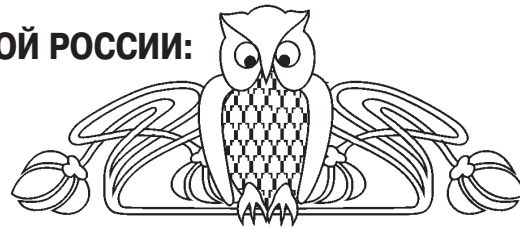
E. A. Kuzmin

The article refers to the trends of modern regional policy in the Russian Federation, on a very special relationship with the federal government territory. One of the problems of regional development are the company towns – settlements Speciality targeting large enterprises. How to present a situation in mono, and how should be built between federal and regional authorities with regard to single-industry communities – I'll cover in this article.

Key words: regional policy, stratification, taxation, de-industrialization, company towns, crisis, poverty, protest.

В последние годы в Российской Федерации актуализировались проблемы региональной политики. Данное обстоятельство обусловлено во многом финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., когда сократившийся поток нефтедолларов в Россию обнажил все проблемы регионального неравенства, обрушение самодостаточных промышленно развитых регионов и полную зависимость от федерального центра небогатых или даже откровенно бедных субъектов РФ, привел к кризису в региональных подсистемах. В условиях финансовой нестабильности 2008–2009 гг. федеральное правительство было вынуждено оказывать помощь регионам в прямой и косвенной форме из федеральных резервов, чтобы территории не рухнули в пучину кризиса окончательно.

Современная региональная политика в РФ характеризуется следующими основными факторами: 1) большим расслоением регионов по

доходам и социальным условиям проживания; 2) отсутствием внимания со стороны федерального центра к экономической и, прежде всего, к промышленной политике на территории регионов; 3) недостаточно объективным налогообложением деятельности предприятий и граждан, в результате чего большая часть доходов концентрируется, накапливается и перераспределяется через федеральный центр.

В качестве подтверждения первого фактора – регионального расслоения – можно привести в пример «сверхбогатые» Москву и Санкт-Петербург, с одной стороны, и периферийные региональные центры Российской Федерации, города Приморья, Крайнего Севера, Центральной России, с другой. Первые два региона характеризуются высокой экономической активностью, достойными зарплатами, большим количеством рабочих мест. Второй группе свойственны низкий экономический и инвестиционный потенциал, ветшающая инфраструктура, отток населения, низкие зарплаты населения, граничащие с доходами ниже прожиточного минимума. Следовательно, можно сказать, что вторая группа регионов находится в непрекращающемся кризисе, региональном конфликте. Не случайно с точки зрения концепции современного антикризисного управления, размещения промышленного потенциала, населения, бюджетонаполнения все территории Российской Федерации делятся на «регионы-доноры» и «депрессивные»¹.

Второй существенный момент, касающийся политики федерального центра, – пассивное созерцание федеральной власти в отношении угасания промышленного потенциала российских регионов и отсутствие в РФ внятной региональной экономической и промышленной политики. Вопрос «Почему в настоящее время федеральная власть не вмешивается в должной мере в экономическую политику на региональном уровне?» остается пока без ответа. На наш взгляд, данное обстоятельство может быть вызвано противоборством различных точек зрения на федеральном уровне, наличием двух политико-экономических блоков, противостоящих друг другу. Один блок можно условно назвать либеральным, его состав в настоящее время неочевиден, и, несмотря на смену персоналий в российском правительстве, можно отметить, что часть федеральных министров поддерживает либеральную точку зрения и, как следствие, курс на дальнейшую деиндустриа-

лизацию. Второй блок условно можно назвать консервативно-патриотическим (ученые и чиновники – «государственники»). Например, в обновленной Стратегии социально-экономического развития России до 2020 года предлагается реализация новой индустриальной промышленной политики на основе конкуренции и развития экспорта высокотехнологичной продукции, сделанной в России². В 2000-е гг. конкуренция оставалась на периферии государственной экономической политики, многие сферы экономики с молчаливого согласия государства оказались во власти монополий или олигополий. В результате во многих секторах цены росли, а качество товаров и услуг не улучшалось. От развития конкуренции выигрывают потребители, поэтому конкурентная политика должна стать важнейшим экономическим интересом государства³. Однако в условиях обострения конкуренции, особенно после вступления России в ВТО, многие отечественные предприятия могут разориться и уйти с рынка из-за различного рода неэкономических факторов: географического расположения большинства российских регионов и предприятий в них, холодного климата, низкой плотности населения, неразвитой инфраструктуры, отсутствия рабочих рук там, где это необходимо, и т. д.

В январе 2013 г. известный экономист, советник Президента России и академик РАН Сергей Глазьев подготовил аналитическую записку на имя Президента РФ В. В. Путина, где он прогнозирует поражение России в новой мировой финансово-экономической войне за обладание ресурсами: «Россия эту войну проиграет... Нынешняя экономическая модель влечет сырьевую ориентацию экономики и упадок внутренней обрабатывающей промышленности»⁴. Данный документ был подготовлен в духе консервативно-патриотического, государственно ориентированного блока. На аналитическую записку быстро отреагировал известный политик и хозяйственник-либерал Анатолий Чубайс, заявив, что человек с подобными взглядами «не может считаться экономистом»⁵. Пока же, судя по реальному состоянию промышленной сферы и контурам экономической политики, можно сделать вывод о том, что побеждает либеральная точка зрения, курс на разрушение промышленного потенциала, на дальнейшую деиндустриализацию.

Что же касается третьего фактора – выкачивания финансовых средств из регионов в пользу федерального центра и, как следствие, развития конфликта за ресурсную базу «центр – регионы», то подобному явлению способствовала налоговая реформа в первый срок президентства В. В. Путина. В 2002–2003 гг., с принятием второй части Налогового кодекса РФ, налоговая система была изменена таким образом, что косвенные налоги (НДС, акцизы) платятся в федеральный бюджет, а прямые налоги (налог на прибыль, НДФЛ) идут в основном в региональные и местные бюджеты.

В условиях, когда прямые налоги собирать становится всё сложнее из-за негативного макроэкономического климата, вся полнота денежных средств концентрируется на федеральном уровне, а регионам остаётся довольствоваться трансферами, которые пришлёт федеральный центр. Подобная финансово-бюджетная политика приводит к существенным искажениям в экономике. На одном из совещаний в Администрации Президента РФ отмечалось, что в посткризисный период увеличилось количество регионов, чей долг превышает их годовой бюджет, их оказалось около 30. Как и в начале 1990-х гг., на повестке дня стоит вопрос о финансовом банкротстве ряда регионов страны. Однако реальных шагов для исправления такой ситуации не предпринимается по причине того, что в Министерстве финансов боятся, что Президент России В. В. Путин такой работы министерства не поймёт⁶. Поэтому в настоящее время данная проблема просто замалчивается, но никуда не уходит.

Одной из проблемных точек современной экономической и политической ситуации оказались так называемые моногорода – специфическое российское явление, чьё наличие обусловлено особенностями пространственной географии и удаленностью мест добычи сырья от мест его потребления. Современный моногород представляет собой сложную структуру, в которой город и градообразующее предприятие неразрывны, так как города зачастую строились вокруг предприятий (город-завод). В настоящее время в моногородах проживают около 25 млн человек, или 17,2 % населения страны, в них функционирует более 900 промышленных предприятий, которые производят примерно 30% от всего объема промышленной продукции в Российской Федерации⁷.

Несмотря на свою остроту, до настоящего времени проблема моногородов не была исследована достаточно глубоко. В монопрофильных поселениях, оказавшихся в сложной ситуации из-за кризиса на градообразующем предприятии, как правило, складывается тяжелая финансовая ситуация. Наиболее негативный климат наблюдается в городах, в которых доля пенсионеров составляет 60% и более по отношению к численности населения в трудоспособном возрасте. Сейчас в России выявлено 33 города с суммарной численностью населения 636,3 тыс. жителей (это небольшие города, многие из которых расположены на Урале и в Сибири), в которых доля пенсионеров по отношению к лицам трудоспособного возраста составляет от 50 до 60%⁸.

В настоящее время многие моногорода испытывают социально-экономические трудности, что часто вызвано кризисом на градообразующем предприятии (останавливается предприятие – город сразу же превращается в зону социального неблагополучия). Например, в кризис 2008–2009 гг. обострились проблемы моногородов в Приморье. В августе 2009 г. в Приморском крае была при-

остановлена работа Ярославского горно-обогатительного комбината (ООО «Ярославская горно-рудная компания», п. Ярославский Хорольского района). В ответ на действия администрации профсоюз предприятия провел ряд акций протеста, на которых рабочие добивались погашения задолженности по зарплате⁹. Чуть ранее в Светлогорье был остановлен Лермонтовский ГОК (владелец – ООО «Русский вольфрам»), в поселке разразился тяжелый социально-экономический кризис, жители в буквальном смысле начали голодать. К началу апреля 2009 г. задолженность по выплатам персоналу остановленного предприятия превысила 12 млн руб. В результате жители поселка вышли на массовый митинг, потребовав передачи «Русского вольфрама» из частных рук в краевую собственность. Ситуация в Светлогорье привлекла внимание премьера (на тот момент) Владимира Путина. На встрече с губернатором Приморья Сергеем Дарькиным 8 апреля 2009 г. Председатель Правительства РФ поручил главе региона «заняться этим по-серьёзному». Хочется отметить, что нарекания к действиям региональной власти обусловили политические выводы и в дальнейшем предопределили судьбу губернатора С. Дарькина, вынудив его уйти в отставку с занимаемой должности.

Кроме того, моногорода становятся своеобразными центрами бедности, поселениями, в которых концентрируется население с низкими доходами. Проблемы бедности непосредственно связаны с экономическим положением населения и семей, стоящих на относительно низком уровне обеспечения денежными, имущественными и другими ресурсами. Основным источником дохода большинства работающего населения в России является заработная плата. В настоящее время цена рабочей силы на российском рынке труда остается крайне низкой: более 70% работающих россиян получают заработную плату ниже средней по стране. Данная картина наблюдается в целом по России, однако ситуация существенно обостряется в отдельных регионах, в определенных населенных пунктах, прежде всего в моногородах. Наименее благополучны в подобном социальном отношении моногорода металлургии и машиностроения¹⁰.

Социально-экономические трудности и бедность в моногородах объективно вызывают социальное недовольство. В результате государственная власть получает внутривнутриполитическую ситуацию, когда население моногородов готово протестовать против условий своего проживания, и эта ситуация часто становится неуправляемой, выплёскивается на улицы. Например, планы «Русала», крупнейшего в мире производителя алюминия, закрыть в 2012 г. в Краснотурьинске Свердловской области убыточное производство – Богословский алюминиевый завод (БАЗ) вывели всё население моногорода на митинги протеста. В качестве возможной альтернативы работникам предлагается

переучиваться на менее престижные рабочие профессии или переезжать в другие регионы, но они этого не хотят. Ситуация выглядит патовой. Примечательно, что работники предприятия и жители Краснотурьинска рассчитывают исключительно на помощь президента Владимира Путина, их митинги проходят под политическими лозунгами «За рабочий класс! За Путина! За БАЗ!». Дело дошло до того, что несколько сотрудников и ветеранов завода, а также присоединившиеся к ним депутаты местных Законодательного собрания и Общественной палаты объявили голодовку, протестуя против действий «Русала»¹¹.

Таким образом, социально-экономическая ситуация в российских моногородах должна находиться под неусыпным контролем действующей федеральной и региональной власти. Моногорода, «болевы точки» на теле региональных экономик, обязаны поддерживать органы власти и банковские сообщества, для них должны делаться налоговые и социальные преференции, градообразующие предприятия следует в обязательном порядке обеспечивать государственным заказом. Подобная патерналистская государственная политика позволит почти пятой части населения страны нормализовать условия своего существования, не бежать из монопрофильного поселения как с обречённой территории, далее развиваться и работать на благо моногорода – своей малой родины.

Примечания

- 1 См.: Малый В. И., Милочихина О. А., Гусев В. В. Современное антикризисное управление в Российской Федерации. Издательство LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG (Германия), 2012. С. 10.
- 2 См.: Зыкова Т. Расчёт на пять процентов. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/19/strategia.html> (дата обращения: 09.03.2013).
- 3 См.: Родионов К. О чем забыли авторы «Стратегии-2020»? URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika-column/vlast/73102-o-chem-zabyli-avtory-strategii-2020> (дата обращения: 09.03.2013).
- 4 Глазьев укажет курс стране. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/8104841/glazev_ukazhet_kurs_strane, 18.01.2013 года (дата обращения: 09.03.2013).
- 5 Чубайс отказался считать Глазьева экономистом. URL: <http://lenta.ru/news/2013/01/18/economist/> (дата обращения: 10.03.2013).
- 6 См.: Регионы задыхаются без денег. URL: <http://argumenti.ru/politics/n363/211154>, 01.11.2012 года (дата обращения: 10.03.2013).
- 7 См.: Гусев В. В. Моногорода Саратовской области: социально-экономические и экологические перспективы глазами общества и элит. Саратов, 2011.
- 8 Там же.
- 9 См.: В Приморье может появиться второе Светлогорье. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1222977>, 19.08.2009 года (дата обращения: 10.03.2013).

¹⁰ См.: Арсенова Е. В., Крюкова О. Г. Моногорода : выход из тупика. URL: <http://econ-plus.ru/node/120>, 22.10.2012 года (дата обращения: 12.03.2013).

¹¹ См.: Виноградов Д. Моногород на грани нервного срыва // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/ocherki/20120912/748392966.html> 12.09.2012 года (дата обращения: 12.03.2013).

УДК 316.334.2

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ШОУ-БИЗНЕСА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК (на примере г. Саратова)

М. В. Мошкунова

Саратовский государственный университет
E-mail: mmoshkunova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности потребления продукции шоу-бизнеса по результатам авторского социологического исследования методом глубинного интервью, проведенного в г. Саратове в ноябре-декабре 2012 г.

Ключевые слова: шоу-бизнес, потребительское поведение, социальный портрет потребителя, социологическое исследование.

**Consumption Features of Show Business Production
in the Big City on the Basis of Expert Estimates
(on the Example of Saratov)**

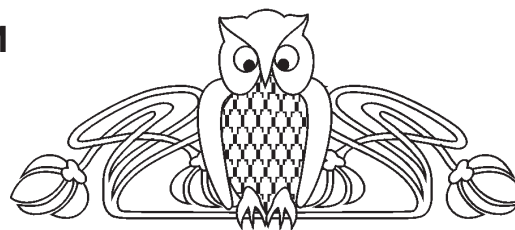
M. V. Moshkunova

In article social characteristics of consuming in the show business sphere by results of the author's sociological research which has been carried out in Saratov in November-December, 2012 are considered.

Key words: show business, consumer behavior, social portrait of the consumer, sociological research.

Социологический анализ потребления в сфере шоу-бизнеса предполагает выявление социальных характеристик потребителей продукции шоу-бизнеса. Наиболее качественная информация об объекте получается при сочетании количественных и качественных методов исследования. Количественные методы ставят в центр рассмотрения общие закономерности, качественная исследовательская стратегия направлена на точно выделяемые общие и основные признаки. В нашем случае исследование потребительских предпочтений населения г. Саратова в сфере шоу-бизнеса было проведено методом массового опроса в период с 24 марта по 17 апреля 2012 г. Для получения максимально полной и достоверной картины, уточнения и сопоставления результатов, в период с 1 ноября по 15 декабря 2012 г. было проведено качественное исследование методом глубинного интервью.

Отбор информантов осуществлялся по методике логически обоснованной выборки для проведения глубинного интервью, разработанной И. Е. Штейнбергом¹. В основу выборочной сово-

купности было положено два критерия – опыт работы распространителем и знание специфики подобной работы. Для проведения экспертных интервью отбирались информанты, являющиеся носителями специфической информации о гастрольной концертной деятельности. В качестве специфических информантов были опрошены распространители, имеющие узкую целевую аудиторию.

Всего было опрошено 10 человек, владеющих информацией о потребительских предпочтениях населения г. Саратова в сфере шоу-бизнеса, со стажем работы от 2 до 20 лет. В соответствии с логикой построения выборки по И. Е. Штейнбергу опрошенных можно условно подразделить на следующие подгруппы.

Информанты-эксперты, владеющие экспертным знанием о практиках распространения билетов. Это заместитель директора Саратовского государственного академического театра драмы им. И. А. Слонова по работе со зрителем и старший администратор Саратовского академического театра оперы и балета. Они не имеют личного опыта продажи билетов, но руководят этим процессом, знают специфику организации данной работы. Заместитель директора театра драмы также предоставила специфическую информацию о работе фирм, занимающихся организацией концертов.

Информанты – практикующие эксперты. Это кассиры крупнейших концертных площадок города: Саратовского академического театра оперы и балета и Саратовского государственного академического театра драмы им. И. А. Слонова. Один из кассиров имеет большой стаж работы распространителем. Директор продюсерского центра отнесена нами в эту же подгруппу, так как не только работала в качестве распространителя, но и постоянно занимается работой со спонсорами, знает специфику зрительских предпочтений саратовцев.

Информанты – носители практики. В обиходе специалистов, работающих в сфере шоу-бизнеса, есть выражение «находится в материале», обозначающее блок знаний об афише за последний год, кассовых сборах на того или иного артиста, аншлагах или провалах. Это люди,

¹⁰ См.: Арсенова Е. В., Крюкова О. Г. Моногорода : выход из тупика. URL: <http://econ-plus.ru/node/120>, 22.10.2012 года (дата обращения: 12.03.2013).

¹¹ См.: Виноградов Д. Моногород на грани нервного срыва // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/ocherki/20120912/748392966.html> 12.09.2012 года (дата обращения: 12.03.2013).

УДК 316.334.2

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ШОУ-БИЗНЕСА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК (на примере г. Саратова)

М. В. Мошкунова

Саратовский государственный университет
E-mail: mmoshkunova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности потребления продукции шоу-бизнеса по результатам авторского социологического исследования методом глубинного интервью, проведенного в г. Саратове в ноябре-декабре 2012 г.

Ключевые слова: шоу-бизнес, потребительское поведение, социальный портрет потребителя, социологическое исследование.

**Consumption Features of Show Business Production
in the Big City on the Basis of Expert Estimates
(on the Example of Saratov)**

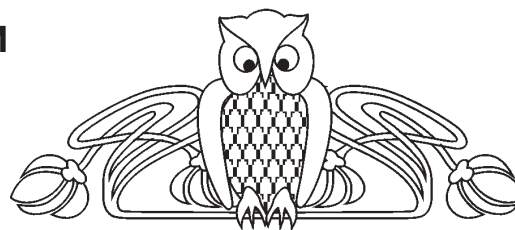
M. V. Moshkunova

In article social characteristics of consuming in the show business sphere by results of the author's sociological research which has been carried out in Saratov in November-December, 2012 are considered.

Key words: show business, consumer behavior, social portrait of the consumer, sociological research.

Социологический анализ потребления в сфере шоу-бизнеса предполагает выявление социальных характеристик потребителей продукции шоу-бизнеса. Наиболее качественная информация об объекте получается при сочетании количественных и качественных методов исследования. Количественные методы ставят в центр рассмотрения общие закономерности, качественная исследовательская стратегия направлена на точно выделяемые общие и основные признаки. В нашем случае исследование потребительских предпочтений населения г. Саратова в сфере шоу-бизнеса было проведено методом массового опроса в период с 24 марта по 17 апреля 2012 г. Для получения максимально полной и достоверной картины, уточнения и сопоставления результатов, в период с 1 ноября по 15 декабря 2012 г. было проведено качественное исследование методом глубинного интервью.

Отбор информантов осуществлялся по методике логически обоснованной выборки для проведения глубинного интервью, разработанной И. Е. Штейнбергом¹. В основу выборочной сово-

купности было положено два критерия – опыт работы распространителем и знание специфики подобной работы. Для проведения экспертных интервью отбирались информанты, являющиеся носителями специфической информации о гастрольной концертной деятельности. В качестве специфических информантов были опрошены распространители, имеющие узкую целевую аудиторию.

Всего было опрошено 10 человек, владеющих информацией о потребительских предпочтениях населения г. Саратова в сфере шоу-бизнеса, со стажем работы от 2 до 20 лет. В соответствии с логикой построения выборки по И. Е. Штейнбергу опрошенных можно условно подразделить на следующие подгруппы.

Информанты-эксперты, владеющие экспертным знанием о практиках распространения билетов. Это заместитель директора Саратовского государственного академического театра драмы им. И. А. Слонова по работе со зрителем и старший администратор Саратовского академического театра оперы и балета. Они не имеют личного опыта продажи билетов, но руководят этим процессом, знают специфику организации данной работы. Заместитель директора театра драмы также предоставила специфическую информацию о работе фирм, занимающихся организацией концертов.

Информанты – практикующие эксперты. Это кассиры крупнейших концертных площадок города: Саратовского академического театра оперы и балета и Саратовского государственного академического театра драмы им. И. А. Слонова. Один из кассиров имеет большой стаж работы распространителем. Директор продюсерского центра отнесена нами в эту же подгруппу, так как не только работала в качестве распространителя, но и постоянно занимается работой со спонсорами, знает специфику зрительских предпочтений саратовцев.

Информанты – носители практики. В обиходе специалистов, работающих в сфере шоу-бизнеса, есть выражение «находится в материале», обозначающее блок знаний об афише за последний год, кассовых сборах на того или иного артиста, аншлагах или провалах. Это люди,

как правило, работающие распространителями в нескольких театрах или учреждениях культуры (несмотря на то что это не приветствуется администрацией театров). В нашем исследовании приняли участие два таких информанта – распространитель Саратовского государственного академического театра драмы им. И. А. Слонова и распространитель Саратовского академического театра юного зрителя им. Ю. П. Киселева. В качестве специфических информантов – носителей практики нами были опрошены распространители, закрепленные за Саратовской областной филармонией им. А. Шнитке.

Информанты – начинающие. Для триангуляции полученных данных нами было проведено интервью с начинающим специалистом, имеющим свежий взгляд на данную практику, – администратором Саратовского академического театра оперы и балета.

При отборе информантов учитывалось место их работы. Были отобраны информанты, работающие в организациях, которые сдают в аренду лучшие площадки в городе (табл. 1).

Это Саратовский государственный академический театр драмы им. И. А. Слонова, Саратовский академический театр оперы и балета, Саратовский академический театр юного зрителя им. Ю. П. Киселева и Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова. Помимо этого, опрошенные нами распространители би-

летов на основании договоров об оказании услуг реализуют билеты на другие площадки, такие как: помещения Саратовского государственного цирка имени братьев Никитиных, Ледового дворца спорта «Кристалл», Дворец культуры «Россия», зал 10-го корпуса Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, зал Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова и т. д.

Нам удалось проинтервьюировать специалистов, знающих о предпочтениях зрителей, проживающих по всех районах города, что позволило достичь максимального охвата информации о зрительской аудитории. В табл. 2 отражены должности информантов, типы организаций, с которыми они работают, и районы города, в которых они распространяют билеты.

Таким образом, практический опыт отобранных информантов и их экспертные знания достаточны для глубинного изучения потребительского поведения саратовцев в сфере шоу-бизнеса. Выборка является полной по охвату информации о работе основных концертных площадок города Саратова, на которых проводятся массовые культурные мероприятия.

Одной из задач настоящего исследования было выявить социальные портреты посетителей различных концертов (различия по жанрам), а также сравнить полученные результаты с моде-

Таблица 1

Распределение информантов по реализации билетов на основных концертных площадках г. Саратова

Концертная площадка	Количество информантов ²
Саратовский государственный академический театр драмы им. И. А. Слонова	4
Саратовский академический театр оперы и балета	4
Саратовский академический театр юного зрителя им. Ю. П. Киселева	3
Саратовская областная филармония им. А. Шнитке	3
Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова	3

Таблица 2

Распределение зоны работы распространителей по районам и организациям города

Информант	Охват зрительской аудитории		
	Должность	Тип организации	Район г. Саратова
1	Распространитель	Организации всех типов	Октябрьский
2	Распространитель	Школы, поликлиники	Волжский, Октябрьский, Фрунзенский
3	Ст. администратор	Организации всех типов	Все районы города
4	Кассир	–	Все районы города
5	Кассир	–	Все районы города
6	Зам. директора театра драмы	Организации всех типов	Все районы города
7	Распространитель	Организации всех типов	Заводской, Октябрьский
8	Администратор	Организации всех типов	Все районы города
9	Директор продюсерского центра	Организации всех типов	Все районы города
10	Распространитель	Организации всех типов	Все районы города

лами, выявленными нами в ходе количественного исследования.

Рок-концерты. На концертах рок-исполнителей преобладает мужская аудитория. «А вот, скажем, на Любэ – идут мужчины, на Кипелова – идут мужчины. На Бутусова – идут МУЖЧИНЫ».

Респонденты разделяют рок-исполнителей, чье творчество началось в период СССР, и так называемых «молодых рок-музыкантов». На концертах первых, как правило, присутствует более возрастная публика: «**Р:** А вот эти старые рок-группы достаточно известные, как-то там Смоки, потом Крис Норман был у нас, группа Сплин, Пикник и так далее, это более уже такая возрастная категория где-то от 40-ка и выше [...] **И:** рок-концерт предпочитают, ну, как мы выяснили, мужчины, более возрастные мужчины... **Р:** Да, да».

Вторая группа, включающая в себя поклонников «молодых рок-музыкантов», характеризуется более молодым возрастом: «Не-е, но рок-группы, положим там, которые там всякие современные, всякие Корни и все остальное. Это, конечно, молодняк идет. А вот рок-группы те, которые приедут [...] То, конечно, на них идет более пожилая публика. Тот же Шевчук, на него молодняк не пойдет». У информантов наблюдается специфичное отношение к посетителям рок-концертов, поэтому при описании поклонников этого жанра они используют следующие выражения: «ведут себя не совсем адекватно [...] немножечко агрессивны... ну, может, под воздействием музыки»; «Рок-публика, она, как бы, я их называю голодранцами. У них огонь в глазах, денег нет, где-то последнее, что-то сшибли, купили бутылку пива и билет все... и получают удовольствие по полной!»

Проводя сравнительный анализ с данными, полученными в ходе массового опроса, можно сказать, что гендерная специфика посетителей рок-концертов подтвердилась: подавляющее число посетителей составляют мужчины.

Шансон. Так же, как и в количественном исследовании, в настоящем нами не были выявлены какие-либо гендерные особенности: «Как мужчины, так и женщины ходят. Мужчины вообще у нас малоподвижные, они какие-то инертные и, как правило, ведомые».

Заметим, что здесь мы сталкиваемся с несколько негативными замечаниями информантов в адрес поклонников шансона. «Ну, главное, сразу отличает публику, как грубо это не звучало, но их сразу видно там, видно – идет братва. Ну, как такового как бы уровня, то есть интеллекта – ноль, но куча денег в кармане. Вот такой публики, кстати, очень много».

В ходе анализа интервью возрастные характеристики посетителей концертов данного жанра не были выявлены.

Концерты поп-исполнителей. Респонденты отмечают преобладание женской аудитории на

концертах поп-исполнителей. «Начнем с того, что [из всех посещающих концерты] 70% – это женщины. Мужчина, даже если он приходит на концерт, он просто телок. Она купила билеты, сказала ему, что они пойдут на концерт, и он идет. Женщина и женщина – такие посетители тоже часто встречаются. Когда на концерт идут подружки».

Здесь информанты снова разделяют поп-исполнителей на две категории: эстрадные исполнители (начало творчества – СССР) и поп-исполнители (начало творчества XXI в.)

Посетителей концертов эстрадных исполнителей характеризует возраст от 35–40 лет и выше. «Ну, просто есть определенные исполнители, на которых ходят, скажем, вот... Вы понимаете, все зависит от возраста исполнителя тоже. Потому что, скажем, на ту же Софию Ротару идет более возрастная группа, да? Или, скажем, начиная где-то от 45 и выше».

К поклонникам поп-исполнителей, чье творчество приходится на начало XXI в., можно отнести подростков, а также женщин в возрасте до 35 лет. При этом гендерная специфика сохраняется: подавляющее большинство посетителей будут женщинами. «На Диму Билана идут тинэйджеры и до, скажем, сорока, где-то... Даже, наверно, я ошибаюсь. Но мы берем так, более стянуто, до 35, скажем так, понимаете? [...] и потом тут везде идут женщины, в основном».

В целом, гендерные и возрастные характеристики посетителей эстрадных и поп-исполнителей, полученные в ходе анализа интервью, совпадают с характеристиками, полученными в ходе массового исследования.

Концерты классической музыки. Среди посетителей концертов классической музыки, а также оперы, балета и оперетты преобладают женщины предпенсионного или пенсионного возраста. «**Р:** По возрасту это, конечно, уже практически все пенсионеры, потому что вот как бы я говорю люди нашего поколения. Вот так. Ну 40-летние, 50-летние [...] **И:** Пенсионеры больше и женщины, наверно, да? **Р:** Да, в основном, как бы женская».

Информанты отмечают высокий образовательный уровень поклонников классической музыки. Как правило, посетители концертов классической музыки являются представителями следующих профессий: преподаватели и педагоги, врачи, офисные работники: «...основные категории людей, значит, у меня брали, конечно, средний класс. Это со средним достатком, ну, это врачи, естественно, безусловно, офисные работники и все, пожалуй».

Большинство опрошенных указали, что представители молодежи крайне редко посещают концерты классической музыки, оперу, балет: «У нас все-таки зрелый возраст, конечно. У меня молодежи практически нет». Один из информантов высказал предположение относительно низкого уровня посещаемости молодежью концертов классической музыки: «Что молодежь больше что-то,

больше полегче [...] Как бы такие вот эээ ... Я не знаю даже, как сказать... Неприученные к серьезной музыке, да? Вот, ну они идут на более легкие программы: рок там, эстрада, вот такие вот».

Одной из особенностей посетителей оперы, балета, концертов классической музыки является их практически неизменный состав, новые люди появляются достаточно редко. «То есть на классику, в консерваторию ходит, ну, определенный круг [людей]».

Итак, мы описали социальные портреты посетителей различных концертов. Подводя итоги, можно сказать, что среди посетителей рок-концертов будут преобладать мужчины, а на поп- и эстрадных концертах – женщины. Также можно проследить прямую взаимосвязь между возрастом

исполнителя (это касается как поп-исполнителей, так и эстрадных, и рок) и возрастом его поклонников. В числе посетителей классических концертов, оперы и балета преобладают женщины в возрасте 40–50 лет, имеющие высокий уровень образования, а также представители интеллигенции.

Примечания

- ¹ См.: Социолог в поле. Персональный блог И. Е. Штейнберга. URL: <http://fieldsociology.blogspot.com> (дата обращения: 25.12.2012).
- ² Количество информантов – больше 10, так как опрошенные распространяют билеты от нескольких учреждений.

УДК 316.4.063 (316.4.066)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

И. С. Галиева

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье на примере Саратовской области раскрываются уровни, содержательные направления и противоречия современной региональной социальной политики, предлагаются меры по ее дальнейшей модернизации.

Ключевые слова: региональная социальная политика, специфика социальных процессов в регионе, факторы и противоречия социальной политики в регионе.

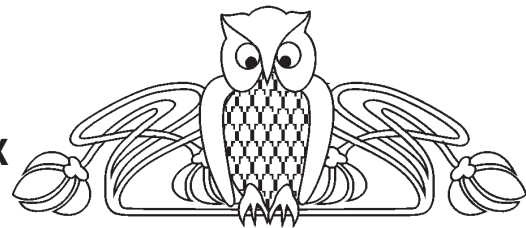
Regional Social Policy: Problems and Contradictions in Modern Russian Conditions

I. S. Galieva

The paper discloses levels, substantial directions, and contradictions of the modern regional social policy with the Saratov region as an example, offers measures for its further modernization.

Key words: regional social policy, specificity of social processes in the region, factors and contradictions of social policy in the region

Под прессом глобализационных изменений идет процесс возникновения и формирования совершенно непривычной формы организации социальной жизни – региональная организация общественного пространства¹. Это означает, что формируется региональность, воздействие которой на социальное поведение и действия людей будет только возрастать, особенно в условиях формирования социального государства². На территории региона протекают различные социальные процессы: как характерные для государства в целом, так и специфически регио-

нальные. Объективность появления регионального среза социальной политики становится велением времени.

Региональная социальная политика, рассмотренная как подсистема социальной политики в условиях формирования социального государства, также может быть охарактеризована с двух сторон: организационной и содержательной. С организационной – системность региональной социальной политики выражается во взаимодействии субъекта и объекта в целях упорядочения последнего, сохранения его качественной определенности и целенаправленного развития. Объект (управляемая подсистема) и субъект (управляющая подсистема) образуют основу системы региональной социальной политики, а связи между ними – ее структуру. Объектом региональной социальной политики являются регион как особая интегральная общность в целом, отдельные индивиды, социальные общности, проживающие на его территории, социальные отношения, складывающиеся между ними, и социальные региональные процессы. Их отличие от социальной политики в целом заключается в большей конкретизации социальных объектов, что придает им свою специфику, обеспечивает реальную возможность более точечного попадания на болевые зоны социальных отношений.

Сравнительные исследования позволяют зафиксировать различную степень остроты социальной ситуации в российских регионах и выделить регионы с относительно благоприятной социальной ситуацией, регионы с неблагоприятной социальной ситуацией, регионы, социальная ситуация в которых характеризуется умеренной остротой, а

больше полегче [...] Как бы такие вот эээ ... Я не знаю даже, как сказать... Неприученные к серьезной музыке, да? Вот, ну они идут на более легкие программы: рок там, эстрада, вот такие вот».

Одной из особенностей посетителей оперы, балета, концертов классической музыки является их практически неизменный состав, новые люди появляются достаточно редко. «То есть на классику, в консерваторию ходит, ну, определенный круг [людей]».

Итак, мы описали социальные портреты посетителей различных концертов. Подводя итоги, можно сказать, что среди посетителей рок-концертов будут преобладать мужчины, а на поп- и эстрадных концертах – женщины. Также можно проследить прямую взаимосвязь между возрастом

исполнителя (это касается как поп-исполнителей, так и эстрадных, и рок) и возрастом его поклонников. В числе посетителей классических концертов, оперы и балета преобладают женщины в возрасте 40–50 лет, имеющие высокий уровень образования, а также представители интеллигенции.

Примечания

- ¹ См.: Социолог в поле. Персональный блог И. Е. Штейнберга. URL: <http://fieldsociology.blogspot.com> (дата обращения: 25.12.2012).
- ² Количество информантов – больше 10, так как опрошенные распространяют билеты от нескольких учреждений.

УДК 316.4.063 (316.4.066)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

И. С. Галиева

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье на примере Саратовской области раскрываются уровни, содержательные направления и противоречия современной региональной социальной политики, предлагаются меры по ее дальнейшей модернизации.

Ключевые слова: региональная социальная политика, специфика социальных процессов в регионе, факторы и противоречия социальной политики в регионе.

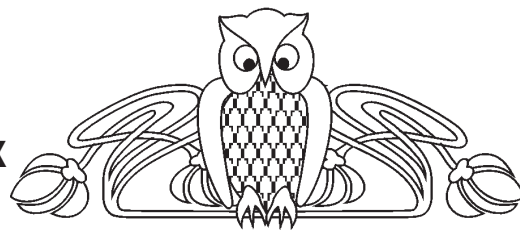
Regional Social Policy: Problems and Contradictions in Modern Russian Conditions

I. S. Galieva

The paper discloses levels, substantial directions, and contradictions of the modern regional social policy with the Saratov region as an example, offers measures for its further modernization.

Key words: regional social policy, specificity of social processes in the region, factors and contradictions of social policy in the region

Под прессом глобализационных изменений идет процесс возникновения и формирования совершенно непривычной формы организации социальной жизни – региональная организация общественного пространства¹. Это означает, что формируется региональность, воздействие которой на социальное поведение и действия людей будет только возрастать, особенно в условиях формирования социального государства². На территории региона протекают различные социальные процессы: как характерные для государства в целом, так и специфически регио-

нальные. Объективность появления регионального среза социальной политики становится велением времени.

Региональная социальная политика, рассмотренная как подсистема социальной политики в условиях формирования социального государства, также может быть охарактеризована с двух сторон: организационной и содержательной. С организационной – системность региональной социальной политики выражается во взаимодействии субъекта и объекта в целях упорядочения последнего, сохранения его качественной определенности и целенаправленного развития. Объект (управляемая подсистема) и субъект (управляющая подсистема) образуют основу системы региональной социальной политики, а связи между ними – ее структуру. Объектом региональной социальной политики являются регион как особая интегральная общность в целом, отдельные индивиды, социальные общности, проживающие на его территории, социальные отношения, складывающиеся между ними, и социальные региональные процессы. Их отличие от социальной политики в целом заключается в большей конкретизации социальных объектов, что придает им свою специфику, обеспечивает реальную возможность более точечного попадания на болевые зоны социальных отношений.

Сравнительные исследования позволяют зафиксировать различную степень остроты социальной ситуации в российских регионах и выделить регионы с относительно благоприятной социальной ситуацией, регионы с неблагоприятной социальной ситуацией, регионы, социальная ситуация в которых характеризуется умеренной остротой, а

также кризисные регионы³. Саратовская область является достаточно типичной для европейской части России и (по типологии Н. Зубаревич⁴) относится к срединным в экономическом отношении и освоённым регионам⁵. Особенностью социально-экономического положения Саратовской области является ее дихотомическое строение, то есть наличие сугубо аграрных районов (в основном Заволжье) сочетается с мощными индустриальными центрами (например, Саратов, Балаково, Энгельс, Вольск и др.). Причем различия между аграрными районами и индустриальными центрами выражается не только в показателях качества и уровня жизни, но и в характере потребностей и социальных проблем населения, в них проживающего. В связи с этим круг задач, стоящих перед региональной социальной политикой, не только значительно расширяется, но и требует более дифференцированного подхода к их решению.

На территории региона имеются объективно благоприятные возможности для существования многовариантной экономики. Явление экономической поликультуры имеет как минимум несколько позитивных моментов с точки зрения анализа специфики региональной социальной политики. Наличие ситуации выбора моделей и путей экономического поведения социума, несомненно, способствует развитию реформ рыночного характера, а значит, и скорейшему выходу экономики региона из кризисной ситуации. Другой момент связан с социальным фактором. Большее разнообразие интересов и образов жизни социума, связанное с возрастанием возможностей приложения своих способностей, обеспечивает усиление социальной мобильности внутри и между социальными категориями населения.

Для достижения необходимого обществу и региональной общности состояния социальных отношений следует воздействовать на развитие социальных процессов для придания им нужной направленности и необходимой интенсивности. Поэтому региональный социальный процесс является первичным и непосредственным объектом регулирования региональной социальной политики. Его содержание и направленность предопределяются объективными (факторами) и субъективными условиями.

В качестве субъекта региональной социальной политики выступают соответствующие органы региональной государственной власти и управления, общественные организации, предприятия, социальные группы и отдельные индивиды. Их главной проблемой и задачей является нахождение точек сопряжения и согласования, гармонизация интересов региональных социальных общностей, отдельных индивидов в процессе осуществления их жизнедеятельности, реализация их общего интереса с целью обеспечения развития каждого из них и регионального сообщества в целом. Структурные характеристики объектов и субъектов социальной политики предопределяют

структуру и организационные параметры региональной социальной политики.

С содержательной стороны рассмотрение региональной социальной политики предполагает выделение ее основных направлений. В обычной практике особое внимание уделяется, прежде всего, регулированию социальных процессов, характеризующихся негативной динамикой. Отдельные направления региональной социальной политики формируются на основе пакетов социальных процессов, чаще всего идущих в рамках особых социальных групп. Такое имеет место в случае, если проблемы, связанные с удовлетворением потребностей данной региональной социальной общности, обостряются и требуют первоочередного внимания со стороны регионального субъекта социальной политики.

Многообразие и многоуровневость протекающих на территории региона социальных процессов предопределяют многообразие регулятивных воздействий. Процессы, вызванные причинами общесистемного характера и характерные для всех регионов, являются объектом регулирования федеральной социальной политики (региональная социальная политика в широком смысле). Специфические, связанные с региональными особенностями – регулируются собственно региональной социальной политикой (в узком смысле). Социальные процессы в отдельных структурах региона, в отдельных организациях регулируются органами местного самоуправления или иными корпоративными организациями. Таким образом, в рамках регионального социального пространства реализуется три вида регулятивных воздействий социальной политики: политика, направленная на реализацию на территории региона федеральной социальной политики для достижения посредством нее общегосударственных целей; региональная политика, направленная на реализацию целей региона; регулирование развития отдельных, более дробных частей и структур региона с целью оптимизации внутрирегиональных социальных отношений.

Существует три основных уровня социальной политики, различающиеся по целям, функциям, субъектам и механизмам реализации, – федеральный, региональный и муниципальный. В конечном счете ситуация в социальной сфере региона является результатом реализации всех этих уровней. Причем если федеральная социальная политика направлена на обеспечение единых минимальных социальных стандартов, реализацию установленных социальных гарантий, соблюдение социальных прав граждан, установленных Конституцией РФ, независимо от возможностей региона, то целенаправленное, адресное воздействие на социальные процессы связано с реализацией региональной политики, имеющей целью выравнивание условий социального развития всех регионов⁶.

Федеральная социальная политика направлена на обеспечение единых минимальных со-

циальных стандартов, реализацию установленных социальных гарантий, соблюдение социальных прав граждан, установленных Конституцией РФ, независимо от возможностей региона. Более целенаправленное, избирательное воздействие на развитие регионально опосредованных социальных процессов осуществляется в ходе реализации федеральной региональной политики, направленной на выравнивание условий социального развития всех регионов.

На верхнем федеральном уровне разрабатывается нормативно-правовая база, принимаются основные законы и формируется система взаимоотношений между субъектами разного уровня. Утверждается бюджет, содержащий в своей расходной части статьи централизованного финансирования направлений социального развития, определяются перечни категорий населения, за социальную защиту и обеспечение которых несет ответственность федеральный субъект управления. Реализация федеральной социальной политики – важнейший блок региональной политики. Его основа – система социальной защиты населения.

Если в регионе складывается критическая ситуация в социальной сфере: негативная динамика социальных процессов превышает предельно допустимые значения, социальные отношения аномально обострены и нет возможности для саморазрешения кризисной ситуации, так как недостаточно собственных или привлеченных средств для перелома нарастающих негативных тенденций – оказывается государственная поддержка. Это происходит в тех случаях, когда в регионе становится невозможной реализация государственных социальных гарантий, нарушаются конституционные права и свободы граждан. В противном случае кризисные точки могут стать центрами или источниками роста напряженности и возникновения кризисных ситуаций в масштабах всей страны. Центральные органы власти могут использовать такой инструмент, как федеральные «региональные программы», которые направлены на решение конкретных социальных проблем, важных на национальном уровне. В этом случае в качестве объектов регулирования могут выступать конкретные территории или отдельные социальные организации.

На уровне региональной социальной политики решаются задачи обеспечения комплексного, сбалансированного развития территории, конкретизируются и наполняются специфическим содержанием те или иные положения федеральных решений, вырабатываются механизмы их привязки к региональным проблемам. Социальная политика региона ориентирована, прежде всего, на максимальный учет специфических региональных факторов протекания социальных процессов. Соответственно, этот блок предполагает корректировку основных направлений федеральной социальной политики в соответствии с местными особенностями и установление и реализацию ре-

гиональных социальных гарантий, расширяющих федеральные. Региональная социальная политика – составная часть политики региона. В качестве основных ее задач этой выступают: снижение социальной напряженности в регионе; обеспечение социальной ориентированности экономики; обеспечение социальной защищенности малообеспеченных групп населения и регулирование внутрирегиональных различий в уровнях развития и уровнях жизни. В условиях переходного периода к рыночным отношениям важнейшей составляющей региональной социальной политики является система социальной поддержки. Это система временных мер для обеспечения адаптации населения региона к новым социально-экономическим условиям и амортизации негативных последствий кризисного периода⁷.

Важным субъектом социальной политики выступают органы местного самоуправления, призванные реализовывать региональную политику на местах, что предполагает формирование соответствующего социального механизма, учитывающего интересы общества, региона и свои собственные потребности.

Местный, муниципальный уровень призван в значительно большей мере конкретизировать методы, способы и механизмы достижения целей, определенные в рамках федеральной и региональной социальной политики, привязать их к особенностям тех или иных муниципальных образований, учесть специфику демографических, экологических, ресурсных и прочих характеристик муниципального образования. Местная социальная политика должна представлять собой комплексное, многослойное образование, стержнем которого являются требования федерального уровня. На них накладываются региональные требования, и вся эта система на местном уровне дополняется решениями и мероприятиями, предъявляющими дополнительные конкретные требования к социальной политике. Регулирование развития социальных процессов в рамках отдельных городов, районов, организаций способствует обеспечению стабильного развития региона в целом.

Местная социальная политика определяется широкой совокупностью специфических факторов (экономические ресурсы, национальные и культурные традиции, господствующие религиозные и управленческие каноны и др.), что предполагает пересмотр подхода и оценки как политики государства в целом, так и региональной ее составляющей в частности.

Согласование и строгая взаимоувязка всех этих уровней социальной политики необходимы для создания единой целостной системы слаженного регулирования региональных социальных процессов. Это будет способствовать обеспечению социальной стабильности, что является главной задачей социальной политики переходного периода, когда в условиях коренного изме-

нения социально-экономических условий важно предотвратить нарастание кризисных явлений в социальной сфере.

Базовым элементом структуры социальной политики в регионе с содержательной точки зрения являются основные направления. Объектом их регулирования выступают определенные группы социальных процессов, действующих на территории региона. Направления региональной социальной политики формируются на базе основных направлений федеральной социальной политики с учетом условий регионального развития. В случае необходимости и наличия возможности направления федеральной политики расширяются введением дополнительных направлений и расширением масштабов регулирования по имеющимся в регионе проблемам.

Основные направления региональной социальной политики отражают ее стратегию, определяют качественное изменение системы социальных отношений и характеризуются, как правило, совокупностью качественных показателей. Для их реализации разрабатывается механизм, отражающий тактические подходы к реализации социальной политики. В ходе подготовки механизма реализации основные направления социальной политики конкретизируются в форме, доступной для системы регионального управления. В рамках каждого направления разрабатывается система мер, направленных на регулирование социальных процессов с целью обеспечения необходимого изменения социальных отношений. Основные направления могут конкретизироваться в форме региональных местных законов, указов, программ, единовременных решений, отдельных мер и конкретных мероприятий. Характеризующие их показатели могут иметь не только качественное, но и количественное измерение.

Собственно региональная социальная политика ориентирована на максимальный учет специфических местных факторов протекания социальных процессов. Этот блок предполагает корректировку основных направлений федеральной социальной политики в соответствии с региональными особенностями и установление и реализацию региональных социальных гарантий, расширяющих федеральные⁸. При этом важное значение имеет анализ сложившейся ситуации, выявление наиболее кризисных точек и проблемных зон, диагностика, определение причин сложившейся ситуации в социальной сфере по отдельным направлениям, а также комплексная оценка реалий и перспектив социального развития региона в целом.

Содержание региональной социальной политики имеет свои временные горизонты. В условиях крайней нестабильности формирование основных направлений происходит с учетом кратко- и среднесрочной перспективы. Однако при реализации текущей социальной политики необходимо иметь в виду и отдаленные цели и

задачи, руководствуясь принципом «мыслить глобально, действовать локально»⁹.

Таким образом, проведенный анализ показал, что социальное государство – это гибкий многоуровневый социально-политический институт, который призван обеспечивать относительный прогресс, равновесие социальных отношений разных классов, групп населения и личности в обществе, реализуя социальную политику, основанную на принципах справедливости, достоинства человека, ответственности, преодоления формально-юридического равенства с целью оптимизации всех сфер жизнедеятельности индивидов. Такое определение позволяет акцентировать внимание на способах взаимодействия государства и общества через призму субъектно-объектных отношений социальной политики на всех уровнях общества, включая регион.

Под регионом понимается органическая часть общества и особая интегральная относительно автономная социально-территориальная общность, характеризующаяся целостностью экономической, политической и духовно-культурной жизни, включающая социальные процессы и социальные отношения, складывающиеся между индивидами, социальными группами, слоями, проживающими на его территории.

Региональная социальная политика – это многоуровневый процесс взаимодействия региональных институтов государственной, муниципальной власти и самоуправления, общественных организаций, предприятий, социальных общностей, групп и индивидов в процессе осуществления их жизнедеятельности с целью обеспечения согласования, гармонизации, реализации их интересов, стабилизации и целенаправленного развития регионального сообщества в целом.

Региональная социальная политика по своим параметрам является калькой с федеральной социальной политики и характеризуется тем, что в ней доминирует традиционно патерналистский подход, направленный, в первую очередь, на перераспределение социальных благ в пользу нуждающихся. Анализ показал, что в региональной социальной политике выделено несколько основных направлений: обеспечение минимально необходимого объема и уровня общественных благ и услуг в области здравоохранения, образования, культуры, спорта, жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и других сферах, социальной защиты населения. Их уровень должен соответствовать минимальным социальным стандартам с равным доступом гражданам, с ориентацией на адресную социальную поддержку населения.

Базовыми принципами современной модели социальной политики формируемого социального государства являются принципы децентрализации и полисубъектности. Однако на практике в качестве ее субъектов выступают преимущественно государственные структуры при минимальном участии бизнеса, предприятий, профсоюзов,

общественных организаций, индивидов. 96% опрошенного населения Саратовской области в качестве основного субъекта социальной политики воспринимают только государственные органы власти.

Перераспределение социальной ответственности между уровнями социальной политики от федерального центра в пользу регионов, децентрализация, муниципализация социальных обязательств предполагают прозрачность передачи необходимых ресурсов и увеличение реальной хозяйственной самостоятельности, особенно на муниципальной уровне. Увеличивается разрыв между масштабами социальных обязательств региональных акторов социальной политики и возможностями их реализации. Отсутствуют федеральные и региональные нормативные акты, регулирующие непосредственно деятельность муниципальных органов в сфере социальных отношений. Это придает процессу децентрализации социальной политики в регионах формальный характер.

Социальные слои, группы, территориально-поселенческие общности, индивиды не выступают как субъекты социальной политики, и это связано с низкой степенью артикуляции соответствующих интересов и возможностей влияния на политику властных органов. Чем ниже уровень социального субъекта в структуре регионального сообщества, тем меньше его потенциальная и реальная возможность проявления своих субъектных функций. Продолжающиеся процессы социально-экономического расслоения разобщают региональную социальную общность, приводят к распылению средств и ресурсов, нарушают принцип адресности социальной политики, сводя ее к адресности социальной защиты и поддержки. В силу этого механизм реализации региональной социальной политики должен включать систему выявления интересов различных групп и слоев, нахождения сферы их совпадения и различия.

Современная социальная политика на уровне региона должна строиться по комплексной модели, соединяющей патерналистскую защиту депривированных слоев населения (с учетом уточнения социальной и территориальной адресности социальной защиты, обеспечения экологической безопасности и снижения социальных рисков) с формированием рыночных подходов, привлекая бизнес и другие организационные структуры (в том числе профсоюзные объединения, а также общественные организации) для

повышения роли личного трудового вклада населения Саратовского региона в удовлетворении материальных, социально-культурных и бытовых потребностей.

Примечания

- 1 См.: Грязнова О. С., Магун В. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // SPERO. 2012. Осень-Зима. № 17. С. 7–34.
- 2 См.: Автономов А. С. [и др.]. Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия / Ин-т соц. РАН ; отв. ред. А. С. Автономов, И. Н. Гаврилова. М., 2009.
- 3 См.: Константинова Л. Выбор модели и регионализация социальной политики // Государственная служба. 2003. № 6 (26) Декабрь. URL: <http://www.rags.ru/akadem/all/26-2003/26-2003-120.html> (дата обращения: 20.03.2013) ; Лескин В., Шевцов А. Становление института социальных стандартов : федеральный, региональный и муниципальный аспекты // Российский социально-экономический журнал. 2001. № 3 С. 45–61 ; Смирнов С. Н. Региональные аспекты социальной политики. М., 1999. С. 63–64.
- 4 См.: Регион как субъект политики и общественных отношений / под ред. Н. В. Зубаревич. М., 2000 ; Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России : проблемы и тенденции переходного периода. М., 2007 ; Россия регионов : в каком социальном пространстве мы живём? / под ред. Н. В. Зубаревич. М., 2005 ; Зубаревич Н. В. Регионы России : неравенство, кризис, модернизация. М., 2010.
- 5 См.: Социальный атлас российских регионов. Тематические обзоры. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/household/index.shtml> (дата обращения: 20.03.2013).
- 6 См.: Транзитивные изменения и проблема эффективности социальной политики в регионе / под ред. профессоров З. Т. Голенковой и Г. В. Дыльнова. Саратов, 2004. С. 5–32.
- 7 См.: Региональные трансформации : социологический дискурс (мониторинг) // Тренды развития социальной политики региона : аналитические сценарии трансформации. Вып. 1(5) / под ред. Н. В. Шахматовой. Саратов, 2007.
- 8 См.: Осадчая Г. И. Социология социальной сферы : учеб. пособие, 2-е изд., перераб., доп. М., 2003. С. 3.
- 9 См.: Быкова Л. Д. Содержательная модель региональной социальной политики // Вестн. Омск. ун-та, 1997. Вып. 2. С. 75–78 ; Зубаревич Н. В. Регионы России : неравенство, кризис, модернизация.

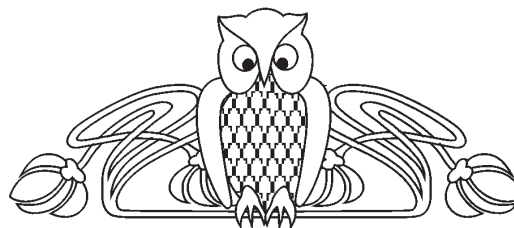

УДК 316.346.32-053.6 (316.473)

МОЛОДЕЖНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СЧАСТЬЯ (по результатам социологического опроса)

Н. В. Качур

Саратовский государственный университет
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье раскрываются этапы эволюции социальных представлений о счастье, предлагается его социологическая интерпретация. По результатам социологического исследования выявляется специфика молодежного восприятия счастья, предлагаются его модели, раскрывающие пессимизм, противоречивость, амбивалентность данного восприятия, и определены факторы, которые детерминируют фелицитарные отношения в молодежной среде.

Ключевые слова: счастье как социальный феномен, социологический опрос, молодежь, молодежное восприятие счастья, социологические модели восприятия счастья.

Youth Perception of Happiness (from Sociological Poll Results)

N. V. Kachur

The paper discloses evolution stages of the social representations of happiness, its sociological interpretation is offered. By the results of a sociological research, a specificity of the youth perception of happiness is revealed and its models are offered to provide for pessimism, discrepancy, ambivalence of the youth perception of happiness, and factors determining felicity relations in the youth medium.

Key words: happiness as a social phenomenon, sociological poll, youth, youth perception of happiness, sociological models of happiness perception.

Счастье играет важнейшую роль в жизнедеятельности личности, социальных общностей и российского общества в целом. Его уровень отражает общественные стереотипы и эталоны действий, необходимые для достижения этого состояния, и предполагает доминирование деятельности как признака включенности личности в процессы индивидуального и социального развития.

Анализ эволюции социальных представлений о счастье показывает изменение тенденций их развития от античной размытости к индивидуализации¹, а затем – к социологизации, выделению социальных условий, значимости счастья для социальных взаимодействия и процессов в социуме. В XX столетии появляются серьезные попытки провести научный анализ счастья с точки зрения социологической науки². В становлении социологического интереса к данной проблеме условно можно выделить три основных периода: 1) возникновение внимания к роли счастья как эмоционального явления в социальных механизмах и процессах общества в рамках субъективной позитивистской социологии; 2) снижение интереса к объяснительной ценности счастья и доминирование идей рациональности; 3) возобновление иссле-

дований счастья как социологической категории в рамках социологии личности, социологии эмоций, социологии культуры, повседневности с позиций структурализма, символического интеракционизма. В современной социологии сформировались объективистские подходы в терминах личностных переменных, отражающих уровень социального благополучия, связывающие счастье со степенью реализации человеческого потенциала, и субъективистские подходы, отождествляющие счастье с субъективным ощущением, переживанием³.

Исходя из этого, можно сформулировать социологическое определение счастья как доминирующей направленности группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер и непосредственно проявляется в высокой степени удовлетворенности личности своей деятельностью, условиями и образом жизни как гражданина, представителя того или иного общества, класса, социальной группы, в позитивных эмоциях радости. Такое определение позволяет интегрировать различные трактовки счастья и определить его социальные функции, необходимые условия, факторы.

Анализ результатов авторского социологического опроса⁴ показал, что в определении понятия «счастье» доминирующим (32,31% опрошенных) оказалось мнение молодежи, что счастье – это материальные блага: машина, дом, деньги, роскошь; 25,38% определяют счастье как предсказуемость и уверенность в завтрашнем дне; 17,69% считают, что счастье – это брать от жизни всё: наслаждение и удовольствие; для 12,31% определяют понятие «счастье» как отсутствие проблем, тишину и спокойствие; 6,92% считают, что счастья в мироздании нет; 1,54% видят счастье в гармонии с собой. Из этого можно сделать вывод, что, по мнению молодых саратовцев, для достижения счастья в большинстве случаев достаточно иметь высокое материальное положение и уверенность в завтрашнем дне. Иными словами, в повседневном сознании молодежи существует многозначная интерпретация счастья, отличающаяся пассивным потребительским утилитаризмом, относительно высоким уровнем пессимизма, противоречивости и гендерной стереотипностью.

Для юношей понятие «счастье» больше ассоциируется с материальным благополучием, интересной работой, общественным признанием, развлечением, большим кругом друзей, престижным образованием.

Для девушек важнее крепкая семья, взаимная любовь, дети, здоровье. Это демонстрирует традиционные гендерные различия в ценностных ориентациях для достижения счастья, когда юноши ориентированы на внешние, средовые, статусно-демонстрационные и достижительные критерии счастья, что является залогом их успешности, социальной мобильности. Девушки больше ориентированы на внутрисетевое социальное взаимодействие, благополучие своей семьи, близких, детей, что выступает залогом их социальной стабильности. Интересно, что счастье как удача не проявилась в общественном мнении саратовской молодежи

Множественность интерпретации счастья, как выяснилось, формирует многообразие моделей молодежного счастья, рейтинг которых можно расположить в порядке степени распространенности. «Материалисты» (самая распространенная категория молодежи – каждый третий молодой саратовец) в 2 раза чаще проявляются среди юношей (более 40%), чем среди девушек. Они в высшей степени ориентированы на обладание всеми возможными и невозможными материальными благами, вплоть до нарушения закона. «Эвдемонисты» (каждый четвертый саратовец, среди них девушек больше, чем юношей) видят счастье в социальной стабильности, уверенности в завтрашнем дне. «Гедонисты» (почти каждый пятый молодой саратовец), преимущественно – юноши, для которых счастье – это максимальное получение удовольствий, развлечений. «Атараксисты» (более 12% молодежи, в том числе каждая пятая – девушка) понимают под счастьем спокойствие (границащее с безразличием), тишину. «Идеалисты» (почти 7% молодых саратовцев, преимущественно девушки) видят счастье в некотором идеале, который практически недостижим. «Сторонники активной самореализации» (менее 2% молодежи, среди которых девушек в 2 раза больше). Настораживает значительная степень распространенности атараксии среди молодежи и то, что идеалисты и сторонники самореализации в достижении счастья оказались в самом конце рейтинга.

Материальное благосостояние, семья и дети занимают ведущие позиции в рейтинге жизненных ценностей молодых людей. При этом по мере роста уровня образования ценности, ассоциирующиеся у саратовской молодежи с понятием «счастье», имеют тенденцию к смещению от материальных к семейным и духовным. И наоборот, чем ниже уровень образования представителя молодого поколения, тем чаще понятие счастья у него ассоциируется с материальными ценностями. Однако по мере роста доходов молодежи материальное благополучие сдвигается на задний план, а счастье ассоциируется с семейными ценностями, взаимной любовью, интересной работой. Более важная для юношей (чем для девушек) ценность престижного образования меньше рассматривается ими как способ достижения счастья. Девушки, наоборот, меньше ориентированы на ценность образования, но чаще рассматривают его как

способ достижения счастья, видимо, считая его качеством, необходимым для повышения своей конкурентоспособности на брачном рынке.

Для достижения счастья, в понимании молодых людей, должны быть, прежде всего, друзья, любовь, материальное благосостояние, выгодное замужество, интересная работа. Для женщин основными способами являются выгодная партия в замужестве и здоровье, а для мужчин – работа и предпринимательство. С повышением уровня образования отмечается смещение необходимых условий для достижения абсолютного счастья респондентами от денег, друзей и развлечений к детям, здоровью, любви.

Большинство молодых людей испытывали состояние счастья, однако оно длилось недолго (от одного до нескольких дней). Женатые и состоящие в гражданском браке саратовцы чаще испытывали состояние счастья, чем неженатые. Тем не менее 53,6% саратовской молодежи считают себя счастливыми людьми. Однако средний балл ощущения счастья на момент проведения опроса (по пятибалльной шкале) составляет 2,87. Это противоречие между субъективными оценками и объективированным уровнем счастья показывает пессимизм, амбивалентность молодежного восприятия счастья, которое они не считают полным. Причем чем старше саратовец, тем менее счастливым он себя ощущает. Среди мужчин разрушение счастливого состояния чаще связывается с проблемами на работе (в учебе), плохими новостями, отвлечениями на что-то другое, поломкой техники. Среди женщин это в основном происходит само собой, в связи с разлукой, конфликтом или из-за проблем со здоровьем.

Таким образом, под влиянием таких факторов, как пол, уровень образования, материальное положение и семейный статус, в молодежной среде сформировалось многозначное восприятие счастья, отличающееся пассивным потребительским утилитаризмом, достаточно высоким уровнем пессимизма, противоречивости и гендерной стереотипности, что породило разнообразие моделей достижения счастья молодыми людьми г. Саратова. Это нельзя не учитывать в ходе реализации социальных программ и работы с молодежью.

Примечания

- 1 См.: *Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2008.
- 2 См.: *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека / сост. и пер. с польского Л. В. Коноваловой; предисл. и общ. ред. проф. Л. М. Архангельского. М.: Прогресс, 1981.
- 3 См.: *Селигман М.* В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010.
- 4 Социологический опрос «Счастье – глазами молодежи» был проведен в 2011–2012 гг. в г. Саратове методом анкетирования. Квотная выборка состояла из 430 респондентов – молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет.

УДК 316.772.4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ САРАТОВЦЕВ

А. Д. Хлебозаров

Саратовский государственный университет
E-mail: xab_magistr@front.ru

В статье по результатам социологического исследования раскрывается отношение саратовцев к информационной безопасности, выявляется низкий уровень информационной культуры, уточняются проблемы и социальные факторы повышения эффективности защиты информационной безопасности персональных и коллективных компьютерных пользователей.

Ключевые слова: информационная безопасность, компьютерная защита, социологический опрос, компьютерные пользователи.

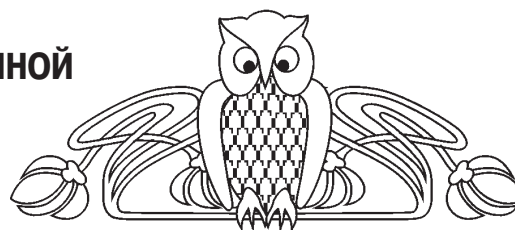
Social Problems of Information Security Through the Prism of Saratov Inhabitants' Public Opinion

A. D. Khlebozharov

The paper summarizes the results of our sociological survey and reveals Saratov inhabitants' attitude to information security, a low level of information culture is disclosed, problems and social factors of increasing the efficiency of information security of personal and collective computer users are specified.

Key words: information security, computer protection, sociological poll, computer users.

В новом тысячелетии глобальное, всепроникающее и всеобъемлющее противоречие «культура безопасности человека» обозначилось как источник динамики всемирной, абсолютной безопасности, как источник мировой динамики гуманитарных перемен. Это стало главным интеллектуальным, энергетическим, мотивационным и силовым фактором возникновения, оформления и развёртывания новой глобальной структурной гуманитарной революции XXI века¹. Информационная безопасность – защита конфиденциальности, целостности и доступности информации. В современном обществе – это одна из самых больших проблем как для организаций, так и конкретных пользователей. Однако часто ей не уделяется должного внимания. Более того, зачастую многие пренебрегают простейшими рекомендациями по безопасности, хотя в организациях для защиты корпоративной информации выделяются немалые материальные средства и человеческие ресурсы. И если кража корпоративной информации может привести к потере прибыли или разработки, то подделка или утечка личной переписки может привести к разрушению вполне счастливой семьи или распаду дружного коллектива. Если рассматривать информационную безопасность в том виде, в котором этим понятием

оперируем мы сейчас, то речь, конечно же, идет об информации, хранящейся или передающейся с помощью современных технических средств, высоких технологий, с помощью компьютеров.

Как следует из результатов опроса², к числу основных актуальных угроз информационной безопасности граждан относятся вирусы (43%), безграмотность пользователей (28%), интернет-мошенничество (22%). Угроза распространения вирусов проявляется в виде противоправного размещения на средствах вычислительной техники граждан вредоносных программ. Под воздействием этих программ могут быть нарушено нормальное функционирование программного и технического обеспечения вычислительной техники граждан, уничтожены или модифицированы принадлежащие им информационные ресурсы, получен противоправный доступ к информации о частной жизни, личной и семейной тайне, к другой хранящейся и обрабатываемой конфиденциальной информации. Социальная опасность данной угрозы заключается в возможности нанесения материального или морального ущерба гражданам, размеры которого могут быть весьма значительными и зависят от степени использования потерпевшими вычислительной техники в различных областях их деятельности.

Атаки хакеров вызвали наименьшее беспокойство среди населения, так как такие атаки осуществляются зачастую не на конкретных пользователей, а на компании, государственные учреждения. Также не исключен процент атак хакеров на личные компьютеры граждан, но такие атаки бывает очень сложно заметить и о них часто даже не догадываются обычные пользователи. Между тем угроза несанкционированного доступа к компьютеру проявляется в виде модификации или уничтожения программных средств, расположенных на данном компьютере, копирования, модификации, нарушения целостности или уничтожения хранящихся в нем информационных ресурсов, а также использования технических средств компьютера для размещения программных средств нарушителя, осуществления обработки информации в его интересах, нарушения работоспособности компьютера. Социальная опасность данной угрозы заключается в возможности нарушения установленного собственником режима информационных ресурсов, противоправного раскрытия сведений, составляющих личную и семейную тайны, либо сведений о частной жизни гражданина, воспре-

пятствования использованию компьютера для осуществления информационной деятельности.

Разные возрастные категории пользователей испытывают беспокойство по различным поводам. Так, среди 15–20-летних пользователей самой распространенной угрозой безопасности является интернет-мошенничество (33,9% опрошенных), на втором месте – вирусы (33,2%), на третьем – безграмотность самих пользователей (23,6%). Среди 21–25-летних пользователей самой распространенной угрозой безопасности являются зловредные вирусы (44,0%), на втором месте – безграмотность самих пользователей (28,4), на третьем – интернет-мошенничество (24,5%). Среди 26–35-летних пользователей самой распространенной угрозой безопасности являются зловредные вирусы (52,3%), на втором месте – безграмотность самих пользователей (20,9%), на третьем – интернет-мошенничество (18%). Среди 36–45-летних пользователей самой распространенной угрозой безопасности являются зловредные вирусы (41,5%), на втором месте – безграмотность самих пользователей (38,3%), на третьем – интернет-мошенничество (16,7%). Среди пользователей 46 лет и старше самой распространенной угрозой безопасности являются зловредные вирусы (45,0%), на втором месте – безграмотность самих пользователей (31,3%), на третьем – интернет-мошенничество (15,6%). Иными словами, 15–20-летние чаще других волнуют проблемы интернет-мошенничества и атаки хакеров, 21–25-летние – проблемы вирусов и интернет-мошенничества, 26–35-летние – проблемы вирусов и атаки хакеров, 36–45-летние – проблемы безграмотности пользователей. Тех, кому более 46 лет, чаще других волнуют проблемы вирусов, безграмотности пользователей и атаки хакеров. При этом по мере увеличения возраста проблема вирусов растет и достигает максимума в категории 26–35 летних, после чего актуальность этой проблемы спадает. Вероятно, это связано со снижением доли интернет-контактов и увеличением опыта пользователей. Также с возрастом растет значимость проблемы безграмотности пользователей, но снижается актуальность проблемы интернет-мошенничества. Возможно, последнее связано с тем, что именно молодежь активнее использует интернет-магазины и оплату услуг через Интернет, и можно прогнозировать, что в будущем эта категория будет увеличиваться, а актуальность проблемы возрастёт.

Исследование показало, что род деятельности и социальный статус также влияют на конкретные виды беспокойства по поводу информационной безопасности. Так, среди школьников самое большое беспокойство вызывают вирусы (50,0%) и атаки хакеров (50,0%). Среди студентов самой распространенной угрозой безопасности считается интернет-мошенничество (37,4%), затем – вирусы (30,4%) и безграмотность самих пользователей (23,3%). Работающие пользователи

на первое место ставят вирусы (48,7%), на второе – безграмотность самих пользователей (27,3%), на третье – интернет-мошенничество (17,6%). Тех, кто учится и работает, волнует только безграмотность пользователей (100%). Пенсионеры в качестве основ угрозы называют вирусы (59,0%).

Вирусы представляют собой важную социальную угрозу информационной безопасности в силу того, что им часто подвергаются рабочие компьютеры. Но при заражении вирусом хотя бы одного компьютера может произойти заражение всех остальных и, как следствие, остановка рабочих процессов на предприятии. Можно предположить, что на рабочих местах часто не уделяется должного внимания антивирусной защите.

Компьютерная безграмотность волнует самих пользователей не случайно, так как большинство из них не знает, что делать при той или иной атаке на их компьютер, тем самым упрощая, а иногда бессознательно помогая этим атакам. Это указывает на то, что проблемы информационной безопасности недостаточно освещаются в обществе, в университетах, в организациях. Это приводит к тому, что люди просто не знают, с чем они сталкиваются и как с этим бороться, что, в свою очередь, очень упрощает атаки на их компьютеры и данные. Таким образом, надо решать проблему обучения населения информационной безопасности, чтобы граждане знали и могли предпринять первые действия при атаках на их компьютеры, повышать уровень безопасности работы в Интернете и проводить более активную противовирусную политику как на уровне предприятий, организаций, так и на уровне личных компьютеров.

Важно уточнить, на кого общественное мнение возлагает ответственность за защиту персональных компьютеров. Выяснилось, что большинство населения (59,4%) считает ответственным за это себя. Это может говорить лишь о том, что пользователи не в полной мере оценивают масштаб информационной проблемы в современное время. Защита информации невозможна без применения специализированных знаний, методов, продуктов в области информационной безопасности.

Однако с возрастом проявляется склонность к перекладыванию этой ответственности на государство. Если в среднем так полагают 11,8%, то среди пользователей старше 46 лет так считают 28,6%, то есть в 2,5 раза больше. 26,3% опрошенных ответственность за защиту своего компьютера возлагают на специализированные фирмы, особенно на этом настаивают 15–25-летние пользователи (до 38%), 64,2% населения со средним и 35,0% – со средним специальным образованием. Саратовцы с высшим образованием (56,0%) и неполным высшим (69,2%) считают, что они справятся сами. Обладающие ученой степенью и высшей ученой степенью 100% доверяют себе в защите своих персональных данных. При

этом школьники целиком полагаются на специализированные фирмы, студенты, аспиранты, в том числе – совмещающие учебу с работой больше полагаются на себя, а каждый второй пенсионер – на государство и немного – на своих детей (12,5%).

Иными словами, патерналистские ориентации на государство сохраняются лишь в старших возрастных категориях населения и имеют тенденцию к снижению. На первый план выходит тенденция самозащиты или помощи профессионалов в обеспечении информационной безопасности граждан. Хотя для достижения информационной безопасности должны использоваться общие единые методы. Если каждый будет защищать свои данные по-своему и с учетом, что большинство пользователей у нас не владеет нужными знаниями в информационной безопасности, то в конце концов это приведет к разнообразным атакам вирусов, повреждениям персональных данных, кражи денег со счетов. Только целенаправленная и единая деятельность по осуществлению информационной безопасности может привести к эффективным результатам.

Вместе с тем выяснилось, что большинство населения (59,2%) не готово тратить средства на обеспечение своей информационной безопасности. Менее трети пользователей (27,8%) готовы тратить на это до 1000 рублей в год, еще меньше (8,0%) – до 3000 рублей. С повышением дохода населения уменьшается доля тех, кто не готов к расходам на обеспечение собственной информационной безопасности, и увеличивается доля тех, кто готов тратить на это более или менее значительные суммы денег. Даже среди самой состоятельной категории саратовцев, чей доход выше 50000 в месяц, каждый второй готов тратить на это не более 1000 рублей в год и столько же не готовы тратить вообще. Из этого можно сделать два вывода. Во-первых, многие пользователи не до конца осознают проблемы информационной безопасности и необходимость защиты своих компьютеров. Следовательно, это может спровоцировать в дальнейшем увеличение преступлений в сфере высоких технологий. Проблема информационной безопасности требует большего освещения с целью повышения грамотности населения в данном контексте. Во-вторых, то, что подавляющее большинство опрошенных считает, что они сами могут обеспечить свою информационную безопасность и не готовы тратить на это, свидетельствует об ограниченности их материальных ресурсов. Для них пользование бесплатными средствами защиты является вынужденной мерой. Это также в перспективе может способствовать росту преступлений в сфере высоких технологий.

Как следует из результатов опроса, уже сейчас 69,2% опрошенных постоянно сталкиваются с атаками вирусов, что частично приводило к потере данных, 11,5% постоянно сталкиваются с этим,

что приводит к краже конфиденциальной информации. Граждане, которые сталкиваются с атаками вирусов несколько раз в месяц и несколько раз в год, теряют свои данные в 65,0% и 61,4% соответственно. 20,0% опрошенных подвергались атакам несколько раз в месяц и 24,1% несколько раз в год, однако эти атаки ни к чему не приводили. Те, кто постоянно сталкиваются с атаками вирусов, используют бесплатные программы (66,7%) или не используют ничего (22,2%). А те, кто покупает и использует самые актуальные разработки в сфере обеспечения информационной безопасности, подвергаются атакам лишь в 11,1% случаев. Это указывает на то, что бесплатные программы не могут обеспечить информационной безопасности граждан. Можно сделать выводы, что атакам вирусов постоянно подвергается большинство компьютеров населения, особенно те, где используются малоэффективные бесплатные программы. Иными словами, затраты на информационную безопасность актуальны, и те люди, которые это понимают, меньше подвержены угрозам вирусов и других атак в сфере информационных технологий.

Из полученных результатов можно сделать вывод, что больше половины опрошенных считают информационную безопасность глобальной задачей XXI в. В настоящий момент остро стоит проблема защиты персональных компьютеров, однако она не всегда осознается пользователями. Расчет последних на самозащиту и бесплатные программы носит отчаянный вынужденный характер, когда дефицит материальных ресурсов не позволяет тратить на программы по информационной защите. С другой стороны, выявлен низкий уровень просвещенности пользователей компьютеров о необходимости и мерах по профессиональной информационной защите, пренебрежение ею (даже среди состоятельных саратовцев), что провоцирует рост преступлений в области высоких технологий и наносит значительный ущерб пользователям. Это вызывает необходимость активизации просветительской работы среди широких слоев населения о потенциальных и реальных угрозах информационной безопасности и степени эффективности бесплатных и профессиональных технологий защиты компьютерной информации.

Примечание

- ¹ См.: Кузнецов В. Н. Гуманитарные взаимодействия. Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности : в 3 т. Т. II. Социология справедливости. Смысл мечты России – реальное достоинство каждого человека и укрощение несправедливости здесь и сейчас. М., 2008.
- ² Исследование «Информационная безопасность в саратовском сообществе» было проведено в 2011–2012 гг. методом анкетирования по выборке N = 200 человек. Критерии отбора – возраст, пользование компьютером, Интернетом.

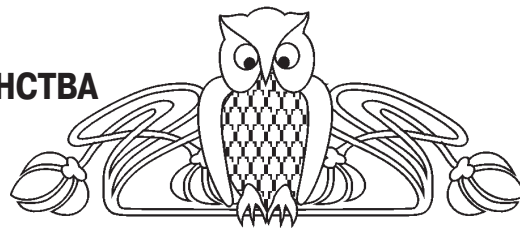

УДК 316.342.6

ПОЛИСТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА

Е. В. Афанасьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Afanasevevgeniy@bk.ru

В статье анализируется изменение социально-экономического пространства села в условиях рыночных трансформаций с учетом исторически сложившихся практик реципрокного и редистрибутивного типа. Это обуславливает формирование различных социально-экономических пространств современного российского села.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство, редистрибутивные и реципрокные социально-экономических практики.

Social-economy Space's Polystructural Characteristics of the Modern Russian Village

E. V. Afanasiev

In this article social-economy space of the village changers in the market conditions is analyses. Taking into consideration historically developed practices of redistribution and reciprocal types. That is caused forming different social-economy spaces of the modern village.

Key words: social-economy space, redistribution and reciprocal social-economy practices.

Село – это особый пространственный локус социального пространства общества. В социологии села исследуется множество различных объектов: это и сам сельский житель, его семья; сельский мигрант; социальная структура, уровень и образ жизни сельского населения; ценности сельского жителя, культура и т. д. Но все эти объекты специфичны тем, что существуют и функционируют в поселениях определенного типа, формируя его как социальное пространство. «Природно-вещная среда, земля как предмет и средство производства, производительные силы и производственные отношения, социально-пространственная организация жизнедеятельности деревни характеризуются своеобразием, которое не свойственно ни одному другому социальному объекту»¹. Это своеобразие определяет особость социально-территориальной общности деревни и выступает как особый локус социально-экономического пространства села. Современное состояние этого локуса есть результат сложной и долгой истории и практик радикального реформирования последних десятилетий. В условиях радикальных социально-экономических преобразований народного хозяйства страны на основе рыночной стратегии одними из ключевых вопросов являлись

характер и вектор институциональной трансформации на весь воспроизводственный режим функционирования, на тип эволюционного развития социальной структуры аграрного сектора. Осуществляемая с начала 90-х гг. XX в. в России экономическая реформа в сельском хозяйстве, прежде всего, затронула базисные институты. В результате радикальной трансформации сформировалась и развивается новая аграрная структура, определяемая принципами рыночного хозяйства.

Однако в процессе рыночных реформ, проводившихся поспешно, без необходимого научного, правового и экономического обеспечения, произошли, можно сказать, косметические институциональные изменения. Крупный потенциал аграрного производства в таких условиях оказался неэффективным во многом потому, что внутреннее состояние ресурсов и, в первую очередь, право собственности на эти ресурсы не отвечали новой институциональной модели. Не получил ожидаемого развития и индивидуальный частный сектор в форме крестьянских хозяйств, не заработал в полной мере эффект кооперации производства, не были четко определены параметры интеграционных процессов. Это негативно повлияло на состояние аграрной экономики и воспроизводственные возможности всей хозяйственной системы АПК. Структурные сдвиги в аграрном секторе экономики, вызванные переходом России к рыночной экономике, способствовали появлению новых форм собственности, реформированию товарно-денежных отношений, возникновению новых субъектов хозяйствования и организационных структур управления. Относительная полиструктурность сельского социально-экономического пространства достаточно долго определялась единой общенародной собственностью, формально дифференцированной на государственную (совхозную) и кооперативную (колхозную). Результатом либерально ориентированного аграрного реформирования явилось формирование многоукладной сельской экономики, что не могло не отразиться на характеристиках социально-экономического пространства села в целом. Новые организационные формы, возникшие в основном на развалинах старых, тяготевших к прежним, представлены так называемыми крупхозами во всем их разнообразии. В настоящее время имеются следующие организационные

структуры хозяйствующих субъектов в аграрном секторе: колхозы, коллективные хозяйства с новыми организационно-правовыми формами (АО, товарищества и т. п.), крестьянско-фермерские хозяйства, аграрные компании (холдинги).

На сегодняшний день, как в начале 1990-х гг. на фермеров, многие руководители регионов возлагают большие надежды именно на аграрные компании. Эти структуры объединяют земли на значительной территории, на такой, что иногда позволяют себе в процессе уборки урожая перемещать технику с Юга на Север. Земля (паи) находится в собственности компании, а жители или их часть являются работниками данной компании. Некоторые из них даже свозят специалистов со всего региона.

Личные подсобные хозяйства, хотя и поставляют значительную долю сельскохозяйственной продукции, имеют низкую производительность труда из-за так называемого дотейлоровского способа организации производства. Безусловно, они будут существовать и через 15–20 лет, но конкурентом на мировом рынке страна, в которой основу сельхозпродукции поставляют личные подсобные хозяйства, не станет.

Рассматривая село не только как место социальных взаимодействий, но и принимая во внимание, что социально-экономическое пространство села конструируется социально-экономическими взаимосвязями субъектов и акторов всех типов, представленных в этом месте, определим структурные особенности основных его субпространств. Тем более что особенности пространственной среды могут как создавать благоприятные условия для осуществления процессов реформирования, так и формировать ограничения для них, различные территориальные общности в ходе радикальных перемен сталкиваются с разными проблемами, имеют неодинаковые возможности их решения и получают разные результаты.

В центре большинства исследовательских проблем постсоветской сельской России оказалась перманентно возрастающая дифференциация во всех ее многообразных проявлениях – региональных, экономических, социальных. Эта дифференциация на сельские богатые и бедные регионы, предприятия, семьи имеет ряд характерных черт. В масштабах страны явно проявляются закономерности знаменитой модели аграрной дифференциации немецкого эконом-географа фон Тюнена, характерные для мирового сельского хозяйства еще вековой давности, что было хорошо показано в исследованиях социального географа Т. Нефедовой². Суть тюненовской модели – рыночное сельское хозяйство интенсивно развивается, прежде всего, вокруг крупных городов и плодородных земель. По мере удаления от городов и плодородных почв оно почти прямо пропорционально уменьшает свой потенциал, а в «глубинке» и вовсе сходит на нет – там выживает лишь экономика натуральных семейных хозяйств. Если в

экономике современных развитых западных стран тюненовская модель почти уже не работает, то в России решающее рыночное преимущество имеет, главным образом, лишь тот фермер и то предприятие, которое хозяйствует поближе к Москве, или хотя бы к областному центру, или на землях Южного Черноземья – лучше всего на Кубани. Следовательно, параметры социально-экономического пространства села будут следовать этой закономерности.

Но территория, в данном случае села, – только основа формирования социального пространства, в котором складываются и развиваются отношения и взаимодействия между индивидами. Занятие территории людьми характеризует только начало социальной жизни, установление границ, ограничение свободы передвижения, определение своего места человеком, иначе говоря, формирует специфическое объединение людей – территориальную общность. Общность связана с территорией, но не сводима к ней

Территориальная общность – это совокупность людей, имеющих одинаковое отношение к определенной территории, характеризующаяся системой экономических, политических, технико-технологических и социальных связей между людьми, выделяющих ее в качестве относительно самостоятельной единицы пространственной организации жизнедеятельности. Акцентируем внимание на положении «одинаковое отношение». Село как территория хотя и формирует отношение населения к территории, но ввиду неоднородности населения самой территории или какой-либо части территории придают различные значения, что формирует различие и отношений к территории. Следовательно, на территориальном пространстве села могут и формируются различные территориальные общности, выступающие как зоны социального пространства, а степень их интегрированности будет достаточно сложно детерминирована. Можно в этом плане рассмотреть процесс «дачеизации» села. Для дачника отношение к территории села формируется как к месту отдыха, в то время как для коренного жителя – как месту жизни. Село, сельское хозяйство, «привязанное» к природным условиям, предполагает особые формы организации и особенности функционирования сельскохозяйственного производства, которые выступают важнейшим фактором, определяющим динамику и направленность развития расселения, его пространственность. В частности, для традиционного общества, где господствовало натуральное крестьянское хозяйство, дисперсность сельского расселения была неизбежным и вполне закономерным следствием. С переходом к стадии индустриального общества и укрупненным формам сельскохозяйственного производства, которые вытесняют мелкотоварное хозяйство, складывается центростремительная тенденция, получившая отражение в концентрации и укрупнении поселен-

ческой сети. В конечном итоге и в том, и в другом случаях поселенческая сеть соответствует (или стремится соответствовать) тем организационным формам, которые складываются в экономической сфере³. Отмеченное влияние не только изменяет пространственные характеристики сельского расселения в целом но в не меньшей степени затрагивает внутреннее социально-экономическое пространство села.

Следовательно, для более глубокого понимания особенностей состояния социально-экономического пространства села имеет смысл уточнить динамику развития сельского хозяйства и аграрного производства в целом. По мнению специалистов, специфика России заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона можно зафиксировать существование разных типов хозяйствования на земле⁴. Этот вывод подтверждается другими авторами⁵. Помимо этого момента, следующие дополнения. В рамках институциональной теории раздаточной экономики, предложенной О. Бессоновой, которая достаточно убедительна⁶, утверждается, что в ходе естественно-исторической эволюции на территории российского государства сформировалась саморегулирующаяся экономика, отличная от рыночной. Как и рыночная, она функционирует на принципах самоорганизации, но по другим правилам. Базовыми отношениями этой экономики являются отношения «сдач – раздача», а не «купля – продажа», и потому она получила название раздаточной экономики или экономики раздатка. Эволюция раздаточной системы в России прошла три крупных институциональных цикла.

Этим самым утверждается, что практически вся хозяйственная история России, вплоть до последнего времени, определялась и актуализировалась институтами раздаточной экономики. А специфика траектории хозяйственного развития России заключается в наличии достаточно длительных переходных периодов, в которых происходит жесткая конфронтация неформально существующей раздаточной среды и формально распространяемой рыночной институциональной среды. В наличии сосуществования основных раздаточных периодов и переходных квазирыночных периодов выражается своеобразие траектории хозяйственного развития России как евроазиатской цивилизации⁷.

Это обстоятельство позволяет, на наш взгляд, осуществить типологизацию села с учетом моделей социально-экономического пространства.

Гипотетически правомерно говорить о «чистых», одномерных моделях и смешанных (двухмерных и трехмерных). Причем в двухмерных моделях вариативность будет связана с типами пространств, представленных в модели, и сводиться к следующим: реципроктность – реди-

стрибуция, редистрибуция – рынок, реципроктность – рынок. В трехмерных моделях основная проблема в соотношении, что, впрочем, важно и для двухмерных моделей.

Как всякая другая, и предлагаемая модель выступает как идеально типическая, в веберовском смысле, в то время как реальное село, за редким исключением, в пространственном аспекте выступает как многомерное и в значительной степени микшированное социально-экономическое пространство. Исторический экскурс подтверждает постоянство и устойчивость неформальных (редистрибутивных) социально-экономических практик субъектов аграрного производства, с одной стороны, и периодически повторяющиеся попытки их рыночной институциональной трансформации, с другой. Отметим, что откат волн рыночных трансформаций только подтверждают силу редистрибутивной составляющей, которая серьезно модифицирует сами рыночные институты, преобразуя их в квазирыночные.

Следовательно, социально-экономическое пространство села (до начала современного рыночного реформирования) конституировалось в основном отношениями, реализующимися и институционально закрепляющимися хозяйственными практиками в режимах редистрибуции и реципроктности. Рыночный же сегмент, если и возникал, то чаще всего уходил в тень.

Аграрная реформа, направленная на ускоренную рыночную реорганизацию колхозно-совхозной системы и снижение до минимума государственной поддержки сельского хозяйства, привела к тому, что во многих регионах и селах старая институциональная система и соответствующая ей материально-техническая база крупномасштабного хозяйствования в значительной мере была утрачена. В условиях целенаправленной рыночной экспансии село и сельское хозяйство стало объектом разрушающего воздействия разнонаправленных групповых интересов, ориентированных в основном не столько на созидательную и инновационную деятельность, сколько на элементарное выживание, на перераспределение и потребление ранее созданных ценностей и природных благ. Искусственное вытеснение редистрибутивных социально-экономических практик, замещение их квазирыночными не могло не переформатировать социально-экономическое пространство села. Нарушение баланса социально-экономических интересов не позволило в то же время достичь конструктивного взаимодействия институтов различных типов и сформировать эффективную институциональную систему. Несбалансированная институциональная система усилила неопределенность, риски и беспорядок, обусловила дезинтеграцию территориальных сельских сообществ, то есть привела к хаотизации социально-экономического пространства села.

Примечания

- ¹ Староверов В. И. Социология деревни : объект, предмет, задачи // Социс. 1981. № 4. С. 51.
- ² См.: Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М. : Новое издательство, 2003.
- ³ См.: Л. Н. Мазур. Аграрное развитие и сельское расселение в России в XX в. URL: <http://hist.igniu.ru/da/ais/articles/7/13Mazur.doc> (дата обращения: 05.06.2013).
- ⁴ См.: Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и

УДК 316.722 (316.775.3)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Н. Г. Коновалова

Саратовский государственный университет
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического исследования раскрываются особенности ценностных установок студентов, роль и взаимосвязь патриотизма и толерантности в формировании их межкультурных компетенций при изучении иностранных языков.

Ключевые слова: студенты, социализация, ценностные установки, межкультурная коммуникация, толерантность.

Intercultural Communications and Social Values in Students' Medium

N. G. Konvalova

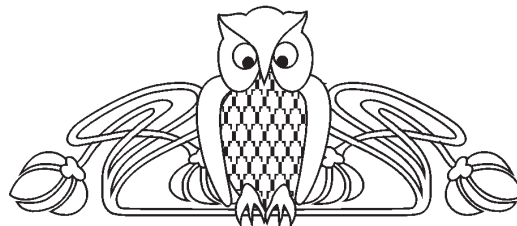
The paper summarizes the results of our sociological survey and discloses features of students' value aims, the role and interrelation of patriotism and tolerance in their formation of intercultural competencies at learning foreign languages.

Key words: students, socialization, value aims, intercultural communications, tolerance.

Интернационализация жизненного пространства предполагает определённый универсализм в образовании, но он возможен лишь при условии сохранения многообразия социальных, политических, культурных и языковых традиций разных стран в быстро меняющемся и всё более взаимозависимом мире. С различной интенсивностью процесс охватил все ступени образования и особенно активно развивается в высшей школе. Высшее образование и наука становятся глобальным фактором общественного развития, выдвигаются в число наиболее важных национальных и общемировых приоритетов. В полной мере это касается вузовских выпускников, особенно специализирующихся как профессиональных переводчиков с иностранных языков. Это во-многом является следствием интенсивного социального взаимодействия разных на-

периферия в региональном развитии. М. : Наука, 1991 ; Нефедова Т. Указ. соч.

- ⁵ См.: Калугина З. И. Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион : экономика и социология. 2007. № 1.
- ⁶ См.: Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России : эволюция через трансформации. М. : РОССПЭН, 2006.
- ⁷ См.: Бессонова О. Э. Теория раздаточной экономики – новый взгляд на хозяйственное развитие России. URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/BESSONOVA.html> (дата обращения: 05.06.2013).

родов как представителей разных культур, связано с процессами глобализации, интернационализации и многоязычия в современном мире, актуализирующими востребованность межкультурных трансляторов. Существенным препятствием для интенсификации интернационализации является низкий уровень владения иностранными языками. Как показало социологическое исследование¹, даже среди преподавателей и сотрудников Саратовского государственного университета английским языком (в той или иной степени) владеют почти 34% опрошенных, немецким – 11,9%, французским – 4,3%, испанским – 1%. Между тем владение иностранным языком является гарантией социальной защищенности в современном обществе.

Это актуализирует формирование феномена «личности-посредника» в межкультурной коммуникации. Эта роль по праву принадлежит переводчику как непосредственному участнику межкультурного коммуникативного процесса. С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшим образованием встала новая цель – подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка². Одновременно это повышает уровень требований к профессиональным компетенциям данной категории выпускников. Исходя из этого, в СГУ на многих факультетах в качестве основной или дополнительной специальности студенты получают профессию переводчика, обучаются иностранным языкам. Эти навыки обеспечиваются широкой и фундаментальной подготовкой в области основ теории изучаемого языка (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии, стилистики, теории текста), теории перевода. Переводческая деятельность предполагает высокий уровень речевой культуры на родном и иностранном языке³.

Примечания

- ¹ Староверов В. И. Социология деревни : объект, предмет, задачи // Социс. 1981. № 4. С. 51.
- ² См.: Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М. : Новое издательство, 2003.
- ³ См.: Л. Н. Мазур. Аграрное развитие и сельское расселение в России в XX в. URL: <http://hist.igniu.ru/dais/articles/7/13Mazur.doc> (дата обращения: 05.06.2013).
- ⁴ См.: Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и

УДК 316.722 (316.775.3)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Н. Г. Коновалова

Саратовский государственный университет
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического исследования раскрываются особенности ценностных установок студентов, роль и взаимосвязь патриотизма и толерантности в формировании их межкультурных компетенций при изучении иностранных языков.

Ключевые слова: студенты, социализация, ценностные установки, межкультурная коммуникация, толерантность.

Intercultural Communications and Social Values in Students' Medium

N. G. Konvalova

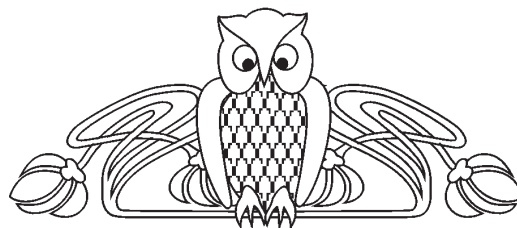
The paper summarizes the results of our sociological survey and discloses features of students' value aims, the role and interrelation of patriotism and tolerance in their formation of intercultural competencies at learning foreign languages.

Key words: students, socialization, value aims, intercultural communications, tolerance.

Интернационализация жизненного пространства предполагает определённый универсализм в образовании, но он возможен лишь при условии сохранения многообразия социальных, политических, культурных и языковых традиций разных стран в быстро меняющемся и всё более взаимозависимом мире. С различной интенсивностью процесс охватил все ступени образования и особенно активно развивается в высшей школе. Высшее образование и наука становятся глобальным фактором общественного развития, выдвигаются в число наиболее важных национальных и общемировых приоритетов. В полной мере это касается вузовских выпускников, особенно специализирующихся как профессиональных переводчиков с иностранных языков. Это во-многом является следствием интенсивного социального взаимодействия разных на-

периферия в региональном развитии. М. : Наука, 1991 ; Нефедова Т. Указ. соч.

- ⁵ См.: Калугина З. И. Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион : экономика и социология. 2007. № 1.
- ⁶ См.: Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России : эволюция через трансформации. М. : РОССПЭН, 2006.
- ⁷ См.: Бессонова О. Э. Теория раздаточной экономики – новый взгляд на хозяйственное развитие России. URL: <http://nesch.ieie.nsc.ru/BESSONOVA.html> (дата обращения: 05.06.2013).

родов как представителей разных культур, связано с процессами глобализации, интернационализации и многоязычия в современном мире, актуализирующими востребованность межкультурных трансляторов. Существенным препятствием для интенсификации интернационализации является низкий уровень владения иностранными языками. Как показало социологическое исследование¹, даже среди преподавателей и сотрудников Саратовского государственного университета английским языком (в той или иной степени) владеют почти 34% опрошенных, немецким – 11,9%, французским – 4,3%, испанским – 1%. Между тем владение иностранным языком является гарантией социальной защищенности в современном обществе.

Это актуализирует формирование феномена «личности-посредника» в межкультурной коммуникации. Эта роль по праву принадлежит переводчику как непосредственному участнику межкультурного коммуникативного процесса. С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшим образованием встала новая цель – подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка². Одновременно это повышает уровень требований к профессиональным компетенциям данной категории выпускников. Исходя из этого, в СГУ на многих факультетах в качестве основной или дополнительной специальности студенты получают профессию переводчика, обучаются иностранным языкам. Эти навыки обеспечиваются широкой и фундаментальной подготовкой в области основ теории изучаемого языка (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии, стилистики, теории текста), теории перевода. Переводческая деятельность предполагает высокий уровень речевой культуры на родном и иностранном языке³.

Особенностью деятельности переводчика является его социальная функция посредника между разными культурами и разными языками. Недостаточный уровень профессиональной компетенции переводчика может служить причиной «дефектной коммуникации» и нанести вред взаимопониманию и успешному сотрудничеству⁴. Наряду с владением навыками межкультурной коммуникации, языковой трансляции, актуализируются профессиональные требования к уровню толерантности и патриотизма переводчика. Иными словами, эти две характеристики выступают в неразрывной взаимосвязи и служат условием успешного осуществления профессиональной переводческой деятельности как процесса целенаправленной передачи, усвоения и воспроизведения информации в виде социальных и культурных норм человеческого существования, отражения различных форм человеческого поведения.

Эти профессиональные качества формируются в процессе семейной (первичная) и вузовской (вторичная) социализации молодежи одновременно и включают в себя процесс инкультурации – освоения родной культуры и формирования когнитивной, эмоциональной и поведенческой идентичности, отличных от представителей других культур. Базовым понятием здесь выступает «культура» как организующий фактор жизнедеятельности индивидов, определяющий совокупность коллективных социальных правил и норм с точки зрения усвоенного и приобретенного опыта⁵. Вовлечение каждого индивида в окружающую социокультурную реальность начинается с самого раннего возраста и представляет собой осознание социальных норм, регулирующих поведение человека в обществе. Этот процесс принято обозначать термином «социализация», который многие исследователи рассматривают как двусторонний – индивид входит в социальную среду, усваивая социальный опыт предшествующих поколений и современников, а затем воспроизводит его в своей деятельности⁶. Такой двусторонний процесс наиболее успешно обеспечивает социализацию индивида как полноценного гражданина.

Усваиваемые социальные нормы могут быть представлены в виде комбинации инвариантных и вариантных составляющих, где инвариантность представлена конвенциональными компонентами, а вариантность характеризуется индивидуальными проявлениями осознания социальных регуляций. Такое соотношение базовых и релятивных компонентов может быть проецировано на процессы, происходящие при межкультурной коммуникации в деятельности переводчиков, где общечеловеческие ценности есть инвариантный компонент, а специфические, национальные характеристики представлены в виде культурных релятивов.

В условиях многополярного мира, национальной и этнической дивергенции толерантность обнаруживается как интенция общечеловеческих

интересов, потребностей и необходимой предпосылки в социальных связях и новых формах коммуникативно целесообразных отношений переводчика и его социального окружения в лице работодателей, клиентов – иностранцев, потребителей коммуникативных услуг. Терпимое отношение к проявлениям другого, иного – это та культурная норма, которая приумножает и улучшает результаты социального сотрудничества, общечеловеческого и профессионального общения⁷. Можно согласиться с Б. Р. Могилевич⁸, что проблема толерантности вызревает в определенном опыте людей, и только под воздействием реальной заинтересованности, прежде всего, в том опыте, где эта проблема возникла, она может быть разрешена, обретая свойства предпосылки и принципа. Поэтому решение проблемы толерантности нужно искать в конкретных видах социализации людей (в нашем случае – в процессе профессиональной подготовки воспитания будущих специалистов-переводчиков), в их специфике, вырастающей из национальных социокультурных и субкультурных российских традиций.

В ходе анализа ценностных ориентаций студентов СГУ было выявлено, что наивысшую значимость в их жизни на сегодняшний день имеют семья (82,0%), а также собственное здоровье (61,2%). Материальное благополучие оказалось на третьем месте в их рейтинге ценностей (37,0%). Ценностями второго порядка, имеющими мало-важное значение в жизни большинства студентов, можно считать дружбу, свободу и справедливость, так как данные ценности выбрали 27,6, 26,7 и 18,2% соответственно. 13,1% всех опрошенных выделяют среди основных личностных ценностей профессию, в то время как 12,3 и 9,4% выделяют совесть и духовность соответственно. Патриотизм является немаловажной частью жизни всего лишь 6,1% студентов, опережая в рейтинге ценностей лишь религию (4,2%), отдых (3,6%), авторитет (2,3%) и предприимчивость (1,9%).

В основном, по мнению студенческой молодежи, на характер их самоопределения оказали влияние родители (43,1% опрошенных), школа (21,4%), окружающие люди и друзья (17,3%). Незначительно повлияли на формирование патриотических чувств средства массовой информации (4,7%), органы государственной власти (2,5%), история страны (1,2%), культура и искусство страны (0,6%), работа и старшее поколение (дедушки и бабушки) (по 0,2%). Университет стал главным актором в формировании патриотических чувств только для 0,8% опрошенных.

При этом под понятием «патриотизм» большинство респондентов понимают любовь человека к родному дому, городу, стране, верность национальной культуре, традициям, укладу жизни (70,3% всех ответов), а также стремление трудиться для процветания Родины и укрепления авторитета, мощи и уважения государства во всем мире (45,2%). 38,5% студентов понимают под

«патриотизмом» готовность пожертвовать собой ради блага или спасения Родины, бескорыстную любовь и служение ей. По мнению 5,1% опрошенных, патриотизм сегодня неактуален для нынешней молодежи. В то же время мнения 4,6% респондентов носят экстремистский характер, на их взгляд, патриотизм – это непримиримость к представителям других наций и народов.

Большинство студентов Саратовского государственного университета разделяют чувство гордости за литературу, искусство и историю России. В то же время уровень национальной толерантности студентов СГУ остается низким. Так, например, 39,9% всех опрошенных считают, что проникновение другой культуры и языка вредит населению России. Особенно это мнение распространено среди студентов-филологов, словесников (53,0%). 35,5% всех опрошенных считают, что Россия – страна для русских, 31,3% полагают, что национальность всегда будет разъединять людей. Данные показатели четко указывают на националистические взгляды практически третьей части опрошенных, несмотря на многонациональный характер состава преподавателей и студентов университета. Можно предположить, что таким образом проявляется стремление студенческой молодежи к некоторому доминированию как средству преодоления неоднородности социальных взаимоотношений, исключающему соглашение, социальный компромисс, что свидетельствует об авторитарном характере социокультурных установок. Однако радует, что на факультетах, специализирующихся на подготовке переводчиков, подобные взгляды разделяет лишь четверть студентов. Можно предположить, что для них иностранный язык стал важным фактором социализацией личности, расширяя их социальные и профессиональные горизонты при контакте с чужой культурой.

Изменившийся социальный статус иностранного языка означает, что он стал для студентов средством социальной адаптации, продвижения по служебной лестнице. Получаемая в процессе изучения иностранного языка социокультурная информация дает им возможности активно участвовать в процессе межкультурной коммуникации, осваивать национальные культуры, адаптироваться в социуме, выбирать адекватные социальные роли. Эти умения обеспечивают успешное освоение различных дискурсов иноязычной культуры (внутрикорпоративная культура, деловое сотрудничество, установление взаимовыгодных партнерских отношений в целях достижения профессионального роста). При этом адекватная интерпретация любой информации зависит, с одной стороны, от ситуативной

контекстуальности, а с другой – от когнитивных способностей, социокультурных и личностных качеств транслятора-переводчика, степени его патриотизма и толерантности.

Ценности толерантности и патриотизма – показатели уровня развития внутренней культуры студента. Поэтому сегодня для вузовского профессионального образования важно активизировать воспитание будущих специалистов через формирование и развитие осведомленности и знаний как о своей стране, так и о межкультурных различиях и границах. Воспитание толерантности и умения принять новое способствует сглаживанию этнических и социальных установок с предубеждений в позитивную сторону, обеспечивая продуктивность межкультурного взаимодействия. Выпускник, следующий толерантному жизненному стилю, осознает модернизацию мира социальной реальности и совмещает в себе сведения о разных культурах, пользуется их достижениями, изучает иностранные языки, тем самым способствуя дальнейшему саморазвитию и самореализации.

Примечания

- 1 Социологический опрос проводился в 2012 г. по репрезентативной вероятностной квотно-стратифицированной выборке. Опрошено 304 респондента – сотрудники всех подразделений Саратовского государственного университета.
- 2 См.: Евдокимова В. Г. Подготовка переводчиков в сфере профессиональной коммуникации и компьютерные технологии обучения // Профессиональная коммуникация как цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе : сб. науч. ст. М., 2000. С. 91.
- 3 См.: Мусницкая Е. В., Васильева М. М. [и др.]. Программа подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (для неязыковых специальностей) М., 1999. С. 74.
- 4 См.: Халева И. Н. Подготовка переводчика как вторичной языковой личности // Тетради переводчика : науч.-теор. сб. М., 1999. Вып. 24. С. 65.
- 5 См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 37.
- 6 См.: Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. М. ; Воронеж, 2000. С. 59.
- 7 См.: Борисова С. А. Лингвистическая составляющая // Иностранные языки в системе послевузовского и дополнительного образования : материалы 1-й Всерос. науч.-метод. конф. М., 2005. С. 79.
- 8 См.: Могилевич Б. Р. Концептуальные характеристики межкультурной коммуникации в ракурсе социологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 6–10 ; Она же. Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. Саратов, 2008.

УДК 328.36 + 342.52

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@mail.ru

В статье рассмотрены основные правовые коллизии, которые возникли в отношении пассивного избирательного права беспартийных граждан после перехода к чисто пропорциональной избирательной системе на выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, и обоснована целесообразность использования смешанной избирательной системы, в которой результаты голосования в мажоритарных одномандатных округах определяются на основе не относительного, а абсолютного большинства.

Ключевые слова: пассивное избирательное право, пропорциональная избирательная система, правовые коллизии, мажоритарная избирательная система, смешанная избирательная система, выборы.

Evolution of the Electoral System on Elections to the State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation

A. A. Vilkov

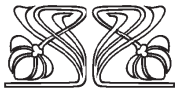
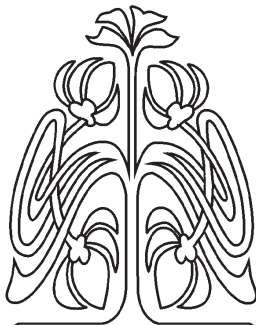
The article discusses main legal conflicts in regard to the eligibility of nonpartisan citizens after transition to proportional electoral system on elections to the State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation and substantiates expediency of usage of mixed electoral system, in which election results in majoritarian single-member districts are determined on the basis of absolute majority.

Key words: eligibility, proportional electoral system, legal conflicts, majoritarian electoral system, mixed electoral system, elections.

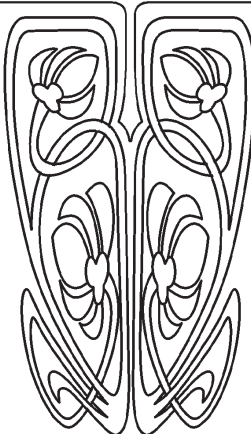
В конце декабря 2012 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин поручил подготовить проект Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». 1 марта 2013 г. законопроект был внесен в соответствии с п. «г» ст. 84 Конституции¹.

Одновременно на основании п. «б» ч. 6 ст. 112 Регламента Государственной думы глава государства отозвал проект Федерального закона № 21870–6 «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации», который был внесен в феврале 2012 г. действующим на тот момент Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым.

Суть этого законопроекта фактически сводится к тому, что происходит возвращение к смешанной избирательной системе, действовавшей на выборах в Государственную думу в период с 1993 по 2003 г. Судя по информации о законопроекте, возвращаются главные элементы: мажоритарная составляющая для выборов половины депутатов (соответственно 225 одномандатных округов); непосредственное выдвижение кандидатов посредством самовыдвижения; уменьшается избирательный барьер для участия партий в распределении мандатов по пропорциональной системе; победа в одномандатных округах определяется простым большинством голосов (мажоритарная система относительного большинства). Это ключевые «новеллы», которые снимают значительную часть критических замечаний по отношению к действовавшей на выборах в Государственную думу 2007, 2011 гг. чисто пропорциональной избирательной системе.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Наиболее серьезные претензии были связаны с возникшей коллизией между конституционно закрепленным пассивным избирательным правом и фактическими ограничениями в его реализации для беспартийных российских граждан². Несмотря на то что Конституция Российской Федерации не предусматривает обусловленности реализации пассивного избирательного права для российских граждан членством в партии или иными условиями (кроме признания судом недееспособными), процедуры выдвижения и регистрации гражданина в качестве кандидата были опосредованы его включением в федеральные партийные списки. Для смягчения данной коллизии Федеральный закон от 20 декабря 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривал возможность включения в федеральные партийные списки до 50% беспартийных кандидатов на основе самовыдвижения (при поддержке 10 членов партии) и на основе согласия на включение в список по инициативе партии³.

На выборах в Государственную думу в 2007 г. таким правом наиболее активно воспользовалась партия «Справедливая Россия», у которой число беспартийных кандидатов в федеральном списке составило 164 (31,36%) из 523 зарегистрированных в целом. На втором месте по числу беспартий-

ных кандидатов в федеральном списке находилась ЛДПР – 48 (13,75%) из 349 зарегистрированных. У КПрФ – 56 кандидатов (10,92%) из 513 зарегистрированных и у «Единой России» – 59 (9,85%) из 599 зарегистрированных. Соответственно количество беспартийных депутатов во фракциях было следующим: у «Справедливой России» – 12 (31,58%) из 38; у ЛДПР – 8 (20%) из 40; у КПрФ – 5 (8,77%) из 57; у «Единой России» – 20 (6,35%) из 315 депутатов⁴.

На выборах в Государственную думу в 2011 г. выдвижение беспартийных кандидатов продолжилось, и особенно активным оно было у «Единой России» (таблица). Обусловливалось это не только тем, что после выборов 2007 г. в адрес партии имела место острая критика со стороны как правоведов, так и самых различных общественных институтов, но и тем, что была официально инициирована практика праймериз. Осуществлялась данная процедура с активным привлечением сформированного Общероссийского народного фронта (ОНФ). В список кандидатов для участия в «общенародных праймериз» в рамках ОНФ было включено 4705 человек⁵. Кроме региональных отделений партии «Единая Россия», в нем были представлены самые различные общественные организации: от профсоюзов и женских организаций до Ассоциации малочисленных народов Севера.

Количество выдвинутых, заверенных и зарегистрированных кандидатов в списках политических партий на выборах депутатов Государственной думы России шестого созыва⁶

Партии	Количество кандидатов			
	Выдвинуто	В заверенном списке	Беспартийных в заверенном списке	В зарегистрированном списке
«Единая Россия»	600	599	184	597
КПрФ	597	595	60	594
«Справедливая Россия»	600	585	100	584
«Яблоко»	388	374	56	363
ЛДПР	315	312	6	312
«Патриоты России»	309	309	40	302
«Правое дело»	376	313	71	301

По мнению наблюдателей Ассоциации «Голос», появление в списках формально беспартийных граждан обусловлено не общественными потребностями, а политтехнологическими задачами самой партии. Наиболее ярким примером формальной беспартийности стал Президент РФ Д. Медведев, лидер списка партии «Единая Россия». Среди других причин включения беспартийных в список – «спонсорские взаимоотношения»; невозможность для некоторых кандидатов быть членами партий из-за формального должностного статуса и т. д. На примере «Единой России» стало очевидным, что «отсутствовал как свободный доступ кандидатов на праймериз (голосование проводилось только по кандидатам, отобранным партийным руководством), так и равное избира-

тельное право членов партии (голосовали не все члены партии, а только специально отобранные выборщики). Таким образом, специально отобранные выборщики голосовали за заранее специально отобранных кандидатов. Но даже после этого итоги «праймериз» не носили юридически для съезда партии обязывающего характера и их итоги во многом игнорировались⁷.

Главной причиной этого (которая, на наш взгляд, и закладывала обозначенную выше коллизию) было конституционное противоречие в ст. 37 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Данная статья всего лишь обязывает политическую партию рассмотреть (при определенных условиях) кандидатуру

беспартийного гражданина при выдвижении списка кандидатов. Никаких гарантий и условий его обязательного включения в федеральный партийный список и, соответственно, его регистрации в качестве кандидата в депутаты закон не содержит. Любому специалисту и практическому политику понятно, что такие гарантии противоречили бы логике интересов партии, вынужденной пополнять свой список непредсказуемыми беспартийными кандидатами⁸. Очевидно, что попытка устранить конституционно-правовую коллизию гарантий собственного волеизъявления граждан по поводу реализации пассивного избирательного права за счет включения в закон *возможностей* «добровольного самопожертвования» партий своими интересами могла изначально носить только формальный характер.

Подобной критике (в контексте проблем участия в выборах для беспартийных) подвергли пропорциональную систему многие институты гражданского общества и отдельные российские граждане⁹.

С возвращением смешанной избирательной системы (в том, что законопроект будет принят в положенные сроки, вряд ли кто сомневается) данное базовое противоречие будет снято. Но новый закон не будет простым возвращением к уже апробированной модели избирательной системы. Судя по законопроекту, он вобрал в себя (по крайней мере, в той части, которая относится к пропорциональной модели избирательной системы) тот опыт, который был накоплен за два последних электоральных цикла.

Например, за партиями остается право включать в свои списки до 50% беспартийных кандидатов, которое на практике представляет собой, прежде всего, один из механизмов расширения партийной социальной базы за счет привлечения социальных ресурсов каких-либо известных на региональном и общероссийском уровнях деятелей в различных сферах общественной жизни. Иными словами, получает институционально-правовое закрепление специфический селективно-элективный механизм рекрутирования партийно-политической элиты.

Кроме того, с учетом практики праймериз можно говорить о формировании более эффективной связи между институтами гражданского общества и партийной системой. У общественных организаций появляются канал политического представительства своих интересов в ходе избирательных кампаний и возможность делегирования своих представителей во властные структуры. С учетом либерализации партийного законодательства и реальной возможности для трансформации общественных организаций в политические партии эти изменения создают предпосылки для усиления политического потенциала гражданского общества в современной России. В совокупности с понижением избирательного барьера до 5% данные новации особенно важны с точки

зрения расширения возможностей политического представительства разнообразных интересов российского общества.

Вместе с тем возвращение к мажоритарной составляющей избирательной системы на выборах депутатов Государственной думы на основе относительного большинства, устранив одну из важнейших правовых коллизий, не разрешает тех противоречий и проблем, которые обозначились в процессе ее применения в 1990-е гг. Создавая канал для вхождения в политическую элиту для наиболее инициативных российских граждан, данная модель мажоритарной избирательной системы выявила достаточно много слабых мест, критика которых в свое время и послужила одним из оснований для перехода к пропорциональной системе. В рамках данной статьи нет смысла останавливаться на самодостаточной и очень многомерной проблеме специфических возможностей для манипулирования массовым сознанием в рамках избирательных кампаний по одномандатным округам, особенно с учетом того, что данная болезнь характерна и для выборов по пропорциональной системе (хотя и в других формах). Проблема популизма и демагогии на выборах, особенно с учетом интенсификации с мая 2012 г. процесса появления новых партий и их харизматичных и не очень лидеров, также является сквозной и нуждается как в особом исследовании, так и в последовательных и продолжительных способах разрешения.

Однако, на наш взгляд, вполне устраним один из главных недостатков мажоритарной избирательной системы относительного большинства, который проявлялся в процессе голосования на выборах в Государственную думу 1993, 1995, 1999 и 2003 гг. в виде потери голосов значительной части избирателей. Соответственно, имел место низкий уровень легитимности депутатского корпуса, сформированного по данной системе. Обусловлено это было тем, что депутатами нередко становились кандидаты, поддержанные лишь незначительной частью избирателей данного округа (иногда для этого было достаточно 10–15% от всех проголосовавших). Голоса, отданные за других кандидатов по одномандатному округу, оказывались не учтенными. При условии действовавшего в тот период 25%-го порога явки на выборы и неограниченного числа кандидатов в округе депутатом мог стать кандидат, за которого проголосовали всего 3–5% от всех зарегистрированных избирателей округа. Даже если исходить из того, что не пришедшие на выборы граждане руководствовались тем, что им все равно, кто будет представлять их интересы в парламенте, то позиция активных избирателей, проголосовавших за других кандидатов, выражалась вполне однозначно – они не делегировали данному депутату представительство своих интересов.

Думается, что для устранения этого ключевого недостатка и повышения уровня легитимности

депутатов, избранных в одномандатных округах, целесообразно использовать модель мажоритарной системы абсолютного большинства, когда избранным будет считаться кандидат, набравший 50% + 1 голос. Несмотря на некоторое удорожание предвыборной кампании, социальные и политические преимущества данной модели очевидны. Если в первом туре не побеждает ни один кандидат, то через две недели проводится второй тур, в который выходят два кандидата, получившие наибольшее число голосов. В этом случае все, кто в первом туре отдали свои голоса за других кандидатов, должны будут определиться с выбором в отношении одного из двух оставшихся претендентов. Легитимность такого депутата, избранного большинством политически активных избирателей данного округа, будет намного выше, и он действительно может говорить от лица этого большинства с парламентской трибуны.

В случае если оба кандидата не вызывают доверия, целесообразно вернуть возможность для избирателей воспользоваться графой «против всех кандидатов» (так же, как и «против всех партий»). Ее устранение из современного избирательного законодательства, как представляется, не может быть оправдано ни с юридической¹⁰, ни с политической, ни с социальной точек зрения.

С юридической позиции отсутствие такой возможности лишает гражданина конституционно закрепленного права на свободное изъявление своей политической воли в отношении всех партийных и беспартийных кандидатов в процессе формирования властных органов. Почему, если его не устраивает ни один из участников предвыборной кампании, гражданин не может реализовать свою позицию посредством соответствующего голосования? Возможность изъявления позиции с помощью «голосования ногами», то есть неявки на выборы – слишком многозначна и не отражает четко отношения к кандидатам и партиям. Причины абсентеизма более сложны и не обязательно связаны с негативным отношением к политике и их конкретным представителям. По мнению психологов, это «феномен электорального поведения личности, имеющий сложную структуру, формирование которой происходит в процессе и результате взаимодействия ряда социально-психологических факторов: локус контроля, уровень актуальной ригидности, выраженность стратегии избегания в поведении, степень удовлетворенности процессом жизни, уровень социальной фрустрации, а также индивидуально-демографические характеристики: возраст, образование и половая принадлежность»¹¹.

С политической точки зрения отсутствие графы «против всех» выгодно только всем сегодняшним партиям-фаворитам, которые тем самым стремятся обезопасить себя от публичной демонстрации низкого уровня легитимности партийной системы (ядро которой они и образуют), легитимности самих выборов как демократического

института и механизма волеизъявления граждан в процессе формирования властных органов.

Однако отсутствие такой возможности еще более усугубляет ситуацию с реальным уровнем политической легитимности указанных институтов и всей политической системы в целом. Тем более что даже после отмены графы «против всех» у оппозиционно настроенных граждан осталась возможность испортить свой бюллетень (хотя это не учитывалось при определении результатов голосования). Например, на первых выборах в Государственную думу, на которых была отменена данная графа, в 2007 г., по результатам голосования количество недействительных бюллетеней официально составило 759 929 (1,1%).

По данным социологического опроса ВЦИОМ, только 33,7% опрошенных высказались за отмену графы «против всех», а 51,8% респондентов не поддержали ее отмену. Среди наиболее распространенных мотиваций такой позиции респонденты отмечали «вероятное общее снижение явки граждан (38,8%), искажение волеизъявления граждан (19,5%), рост числа недовольных и акций протеста (14,3%), повышение возможностей для фальсификации результатов голосований (10,3%), еще большую монополизацию позиций “Единой России” (4,4%)»¹².

Все аргументы сторонников отмены данной графы сводятся к тому, что «кандидат Против всех» будет побеждать даже там, где нет реальных оснований для протестных настроений¹³, и это приведет к дестабилизации политической системы, к усложнению избирательных процедур и затягиванию электоральных процессов. С этим же связана экономическая мотивация отмены графы – удорожание процедуры в случае проведения повторных выборов.

Отчасти эти аргументы имеют под собой основания. Например, «если бы положения о выборах в Государственную Думу и Совет Федерации в ходе осенней кампании 1993 г. не были изменены, выборы депутатов Госдумы в 32 одномандатных округах пришлось бы признать несостоявшимися, ибо победу там одержал “кандидат Против всех”»¹⁴. Однако нужно учитывать, что эти выборы проходили в форс-мажорных политических и социально-экономических условиях, обусловленных резким падением жизненного уровня большинства населения, а также расстрелом российского парламента в октябре 1993 г. Впоследствии на выборах депутатов Государственной думы данная ситуация ни разу не повторялась в таком масштабе и уровень протестного голосования снизился на порядок (например, в 1995 г. «кандидат Против всех» одержал победу лишь в трех округах, а на выборах 1999 г. – выборы были признаны несостоявшимися в 8 округах¹⁵). По мнению исследователей, «голосование “против всех” на федеральном уровне никогда не было значимым фактором»¹⁶. Гораздо более значимым оно было именно на выборах регионального уров-

ня, демонстрируя недовольство людей конкретной ситуацией в своей области, районе, городе или микрорайоне.

Несмотря на определенные сложности, политические преимущества данного волеизъявления, на наш взгляд, превышают возможные издержки. Это особенно важно в рамках предлагаемого варианта мажоритарной системы абсолютного большинства. В случае проведения второго тура условие 50%+1 голос для победы становится необязательным, и фактически гражданам останется сделать выбор из двух вариантов: либо отдать свой голос за одного из двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов в первом туре, либо проголосовать против всех кандидатов, если ни один из них в силу каких-либо причин не устраивает. Последний вариант всегда свидетельствует о явно неблагоприятной политической и социально-экономической ситуации в округе и необходимости ее разрешения с помощью привлечения внимания общественности, государственных и судебных органов. Отсутствие легитимной и публичной возможности выявления такого неблагоприятия представляет собой существенный недостаток политической системы, лишенной возможности своевременного и адекватного реагирования на накопившиеся социальные проблемы.

Конечно, смешанный вариант избирательной системы более сложен и содержит существенный потенциал возрастания рисков непредсказуемости результатов. Но эти неизбежные издержки перекрываются тем, что во всей полноте восстанавливается конституционное пассивное избирательное право беспартийных граждан. В случае перехода на выборах в Государственную думу к избирательной системе абсолютного большинства (в мажоритарной ее части) в современной России появится канал формирования представительной власти, способный не только повысить легитимность российского парламента, но и изменить широко распространенные стереотипные представления граждан о том, что их голос ничего не значит, что все заранее предreshено. Такая система неизбежно повысит роль личностных характеристик кандидатов, независимо от их партийности или беспартийности, усилит их ориентированность на реальные проблемы округа, сделает более тесной связь депутатов-одномандатников со своими избирателями, повысит их ответственность за свои предвыборные обещания. Именно такое качественное обновление политической элиты современной России представляется важнейшим условием проведения модернизации и обеспечения стабильности политического и социально-экономического развития страны.

Примечания

¹ См.: Владимир Путин внёс в Государственную Думу проект Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания

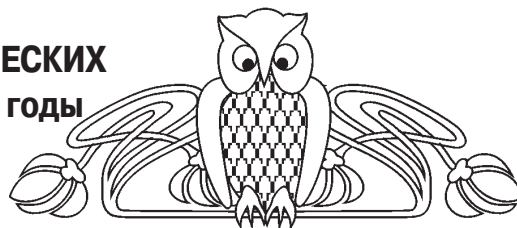
Российской Федерации». URL: <http://президент.рф/news/17601> (дата обращения: 10.03.2013).

- ² См.: Международные стандарты и российская избирательная система / под ред. А. И. Иванченко. М., 2006. С. 87; *Худненко Л. А.* Новеллы Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Государственная и муниципальная власть. 2006. № 6. С. 16.
- ³ См.: О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 20 декабря 2005 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 21.
- ⁴ Подсчитано по материалам архива сайта ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 27.01.2013).
- ⁵ См.: Список кандидатов для участия в общенародных праймериз. 21.07.2011. URL: <http://narodfront.ru/primaries/20110721/379969321.html> (дата обращения: 11.03.2013).
- ⁶ Таблица составлена по материалам : Первое Заявление ассоциации «ГОЛОС» по результатам долгосрочного наблюдения хода избирательных кампаний местных, региональных и выборов депутатов Государственной думы России, назначенных на 4 декабря 2011 г. Этапы выдвижения и регистрации. URL: <http://www.golos.org/elections> (дата обращения: 11.03.2013).
- ⁷ Там же.
- ⁸ О различных вариантах возможного включения беспартийных в партийный список кандидатов подробнее см.: *Вилков А. А.* Конституционно-правовые основы и институциональные возможности участия граждан в оппозиции в современной России // Участие граждан в управлении делами государства : проблемы правового регулирования и реализации в условиях модернизации России : материалы междунар. Конституционного форума (10 дек. 2010 г., Саратов). Вып. 2 : сб. науч. ст. Саратов, 2010. С. 43–50.
- ⁹ См., например: Почему эти выборы не легитимны? URL: http://evasiljeva.ucoz.ru/news/pochemu_ehti_vybory_nelegitimny/2011-11-24-141 (дата обращения: 10.03.2013).
- ¹⁰ См.: *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005. С. 165–191.
- ¹¹ *Анисимова О. В.* Социально-психологические факторы предрасположенности личности к отказу от политического выбора : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов 2010. С. 7–8.
- ¹² Путеводитель по выборам : политическая Россия – 2007. М., 2007. С. 235.
- ¹³ Подобную аргументацию см.: *Любарев А. Е.* Голосование «против всех» : мотивы и тенденции // Полис. 2003. № 6. С. 104–113.
- ¹⁴ *Гельман В. Я.* Создавая правила игры : российское избирательное законодательство переходного периода // Полис. 1997. № 4. С. 133.
- ¹⁵ См.: Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1999. Электоральная статистика. М., 2000.
- ¹⁶ *Махмутов Т. А.* Выборы как политическая перепись населения (кто не выбирает в современной России). Уфа, 2007. С. 60.

УДК 32.01

ЦИКЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В 1990–2000-е годы (на материалах посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ)

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

Статья посвящена исследованию цикличности политизации общественных отношений. На материале Посланий Президента РФ Федеральному собранию анализируются закономерности политической актуализации экономических и социальных проблем. **Ключевые слова:** политизация, послания президента, политические циклы.

Cyclicality Politicizing Economic and Social Problems in the 1990–2000s (on Materials Address to the Federal Assembly of Russia)

M. V. Danilov

The article investigates the cyclicity of politicization of public relations. On the material of the Address to the Federal Assembly examines patterns of political mainstream of economic and social problems. **Key words:** politicization, address to the federal assembly, political cycles.

Важнейшим аспектом исследования процессов политизации и деполитизации общественных отношений, конвергенции политического с неполитическим является анализ функционирования институтов политической системы, которые выступают в роли агентов перевода отношений из неполитической плоскости в политику и обратно. Данные институты, которые можно условно назвать трансляторами, выполняют роль проводников между политической и неполитической сферами общества. Эти институты-трансляторы в силу исторически сложившегося порядка занимают тем, что своими действиями либо сохраняют баланс, либо дестабилизируют социально-политические отношения. То или иное общественное явление, будучи включенным в орбиту таких институтов-трансляторов, становится частью политической практики.

В современном обществе действует большое количество институтов, призванных выступать трансляторами между политической сферой и иными социальными подсистемами. Фактически любой институт при определенных обстоятельствах может быть агентом политизации. Тем не менее достаточно отчетливо выделяется ряд структур, в которых политизаторское начало проявляется наиболее отчетливо. К таковым мы относим государство в целом и его важнейшие части, например президента или парламент. Сред-

ди негосударственных институтов выделяются политические партии и организации, функционирующие в рамках гражданского общества, а также средства массовой информации.

Политические и неполитические основания общества взаимодействуют между собой посредством реализации политическими институтами различных технологий политизации и деполитизации. Их эффективность является ведущим фактором, определяющим общий уровень политичности социума. Цикличность процессов политизации и деполитизации предполагает, что соответствующие технологии действуют разнонаправленно и синхронно и в идеале должны взаимно компенсировать друг друга. Их рассинхронизация в реальной жизни приводит к росту или снижению значимости политики в жизни общества.

Ключевым институтом политизации общественных отношений в России является государственная, а точнее президентская, власть. Президент выступает в качестве основного субъекта, формирующего политическую повестку дня, именно он в условиях отечественной политической системы определяет, какие проблемы требуют политического решения и должны быть переведены из плоскости обыденного в плоскость властного дискурса. Кристаллизованным выражением этого процесса являются ежегодные Послания Президента РФ Федеральному собранию. Обращение президента с посланием – одна из важнейших технологий политизации общественных отношений, поскольку его транслирует главный субъект власти. Послания представляют собой ценнейший источник для политического анализа. Их тексты позволяют судить о наиболее важных проблемах развития нашего общества, отношении к этим проблемам власти и степени их решенности. Зачастую именно послания становились той формой, в которую облекались ключевые политические инновации и инициативы правящей элиты. Сам факт попадания того или иного вопроса в повестку дня президентского обращения к палатам парламента свидетельствует о невозможности найти ответы на него на том уровне, на котором этот вопрос возник. Это обстоятельство обуславливает и повышенный научный интерес к президентским посланиям. Существует научное направление, которое стремится выявить в них идеологическую природу¹. Другие авторы, работающие в русле политико-лингвистического под-

хода, подвергают тексты дискурс-анализу². Наш подход заключается в том, чтобы последовательно представить динамику изменения формируемой политической повестки дня в Посланиях Президента РФ, проанализировать список политизируемых вопросов на протяжении 1990–2000-х гг.

В результате мы можем сделать достаточно уверенные выводы относительно того, какие «неполитические» темы стабильно присутствуют в политическом пространстве России, а какие попадают туда ситуативно и вновь возвращаются в лоно своих социальных подсистем (экономики, культуры, права, быта, религии). Это позволит нам сделать выводы о характере цикличности в политической актуализации конкретных вопросов и в более широком контексте рассуждать о размерах «буферных зон» между политическим и неполитическим. Кроме того, будучи помещенными в политическую среду, изначально неполитические проблемы не только приобретают новый статус, новый уровень общественного обсуждения, но получают новые механизмы и инструменты своего решения. Эти инструменты и механизмы хорошо известны и связаны с полномочиями политической, а если точнее – государственной, власти. Иными словами, смысл рассматриваемой технологии состоит в том, чтобы, придав проблемам политический статус, попытаться решить их политическими средствами ввиду неэффективности инструментария тех сфер, откуда «генетически» происходят проблемы.

В соответствии с предложенной нами логикой функционирования институциональных и технологических основ политизации и деполитизации общественных отношений считаем, что в данном случае правомерно будет говорить о наличии циклов политической инновационности. Политическая инновационность предполагает внедрение в политическую жизнь институциональных и дискурсивных нововведений, расширяющих само представление о политике и способах ее осуществления. Институты-трансляторы являются основными агентами политических инноваций. Поскольку кроме политизации имеет место и обратный процесс – деполитизация, то деятельность институтов-трансляторов может разворачиваться в обратном направлении: политическая инновационность будет переходить в политическую рутинность. Смена названных состояний образует циклическо-волновую динамику в деятельности институтов-трансляторов.

Наше представление о циклах политической инновационности основано на маркетинговой концепции жизненного цикла продукта³. Такой подход обладает значительной эвристической ценностью, которая определяется рядом причин. Во-первых, очевидно, что продолжительность жизни современных политических институтов и идей различна. Одни из них, однажды возникнув, продолжают сохранять свою актуальность, как, например, идея и практика разделения властей, многопартийность и др. Другие ситуативны и конь-

юнктурны, вроде конкретных партийных программ и избирательных формул. Во-вторых, политическая жизнь чрезвычайно конкурентна. Это означает, что динамика каждого конкретного процесса зависит в том числе и от происходящей в его рамках борьбы альтернатив. В-третьих, появляется возможность сравнивать различные аспекты деятельности институтов-трансляторов, выявляя в ней балансирующие и дисбалансирующие тенденции.

Виды жизненных циклов деятельности институтов-трансляторов могут достаточно сильно различаться как по форме, так и по продолжительности. Выделим и охарактеризуем четыре основных вида циклов: традиционный, классический, конъюнктурный, провал (рис. 1). Традиционная кривая (рис. 1, а) включает отчетливые периоды внедрения, роста, зрелости, спада. Классическая кривая (рис. 1, б) описывает чрезвычайно популярную политическую идею или практику со стабильной общественной поддержкой на протяжении долгого периода времени. Конъюнктурная кривая (рис. 1, в) охватывает случаи мобилизации, инновации или внушаемости общества в ситуации быстрого взлета и падения популярности. Кривая провала (рис. 1, г) характеризует цикл того или иного аспекта деятельности институтов-трансляторов, который вообще не имел успеха.

Каждый из предложенных вариантов может отражать эффект от усилий институтов-трансляторов по политизации или деполитизации общественных отношений. На представленных графиках достаточно отчетливо можно выделить фазы роста и стабилизации, как правило, присутствует и фаза упадка процессов инновационности. Исходя из этого, можно предположить, что взаимное наложение волн в различных фазах друг на друга в результате дает общий политизационный или деполитизационный эффект.

За постсоветские десятилетия сложился определенный круг проблем, присутствующих в политической жизни как бы априорно, однако есть и такие, чье политическое звучание ситуативно и конъюнктурно. Соответственно, и политизация тех или иных вопросов, осуществленная в президентских посланиях, имеет ярко выраженную циклическую природу. Здесь возможны и кратковременные всплески политической актуальности, и постепенное затухание волн, и примеры логистического развития процессов. Мы воспользовались процедурой контент-анализа и с его помощью выделили темы, актуализированные в посланиях, явившиеся в данном случае единицами счета. Затем данные темы были ранжированы согласно частоте их упоминаний. Кроме того, в общем объеме упоминаний той или иной темы были обозначены доли, приходящиеся на ельцинские, путинские и медведевские послания.

Структурный анализ политизированных экономических проблем (рис. 2) наглядно показывает, что вопросы экономики в политическом аспекте были максимально актуальны в период прези-

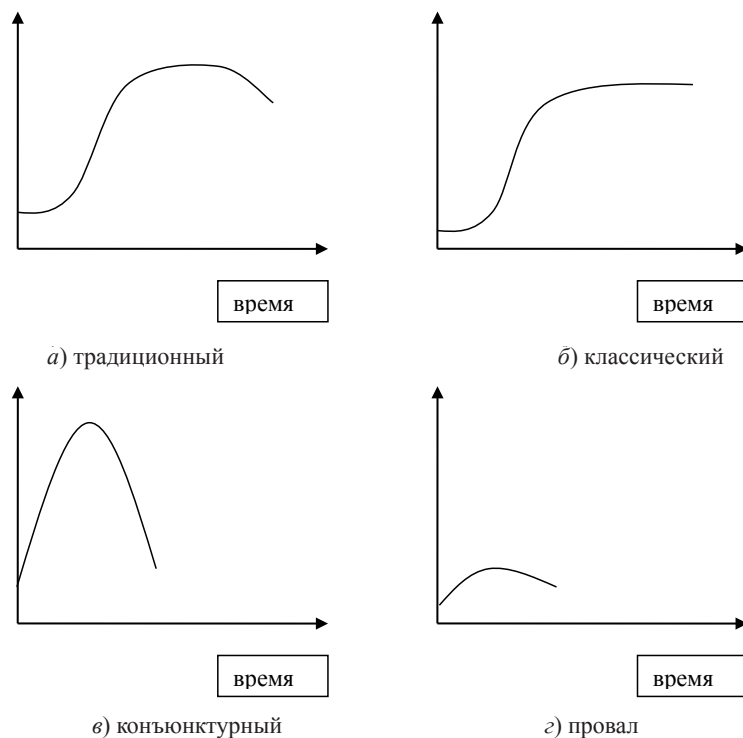

Рис. 1. Виды отдельных жизненных циклов процессов политической инновационности общества

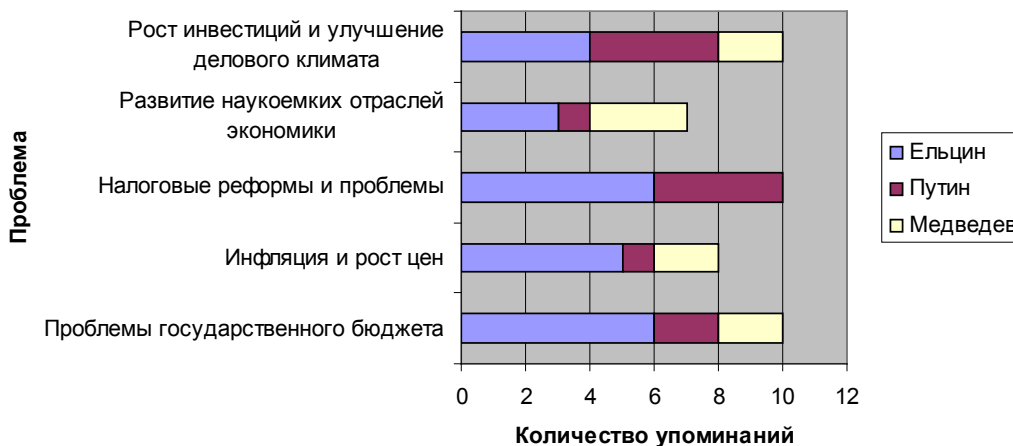

Рис. 2. Основные проблемы экономической повестки дня в Посланиях Президента РФ

дентства Б. Н. Ельцина. Данный результат был вполне ожидаем в отношении таких вопросов, как инфляция и рост цен, проблемы государственного бюджета, приватизация. Именно решением этих задач сопровождалось кардинальное реформирование российской экономической системы. Однако неочевидным оказался результат политизации таких сюжетов, как рост инвестиций и улучшение делового климата, налоговое реформирование, развитие наукоемких отраслей экономики, которые принято связывать с деятельностью последующих российских президентов.

При построении на основе данных диаграммы графиков мы получаем кривые, наглядно демонстрирующие цикличность процессов полити-

зации и деполитизации экономических вопросов посредством применения такой технологии, как их включение в формируемую президентскими посланиями «повестку дня». Данные кривые (рис. 3) соответствуют теоретическим представлениям о характере жизненных циклов политических инноваций. Политизация наиболее значимых экономических проблем соответствовала, в основном, традиционной цикличности инноваций, при которой наблюдается всплеск интереса к новинке, а затем его постепенное затухание. Исключение составляют только проблемы развития наукоемких отраслей экономики, которые синусоидально то приобретали, то теряли свою политическую актуальность.

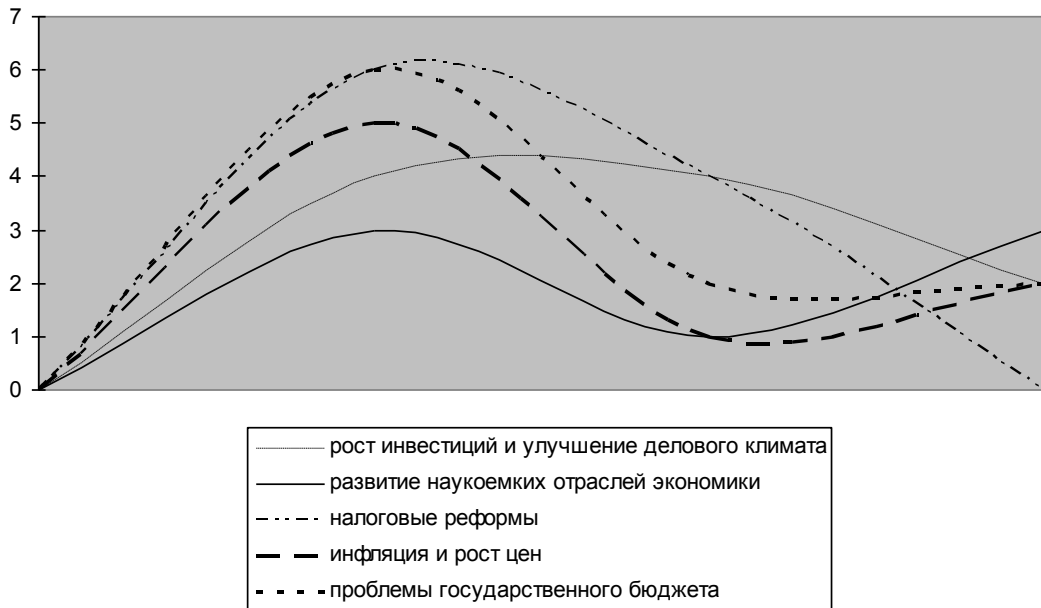

Рис. 3. Цикличность политизации экономических проблем

Наконец, анализ включения в политическую повестку дня неполитических явлений был бы неполным без рассмотрения политизации таких тем, как социальная защита, демография, культура, образование и наука, здравоохранение. В целом, около двух десятков проблем социального плана были в разные годы включены в политику посредством их актуализации в президентских посланиях. Из этого списка мы выбрали пять наиболее активно политизируемых тем (рис. 4). Анализ динамики политической актуализации данных вопросов позволил сделать ряд выводов. Во-первых, на фоне других сфер жизни и других президентов малоактивным в политизации социальных проблем был Б. Н. Ельцин. Это вполне объяснимо, так как именно социальные проблемы были в эпоху его президентства наиболее болезненными, и совершенно естественно, что власть была не заинтересована, чтобы таким образом давать в руки оппозиции еще один козырь. В. В. Путин и Д. А. Медведев были гораздо более активными в этом плане, что объясняется возросшими возможностями государственного бюджета по финансированию социальных программ. Особенно «социальным» выглядит Д. А. Медведев, с учетом того, что он обратился к парламенту всего с четырьмя посланиями.

Во-вторых, социальная повестка дня оказалась самой динамичной в президентских посланиях. Так, периодически в нее включались новые пункты: при В. В. Путине – забота о русском языке, развитие передовых научных отраслей, при Д. А. Медведеве появилась тема экологии. Вместе с тем некоторые пункты уходили. Так, кроме Б. Н. Ельцина никто прямо не ставил вопрос о поддержке отечественного искусства, Д. А. Медведев обошел стороной тему бедности и исторической памяти, в первые два срока В. В. Путина не ставились вопросы кадрового потенциала системы

образования, наркомании, алкоголизма, курения, реформирования школьного образования, безработицы. Вообще, тема безработицы оказалась достаточно слабо политизированной, особенно если учесть, с одной стороны, экономические трудности России, а с другой стороны, опыт зарубежных государств.

В-третьих, как и ожидалось, самыми политически значимыми оказались вопросы льгот, пенсионного обеспечения и демографические проблемы. Действительно, трудно спорить с тем, что именно эти сюжеты представляются первоочередными для нормального существования российского общества и государства. При этом в постановке данных проблем приоритет принадлежит В. В. Путину, который наиболее активно ставил их и по возможности решал. Другие традиционные социальные аспекты – наука, образование, медицина – также были политически актуализированы. При этом политизация проблем науки и здравоохранения шла по пути заострения финансовой стороны дела, а разговор об образовании затрагивал и моральное измерение.

Как мы можем видеть на рис. 5, политизация социальных проблем соответствовала тем же основным видам жизненных циклов политических инноваций, что и политизация проблем из других сфер. В большинстве случаев мы имеем дело с традиционной цикличностью, для которой характерны четко выраженные этапы роста, пика и падения популярности инновации. Вместе с тем ряд социальных тем, таких как страховая медицина и вопросы образования, соответствовали классическому виду циклов с логистическим ростом и стабилизацией популярности политической инновации.

Исследование динамики актуализации экономических и социальных вопросов, затрагиваемых

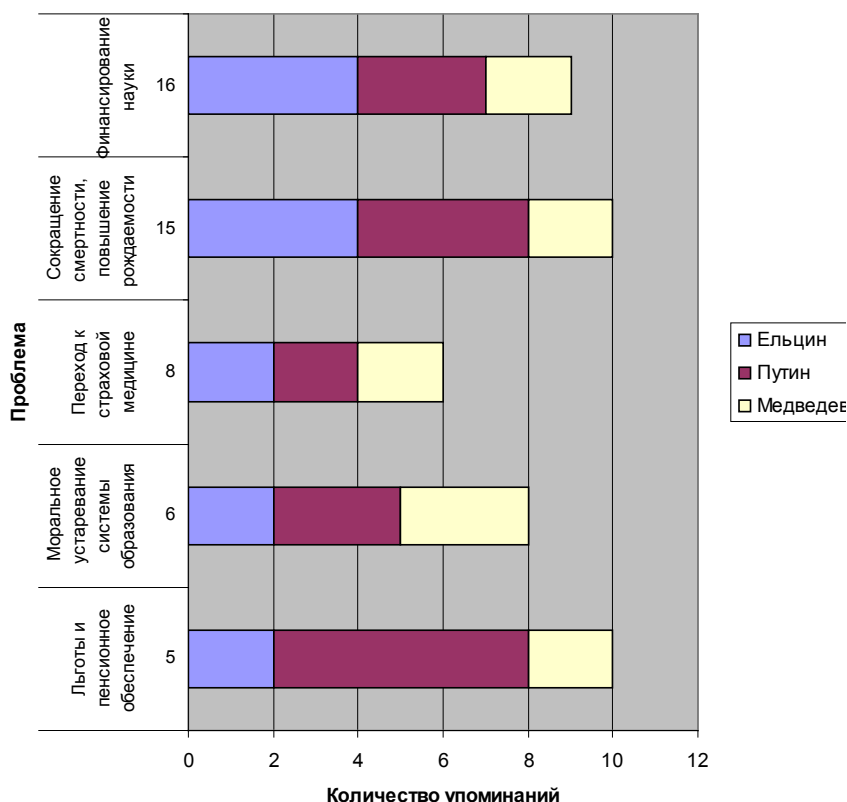

Рис. 4. Основные проблемы социальной повестки дня

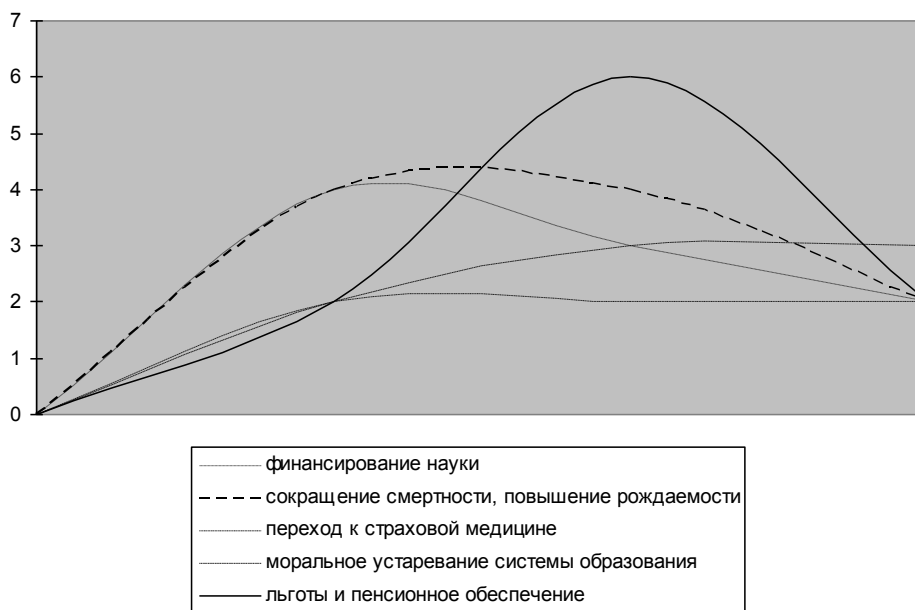

Рис. 5. Цикличность политизации социальных проблем.

в посланиях, позволяет судить об интенсивности политизации неполитического в периоды президентства Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева. Если учесть количество произнесенных посланий, то мы можем оценить вклад каждого президента в процесс политизации российского общества. В среднем Б. Н. Ельцин затрагивал в каждом своем послании 20,8 темы, В. В. Путин

– 14,0, Д. А. Медведев – 17,3. Наиболее политизированными были годы президентства Б. Н. Ельцина, наименее – В. В. Путина (2000–2008 гг.). Эти данные позволяют высказать предположение, что расширение политической сферы, органическое или технологическое, ведет к ускоренному осуществлению кардинальных реформ, но выводит социум из состояния равновесия. Таковым были

в новейшей российской истории 1990-е гг. Сужение сферы политического, деполитизация общества ведут к социальной стабильности, реформы перестают носить кардинальный характер, идут «точечные» изменения в отдельных сферах. Таков был период президентства В. В. Путина. Попытка Д. А. Медведева придать ускорение социально-экономическим преобразованиям потребовала нового расширения сферы политики, новой политизации общества. Это способствовало росту политической конкуренции и предъявило новые вызовы социальной стабильности, отвечать на которые пришлось вновь В. В. Путину в свой очередной президентский срок.

Таким образом, неполитическая повестка дня, содержащаяся в ежегодных Посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ, представляет собой механизм ускорения социальных процессов, технологию катализации общественной динамики, а не просто банальный набор актуальных тем. Структурный и содержательный анализ текстов президентских обращений к парламенту позволяет сделать вывод о стремлении политизированной элиты, власти «приучить» неполитизированное общество к социально-по-

УДК 329.059470+571

ЭВОЛЮЦИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

В. И. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены программы российских политических партий либеральной ориентации и выявлены основные принципы и ценности, которые маркируют их позиции в партийно-идеологическом пространстве современной России в условиях реформирования партийной и избирательной системы.

Ключевые слова: партии, партийные программы, партийные идеологии, либерализм, перспективы либерализма в России.

Evolution of Multiparty System in Modern Russia and Prospects of Liberalism

V. I. Golovchenko

Programs of Russian liberal political parties are analyzed in this article. The author also pinpoints main principles and values determining parties' positions within ideological spectrum of modern Russia in the time when party and electoral systems are being reformed.

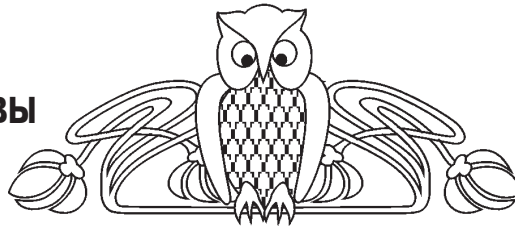
Key words: parties, party programs, party ideologies, liberalism, prospects of liberalism in Russia.

Проблема укрепления ценностей либерализма в российской политической культуре продолжает оставаться одной из самых противоречивых и даже

литическим инновациям за счет профилактики инерционных эффектов футурофобии. В связи с этим, по нашему мнению, неполитическая повестка дня в данном случае является не столько отражением естественного, стихийного развития событий, сколько инструментом политического управления.

Примечания

- ¹ См.: *Мартыянов В. С.* Идеология В. В. Путина : концептуализация Посланий Президента РФ. URL: <http://www.politex.info/content/view/322/30/> (дата обращения: 11.01.2010).
- ² См., например: *Гусев Д. В.* Концептуально-дискурсивные структуры в Послании Президента Федеральному Собранию РФ 2008 года // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 64–70 ; *Шилина С. А.* Анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ как фрагмент управленческого дискурса (социолингвистический аспект) // Вестн. Брянск. гос. ун-та. История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. 2010. № 2. С. 234–239.
- ³ См.: *Эванс Дж. Р., Берман Б.* Маркетинг. М., 1990 ; *Котлер Ф.* Основы маркетинга. М., 1995 ; и др.

трагических. Именно либеральные ценности стали тем интеллектуальным «гарантом», который был использован в борьбе против коммунистической системы и разрушения СССР, что изначально предполагало, что они будут положены в основу формирования постсоветского общественно-политического устройства. Однако радикальные социально-экономические преобразования, проводимые под либеральными лозунгами, вызвали их отторжение у большинства российского населения, что стало ключевым фактором в развитии либерального сектора партийного строительства. Особенно большую роль данное обстоятельство сыграло в регионах, где психологический барьер отторжения всего спектра правых партий оказался особенно высоким¹.

Однако существуют и многие другие причины постепенного ослабления политических рейтингов либеральных партий в России на выборах различных уровней. Одной из них является жесткая межличностная конкуренция лидеров различных партий правого спектра и, соответственно, высокая внутренняя идеологическая конкуренция по трактовке и разъяснению одних и тех же либеральных принципов, ценностей и смыслов. Это привело к тому, что данные партии оказались не

в новейшей российской истории 1990-е гг. Сужение сферы политического, деполитизация общества ведут к социальной стабильности, реформы перестают носить кардинальный характер, идут «точечные» изменения в отдельных сферах. Таков был период президентства В. В. Путина. Попытка Д. А. Медведева придать ускорение социально-экономическим преобразованиям потребовала нового расширения сферы политики, новой политизации общества. Это способствовало росту политической конкуренции и предъявило новые вызовы социальной стабильности, отвечать на которые пришлось вновь В. В. Путину в свой очередной президентский срок.

Таким образом, неполитическая повестка дня, содержащаяся в ежегодных Посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ, представляет собой механизм ускорения социальных процессов, технологию катализации общественной динамики, а не просто банальный набор актуальных тем. Структурный и содержательный анализ текстов президентских обращений к парламенту позволяет сделать вывод о стремлении политизированной элиты, власти «приучить» неполитизированное общество к социально-по-

УДК 329.059470+571

ЭВОЛЮЦИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

В. И. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены программы российских политических партий либеральной ориентации и выявлены основные принципы и ценности, которые маркируют их позиции в партийно-идеологическом пространстве современной России в условиях реформирования партийной и избирательной системы.

Ключевые слова: партии, партийные программы, партийные идеологии, либерализм, перспективы либерализма в России.

Evolution of Multiparty System in Modern Russia and Prospects of Liberalism

V. I. Golovchenko

Programs of Russian liberal political parties are analyzed in this article. The author also pinpoints main principles and values determining parties' positions within ideological spectrum of modern Russia in the time when party and electoral systems are being reformed.

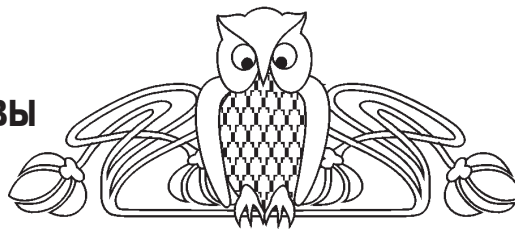
Key words: parties, party programs, party ideologies, liberalism, prospects of liberalism in Russia.

Проблема укрепления ценностей либерализма в российской политической культуре продолжает оставаться одной из самых противоречивых и даже

литическим инновациям за счет профилактики инерционных эффектов футурофобии. В связи с этим, по нашему мнению, неполитическая повестка дня в данном случае является не столько отражением естественного, стихийного развития событий, сколько инструментом политического управления.

Примечания

- ¹ См.: *Мартыанов В. С.* Идеология В. В. Путина : концептуализация Посланий Президента РФ. URL: <http://www.politex.info/content/view/322/30/> (дата обращения: 11.01.2010).
- ² См., например: *Гусев Д. В.* Концептуально-дискурсивные структуры в Послании Президента Федеральному Собранию РФ 2008 года // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 64–70 ; *Шилина С. А.* Анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ как фрагмент управленческого дискурса (социолингвистический аспект) // Вестн. Брянск. гос. ун-та. История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. 2010. № 2. С. 234–239.
- ³ См.: *Эванс Дж. Р., Берман Б.* Маркетинг. М., 1990 ; *Котлер Ф.* Основы маркетинга. М., 1995 ; и др.

трагических. Именно либеральные ценности стали тем интеллектуальным «гарантом», который был использован в борьбе против коммунистической системы и разрушения СССР, что изначально предполагало, что они будут положены в основу формирования постсоветского общественно-политического устройства. Однако радикальные социально-экономические преобразования, проводимые под либеральными лозунгами, вызвали их отторжение у большинства российского населения, что стало ключевым фактором в развитии либерального сектора партийного строительства. Особенно большую роль данное обстоятельство сыграло в регионах, где психологический барьер отторжения всего спектра правых партий оказался особенно высоким¹.

Однако существуют и многие другие причины постепенного ослабления политических рейтингов либеральных партий в России на выборах различных уровней. Одной из них является жесткая межличностная конкуренция лидеров различных партий правого спектра и, соответственно, высокая внутренняя идеологическая конкуренция по трактовке и разъяснению одних и тех же либеральных принципов, ценностей и смыслов. Это привело к тому, что данные партии оказались не

представленными в Государственной думе Федерального собрания двух последних созывов, так же как и во многих региональных парламентах.

С 2012 г. начался новый этап в развитии российской многопартийности, связанный со значительным облегчением регистрации политических партий и их участия в выборах всех уровней. Это привело к тому, что на июль 2013 г. на сайте Минюста Российской Федерации были зарегистрированы 72 политические партии. Анализ официальных программ позволяет отнести к либеральному спектру 12 из зарегистрированных политических партий. Рассмотрим в рамках данной статьи, каким образом представлена либеральная идеология в программах партий, как они конкурируют друг с другом и каковы перспективы либерализма как идеологии и общественно-политического институализированного сектора современной России.

Для анализа были использованы программы и уставы следующих зарегистрированных партий: Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива»²; Политическая партия «Гражданская платформа»³; Политическая партия

«Гражданская позиция»⁴; Политическая партия «Гражданская сила»⁵; Политическая партия «Демократическая партия России»⁶; Политическая партия «Демократическая правовая Россия»⁷; Политическая партия «Демократический выбор»⁸; Общероссийская политическая партия «Достоинство»⁹; Всероссийская политическая партия «Партия свободных граждан»¹⁰; Всероссийская политическая партия «Правое дело»¹¹; Республиканская партия России – Партия народной свободы (РПР-ПАРНАС)¹²; Российская объединённая демократическая партия «Яблоко»¹³. Данные партии были отобраны после поиска в программах и уставах всех 72 зарегистрированных партий ключевого слова «либерал» («либеральный») с положительной его коннотацией. С учетом того, что само данное понятие не дает адекватного представления о характере партии (Либерально-демократическая партия России наглядно продемонстрировала это), в программах партий было выявлено также наличие слов, отражающих наиболее типичные либеральные принципы и ценности. Результаты в обобщенном виде представлены в табл. 1.

Таблица 1

Либеральные принципы и ценности в программах политических партий

Партии	Количество упоминаний ключевых слов в программе						
	Либерализм, либеральный, либерализация	Свобода, свободный	Демократия, демократический, демократизация	Право, права	Личность	Реформы, реформирование	Модернизация
Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива»	1	21	13	25	3	17	6
Политическая партия «Гражданская платформа»	1	7	4	14	2	7	1
Политическая партия «Гражданская позиция» ¹⁴	1						
Политическая партия «Гражданская сила»	9	6	20	26	0	8	4
Политическая партия «Демократическая партия России» ¹⁵	1	2	2	0	0	2	0
Политическая партия «Демократическая правовая Россия»	1	15	18	33	0	8	1
Политическая партия «Демократический выбор»	0	6	4	3	0	5	3
Общероссийская политическая партия «Достоинство»	1	3	15	19	0	7	2
Всероссийская политическая партия «Партия свободных граждан» ¹⁶	0	6	1	4	0	0	0
Всероссийская политическая партия «Правое дело»	1	24	24	16	2	8	6
Республиканская партия России – Партия народной свободы (РПР-ПАРНАС)	2	35	3	28	0	8	4
Российская объединённая демократическая партия «Яблоко»	4	28	18	18	2	4	1

Данные таблицы свидетельствуют, что наиболее последовательно и комплексно либеральные принципы и ценности представили в своих программах следующие партии: «Гражданская сила», «Гражданская инициатива»; «Гражданская платформа», «Демократическая правовая Россия»; «Правое дело»; РПР-ПАРНАС; «Яблоко».

Еще одним показателем идеологических позиций данных партий является их отношение к государству, его сущности, целям и особенностям функционирования. Данные позиции также были выделены нами в программах партий и сведены в таблицу, которая позволяет более наглядно сравнить их ключевые характеристики (табл. 2).

Таблица 2

Обоснование в программах политических партий роли государства в жизни общества

Партии	Количество упоминаний государства в программе	Отношение к государству и основные цели реформирования государства
Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива»	92	«Наша цель – государство слуга человека, а не его господин». Основные функции государства – создание условий для развития личности и свободной реализации способностей каждого россиянина, соблюдения его прав, повышения уровня благосостояния, обеспечения высокого уровня социальной защиты населения; обеспечение безопасности от любого криминала, прежде всего, от терроризма и коррупции
Политическая партия «Гражданская платформа»	40	Будущее России должно строиться на равноправии и взаимной ответственности государства и гражданина, верховенстве закона, безусловном уважении частной собственности, принципов светского государства и соблюдении прав человека
Политическая партия «Гражданская сила»	74	Демократическое государство – это государство, где работать выгодно и престижно. Демократическое государство – это государство с либеральной рыночной конкурентной экономикой. Государство – это не сакральный институт, это лишь чиновники, функционирующие в рамках законов на средства налогоплательщиков. Чиновник – это наемный менеджер, оказывающий услуги гражданам и обязанный защищать их права
Политическая партия «Демократическая партия России»	0	Пропаганда и претворение в жизнь базовых политических, экономических и этических принципов, заложенных в фундамент Европейского Союза и отраженных в его основополагающих документах; Реформа образования и науки, активное участие в Болонском процессе; Развитие и поддержка малого и среднего бизнеса в соответствии с европейской практикой; Борьба с коррупцией и защита прав человека; Обеспечение подлинной свободы слова, поддержка независимых СМИ
Политическая партия «Демократическая правовая Россия»	25	Опора на ценности демократии, рыночной экономики, построения правового государства. <i>Конституционный принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности</i> (ст. 2 Основного закона) должен быть воплощен в политике государства по оздоровлению нации и достижению достойных уровня и качества жизни россиян на основе справедливости и правового государства
Политическая партия «Демократический выбор»	20	Главная цель – освободить россиян от пут неэффективного коррумпированного бюрократического государства образца XX века и построить государство XXI века, дружественное гражданам своей страны, служащее их интересам и ответственное перед ними. Высшая ценность для нас – реализация огромного творческого потенциала народа России, которая сегодня сдерживается хищным и недееспособным чиновничеством. Освобождение от этого чиновничьего багажа и превращение России в современную, комфортную для жизни страну, граждане которой сами являются хозяевами своей судьбы – наша основная политическая цель
Общероссийская политическая партия «Достоинство»	54	Мы считаем, что задача построения в России эффективной демократической политической системы, в рамках которой, мирным путем и без каких-либо потрясений, могут реализовываться разные подходы и идеологии государственного строительства и общественного развития, при неизменных гарантиях прав и свобод граждан и невозможностью узурпации власти той или иной политической силой, является ключевой на данном историческом этапе развития страны. Без решения этой задачи любые реформы, направленные на модернизацию экономики, борьбу с коррупцией, бедностью, произволом силовых структур и т. д., будут бутафорскими и бессмысленными. Наша цель – глобальное лидерство как возможность создания в России максимально комфортных, достойных условий для жизни, получения образования, творчества, занятия бизнесом, общественной и политической деятельности

Окончание табл. 2

Партии	Количество упоминаний государства в программе	Отношение к государству и основные цели реформирования государства
Всероссийская политическая партия «Партия свободных граждан»	1	Мы выступаем за равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств
Всероссийская политическая партия «Правое дело»	50	...превратить нашу страну в преуспевающее, справедливое, гуманное государство, с рыночной экономикой, с демократическими принципами устройства политической системы, с нравственными принципами, соответствующими традициям России. При этом отношения между гражданами и государством не могут строиться иначе, кроме как на равноправной, общественно-договорной основе. Наш главный лозунг – «Свобода, собственность, порядок!» «Государство для человека, а не человек – для государства». «Капитализм для всех»: эффективная рыночная социальная система
Республиканская партия России – Партия народной свободы (РПР-ПАРНАС)	58	Наши главные принципы: 1) республика – Res Publica (общее дело), 2) народ, 3) свобода. Свобода – экономическая и политическая, свобода от произвола и коррупции, верховенство права и честный суд
Российская объединённая демократическая партия «Яблоко»	37	...законными средствами бороться за утверждение в России современного правового социального государства, формирование эффективной рыночной экономики и становление гражданского общества. Смысл существования государства в том, чтобы обслуживать граждан, а не приносить их в жертву абстрактным идеям. Наш принцип: государство для человека, а не человек для государства . Свобода не может сохраниться в обществе, не стремящемся к справедливости . Такое общество обречено на раскол между теми, чья свобода подкреплена материальным благополучием, и теми, для кого она – синоним изнурительной бедности. Исходом этого раскола могут стать либо социальные потрясения, либо диктатура привилегированного меньшинства. Нет свободы без справедливости. Нет справедливости без свободы. Справедливость требует стремиться не только к равенству прав , но и к равенству возможностей граждан в реализации своих способностей, а также гарантировать достойное существование тем, кто их лишен

Несмотря на то что в программах данных партий очень часто повторяются одни и те же либеральные ценности, они имеют определенные идеологические отличия, многие из которых обусловлены лидерским составом и историей участия в политической жизни постсоветской России.

Наиболее известной среди данных партий (не скрывающей своей либеральной направленности) является РОДП «Яблоко». Несмотря на то что официальным лидером партии является С. Митрохин, данная партия ассоциируется, прежде всего, с именем Г. Явлинского. Именно он наиболее последовательно на протяжении двух десятилетий публично отстаивал целесообразность реализации программы социального либерализма. В свое время он сформулировал стоящие перед обществом стратегические задачи в форме преодоления «семи главных бед современной России»: 1) авторитарной, кланово-олигархической, коррумпированной власти; 2) сырьевой зависимости; 3) консервации всеобщей бедности; 4) массового бесправия; 5) продолжения криминальной приватизации; 6) перспективы непреодолимой отсталости и ухода в третий мир; 7) угрозы коллапса государства¹⁷.

Не случайно в программе партии особо подчеркивается, что свободное общество в современной России «может быть построено только в том случае, если в этом заинтересовано большинство. Обязанность государства – в создании условий для того, чтобы от свободы выиграло максимально возможное число граждан. Право на свободу имеют не только богатые и сильные, но также бедные и слабые. Последние должны иметь шанс ее получить. В этом – отличие современного – социального – либерализма от его радикальной версии XIX в. Социальный либерализм XXI в. ориентирован на проведение реформ в интересах всех без исключения граждан России, а не только преуспевающего меньшинства»¹⁸. На наш взгляд, программа данной партии представляет собой наиболее строгое следование принципам социального либерализма и наиболее выдержанный с идеологической точки зрения документ, обосновывающий необходимость соединения ценностей свободы и справедливости. Это делает ее субъектом политики не только на либеральном фланге, но и на левом, где она выступает идеологическим конкурентом «Справедливой России».

Идентичную программу имеет Всероссийская политическая партия «Гражданская сила», которая позиционирует себя ответственной, либеральной партией, партией людей здравого смысла. Это молодая партия (во главе с А. Ю. Рявкиным), которая заявила о себе в течение года активной политической деятельностью и участием в выборах различных уровней, в том числе и на выборах мэра Москвы в сентябре 2013 г. Своих целей партия намерена добиваться сочетанием реформирования всех сфер общественной жизни и сохранения стабильности страны и безопасности ее граждан. Как и «Яблоко», «Гражданская сила» делает акцент на социальной стороне либерализма, подчеркивая, что «демократическое государство – это государство, где работать выгодно и престижно. Демократия и бедность несовместимы, поэтому труд работающего гражданина должен быть достойно оплачен, а не способные работать по уважительным причинам люди – надежно социально защищены. <...> Именно либеральная экономика обеспечивает рост среднего класса и, следовательно, необратимость демократического пути развития страны и обретение Россией достойного места в мире. Мы за минимальное участие государства в экономике»¹⁹.

Идеологическую конкуренцию данным партиям составляет также зарегистрированная в марте 2013 г. Общероссийская политическая партия «Достоинство». В программе подчеркивается, что в основу политической системы «должен быть положен общественный договор» ключевой идеей которого «должен стать императив о признании Человека, его жизни, свободы, материального и духовного благополучия, безопасности, высшей ценностью и центром государственной политики»²⁰.

Центристские идеологические позиции на либеральном фланге занимает «Демократическая правовая Россия» с ее лозунгом «Демократия, равенство, братство народов». В преамбуле программы подчеркивается, что партия опирается «на ценности демократии, рыночной экономики, построения правового государства» с опорой, прежде всего, на принципы конституционализма²¹.

Наиболее скандально известной среди данных партий является РПП-ПАРНАС. Лидеры данной партии (В. Рыжков, М. Касьянов, Б. Немцов) насчитывают в своей биографии не менее полутора-двух десятилетий публичной государственной и политической деятельности. Именно они были одними из ведущих застрельщиков и активных участников массовых протестных акций 2011–2012 гг. В отличие от РОДП «Яблоко», в программе данной партии акцент делается на максимальном воплощении свободы во всех сферах общественной жизни и ограничении контроля со стороны государства за деятельностью российских граждан. Партия позиционирует себя как единственная политическая организация, объединившая либерально-демократическую оппозицию в современной России. С учетом негативного опыта деятельности предшествующих партий,

открыто провозглашающих свою приверженность либерализму, РПП-ПАРНАС акцент в своей программе делает на политической реформе, ускорении экономического роста, развитии регионов.

Подобную либеральную программу имеет партия «Гражданская платформа», деятельность которой связана с известным бизнесменом и политиком М. Прохоровым. Квинтэссенция идеологических ценностей данной партии отражена в названии партийной программы – «свободный гражданин, справедливое общество, ответственное государство, эффективная экономика». Обосновывается главная социальная задача – отказаться от концепции патерналистского государства. В целом в программе доминирует негативный контекст функциональности государства (снизить, отказаться, уменьшить роль государства и т. д.)²².

Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива» содержит 92 упоминания понятий «государство» и «государственный», в которых преобладают негативные коннотации функциональности государства: «под опекой государства должны быть только люди, неспособные в силу здоровья, возраста и иных объективных причин сами создать себе условия для комфортной жизни»; «государство должно выступать гарантом прав и свобод граждан, формировать эффективные демократические институты»²³.

Наиболее открыто в качестве правой партии позиционирует себя «Правое дело» с его программой «Капитализм для всех». В качестве главного препятствия для демократического развития России лидеры партии определяют отсутствие реальной конкурентной экономики, место которой занимает избыточное государственное регулирование.

В целом, анализ идеологических основ программ политических партий либеральной направленности позволяет сделать ряд следующих обобщений.

Либеральный фланг российской партийной системы представляет собой одно из самых конкурентных пространств политической системы современной России. В отличие от других секторов российской многопартийности, здесь отсутствует явный фаворит, обладающий устойчивым ядром своего электората. Данная неопределенность усиливается тем, что значительная часть программ до мелочей идентична друг другу²⁴.

Эта похожесть, несомненно, затруднительно скажется на мотивации голосования либерально настроенного электората. Например, партии данного спектра представляют себя как оппозиционные, выстраивают свои программы от критики существующего режима, выступают за полноценную реализацию прав и свобод граждан, против засилья государства и проявлений бюрократизма и коррупции. Такая близнецовая идентичность приведет к тому, что неизбежно будет рассредоточение либерального электората в голосовании за представленную партийную «когорту» (которая настроена отнюдь

не миролюбиво и союзнически по отношению друг к другу). Соответственно, уменьшаются шансы на преодоление какой-либо (каких-либо) из данных партий избирательного барьера по пропорциональной избирательной системе.

С учетом того, что отсутствие либеральных партий в Государственной думе негативно сказывается на международном имидже Российской Федерации, возможна административная поддержка одной из обозначенных партий для формирования нового расклада управляемой конкуренции в российском парламенте. Этому способствует и объективная потребность нейтрализовать протестные настроения либерально настроенных российских граждан, не имеющих даже формально институализированных каналов для представления своих интересов в политической системе.

Тем не менее какие-либо серьезные прогнозы делать преждевременно, учитывая, что многие либеральные партии только начинают свою информационную и организационную деятельность и еще не проявили своего реального политического потенциала. С учетом того, что в России традиционно велика роль личностного фактора и персонифицированного восприятия политических партий, появление (либо формирование с помощью имиджевых технологий) новых харизматичных лидеров вполне может изменить существующий расклад на либеральном фланге российской многопартийности.

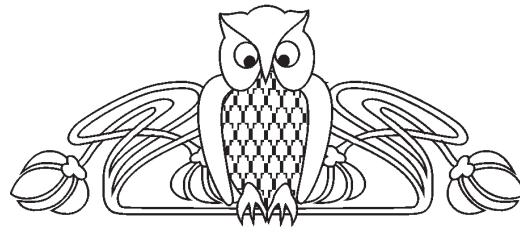
Примечания

- 1 См.: Вилков А. А. Трансформация партий в регионах и перспективы укрепления демократии в современной России (на примере Саратовской области) // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 4 (25). С. 117–125.
- 2 Программа Всероссийской политической партии «Гражданская инициатива». URL: <http://minjust.ru/ru/node/5084> (дата обращения: 23.07.2013).
- 3 Свободный гражданин, справедливое общество, ответственное государство, эффективная экономика. Программа Политической партии «Гражданская платформа». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2425> (дата обращения: 23.07.2013).
- 4 Программа партии на сайте Минюста отсутствует, но пункт 5.1.5. устава гласит, что партия «политически поддерживает россиян, заинтересованных в проведении либеральных рыночных реформ и развитии демократии» (Устав политической партии «Гражданская позиция». URL: <http://minjust.ru/ru/node/5018> (дата обращения: 23.07.2013).
- 5 Программа Всероссийской политической партии «Гражданская сила». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2340> (дата обращения: 23.07.2013).
- 6 Программа Политической партии «Демократическая партия России». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2226> (дата обращения: 23.07.2013).
- 7 Политическая программа Политической партии «Демократическая правовая Россия». URL: <http://minjust.ru/ru/node/4772> (дата обращения: 23.07.2013).
- 8 Сделаем Россию современной страной! Политическая программа партии «Демократический выбор». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2496> (дата обращения: 23.07.2013).
- 9 Программа Политической партии «Общероссийская политическая партия «Достоинство». URL: <http://minjust.ru/ru/node/4840> (дата обращения: 23.07.2013).
- 10 Программа Всероссийской политической партии «Партия свободных граждан». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2314> (дата обращения: 23.07.2013).
- 11 «Капитализм для всех». Программа Всероссийской политической партии «Правое дело». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2269> (дата обращения: 23.07.2013).
- 12 Политическая реформа, ускорение экономического роста, развитие регионов. Программа республиканской партии России – Партии народной свободы (ППР-ПАРНАС). URL: <http://minjust.ru/ru/node/2428> (дата обращения: 23.07.2013).
- 13 Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко» – «Демократический манифест». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2272> (дата обращения: 23.07.2013).
- 14 Программа партии на сайте Минюста отсутствует, но пункт 5.1.5. устава гласит, что партия «политически поддерживает россиян, заинтересованных в проведении либеральных рыночных реформ и развитии демократии».
- 15 Программа партии на сайте Минюста представляет собой всего 1 страницу текста, но в уставе партия поддерживает либеральные реформы.
- 16 Программа партии на сайте Минюста представляет собой всего 1 страницу текста.
- 17 См.: Явлинский Г. Семь шагов к равенству возможностей. 19.06.2007. URL: <http://www.yavlinsky.ru/said/documents/index.phtml?id=3342> (дата обращения: 23.07.2013).
- 18 Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко» – «Демократический манифест». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2272> (дата обращения: 23.07.2013).
- 19 Программа Всероссийской политической партии «Гражданская сила». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2340> (дата обращения: 23.07.2013).
- 20 Программа Политической партии «Общероссийская политическая партия «Достоинство». URL: <http://minjust.ru/ru/node/4840> (дата обращения: 23.07.2013).
- 21 Политическая программа Политической партии «Демократическая правовая Россия». URL: <http://minjust.ru/ru/node/4772> (дата обращения: 23.07.2013).
- 22 Свободный гражданин, справедливое общество, ответственное государство, эффективная экономика. Программа Политической партии «Гражданская платформа». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2425> (дата обращения: 23.07.2013).
- 23 Программа Всероссийской политической партии «Гражданская инициатива». URL: <http://minjust.ru/ru/node/5084> (дата обращения: 23.07.2013).
- 24 В нашу задачу не входило выявление партий-спойлеров, целенаправленно внедренных в данное партийно-идеологическое пространство.

УДК 328.36

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере Южной Осетии)

И. Б. Санакоев

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, Владикавказ
E-mail: inal59@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам политико-идеологических факторов национально-государственного самоопределения. Проблема анализируется на примере Южной Осетии. Актуальность проблемы обусловлена неразрешенностью проблемы признания непризнанных государств постсоветского пространства, до сих пор борющихся за свое национально-государственное самоопределение.

Ключевые слова: национально-государственное самоопределение, этнонационализм, политико-идеологические факторы, национальные меньшинства, титульная нация, этнонациональная доктрина.

Political and Ideological Factors of the National and State Self-determination in the Context of Ethno-political Processes in the Post-Soviet Area (on the Example of South Ossetia)

I. B. Sanakoev

The article is devoted to topical issues of political and ideological factors of national and state self-determination. The problem is analyzed on the example of South Ossetia. Urgency of the problem is due to the unresolved problem of recognition of unrecognized post-Soviet states, who are still struggling for their national and state self-determination.

Key words: national and state self-determination, ethnic nationalism, political and ideological factors, minorities, titular nation, ethno-national doctrine.

Национально-государственное самоопределение – явление, достаточно распространенное в мировой политической практике, поскольку лежит в основе образования новых независимых государств, как больших, так и малых. Именно на основе этого принципа в разные исторические периоды в Европе, Азии, Африке и Америке возникли многие современные национальные государства. Однако национально-государственное самоопределение в условиях полиэтничных государств носит, безусловно, амбивалентный характер как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Так, если, с одной стороны, оно направлено на реализацию прав национальных меньшинств на

самовыражение и самостоятельность, то с другой стороны, приводит к нарушению территориальной целостности и последующему распаду уже состоявшихся государств, поскольку сопровождается фактическим отделением части их территории.

В силу амбивалентности процесса национально-государственного самоопределения в тех регионах мира, где имеет место актуализация политических деклараций национальных меньшинств и тем более их последующая реализация, мировое сообщество сталкивается с процессами обострения межэтнических отношений, переходящими в затяжные, подчас неразрешимые этнические конфликты, сопровождающиеся дестабилизацией политической ситуации и распадом полиэтничных государств. Это, в свою очередь, неизбежно создает вполне реальные угрозы как для региональной, так и общемировой безопасности.

Очевидно, подобные процессы, где бы они ни протекали, имеют достаточно непростой характер. В их основе, несомненно, лежат достаточно весомые причины, заставляющие отделяющиеся народы идти на риск конфронтации и изменения привычной политико-правовой среды своего проживания, причем зачастую в довольно болезненной форме практически неизбежного в этой ситуации военно-политического противостояния и межэтнического конфликта.

Национально-государственное самоопределение Южной Осетии в условиях распада СССР и образования независимой грузинской государственности явилось наглядным проявлением этого достаточно сложного феномена. Так, с одной стороны, оно привело к реализации национальных прав южной части осетинского народа на самостоятельность, а с другой – к распаду Грузинской ССР (после отделения и Абхазии). При этом Южная Осетия оказалась в состоянии затянувшегося почти на двадцать лет этнического конфликта и военно-политического противостояния с Грузией.

В этой связи весьма актуальным представляется вопрос о том, что лежало в основе подобного разворота событий, какие факторы толкали Южную Осетию в конце 1980-х – начале 1990-х гг. идти на риск обострения отношений с Грузией, какова была мотивация политической элиты Южной Осетии на отделение и создание самостоятельного государства?

Поэтому мы попробуем в настоящей работе рассмотреть политико-идеологические факторы, обусловившие актуализацию югоосетинского национально-государственного самоопределения и, в конечном счете, его реализацию. При этом под национальным самоопределением мы будем понимать, прежде всего, самоутверждение нации как исторически определенной общности людей, когда принцип национального самоопределения становится одним из важнейших принципов внутренней самоорганизации этнической общности.

Очевидно, что национальное самоопределение может быть реализовано в двух вероятных направлениях: национально-культурном и государственно-правовом. Национально-культурное самоопределение связано, как правило, со стремлением национальных меньшинств к защите и сохранению своей этнокультурной самобытности в пределах государств своего проживания без требования государственно-политического отделения. При этом стремление национальных меньшинств к защите своих прав может быть выражено в требованиях защиты своей культуры, языка, а также этнического статуса в той или иной форме в рамках существующих государств.

Государственно-правовое самоопределение имеет результатом, как правило, отделение территории от состава государства и образование нового независимого государства. При этом государственно-политическое самоопределение выступает в качестве важнейшего условия конституционализации наций и образования государств как таковых. Однако требование государственно-правового самоопределения не может носить универсального характера, поскольку его повсеместное применение способно разрушить сложившийся мировой государственно-территориальный расклад и вызвать масштабную фрагментацию геополитической карты мира.

Факторы актуализации процессов национально-государственного самоопределения лежат, несомненно, в достаточно непростой сфере взаимоотношений титульных наций полиэтничных государств и проживающих в них национальных меньшинств, когда реальные межнациональные отношения неизбежно включают в себя естественно складывающиеся процессы сближения, ассимиляции или, наоборот, взаимного дистанцирования отдельных общностей.

В этих условиях актуализация принципа национального самоопределения может быть связана со стремлением «малых» наций к самостоятельности, базирующимся на преувеличении своей культурной и политической роли в обществе, что провоцирует сепаратизм и, как следствие, инициирует центробежные тенденции, ведет к дезинтеграции государства и общества, к нарастанию обособленности и изоляционизма отдельных групп населения.

Однако, с другой стороны, зачастую в международной практике мы сталкиваемся с ситуация-

ми, когда требования национально-государственного самоопределения проистекают от политики дискриминации прав национальных меньшинств, исходящей от титульных наций. Подобное отношение к национальным меньшинствам, как правило, связано со спецификой процессов национально-государственной консолидации титульных наций, направленной на конструирование не общегражданской, а этнической идентичности. При этом принцип территориальной целостности может даже искусственно разыгрываться титульными нациями с целью ограничения или же полного недопущения национального самоопределения национальных меньшинств. В этих случаях, как подчеркивают эксперты, «некоторые титульные нации, получив право на самоопределение, нередко опираются на принцип территориальной целостности, чтобы не допустить возможности самоопределения национальных меньшинств в уже обретших самостоятельность государствах»¹.

Анализируя факторы национально-государственного самоопределения Южной Осетии в условиях распада СССР, в качестве исходной предпосылки следует признать, что исторический и текущий политико-правовой фон грузино-осетинских отношений на момент распада СССР содержал определенный конфликтный потенциал, обусловленный войной 1920 г., а также особенностями национально-государственного устройства СССР.

Война 1920 г. оставила наиболее тяжелый след в осетинской этнической памяти, поскольку в ходе карательной акции правительственные войска Грузинской Республики учинили полное разрушение и этническую чистку территории Южной Осетии: около 5 тыс. этнических осетин погибли в ходе этой войны и на горных перевалах при отступлении на Северный Кавказ. В результате вынужденной миграции 20 тыс. беженцев оказались в Терской области, где 15 тыс. из них погибли от голода и массовых эпидемий, охвативших этот регион в период Гражданской войны².

С другой стороны, созданная при советской власти модель национально-государственного устройства, по сути, привела к принудительной интеграции в рамках одной союзной республики разноориентированных этнических субъектов: Южная Осетия, только что пережившая тяжелейшую межэтническую войну 1920 г., не желала входить в состав Грузии³, а в Грузии не особенно были рады видеть в своем составе югоосетинскую автономию⁴. По признанию исследователей, в том числе и грузинских, «в годы советской власти в Грузии был установлен насильственный социальный и межнациональный мир»⁵.

Мощным фактором, в значительной степени обусловившим актуализацию югоосетинского самоопределения, стал, несомненно, процесс нациестроительства в Грузии, получивший дальнейшее развитие в связи с распадом СССР и обретением Грузией независимости. При этом влияние этого

процесса было обусловлено спецификой выбора грузинской политической элитой варианта нациестроительства, который предполагалось реализовать по модели создания не гражданской, а этнической нации.

Как известно, этнонациональная концепция нациестроительства формируется путем выделения этнических корней и подчеркивания на этой основе общности происхождения этнонациональной группы. Такой подход предопределяет в этническом сознании использование истории и естественного права при формировании этнонациональных задач. Согласно Э. Смитю, «этническая концепция нации стремится заменить обычаями и диалектами юридические коды и институты, которые образуют основу гражданской нации. Даже общая культура и “гражданская религия” (патриотизм) гражданской нации имеет свой эквивалент в этнической концепции – своего рода мессианский нативизм, вера в искупительные качества и уникальность этнической нации»⁶.

Этническая концепция становилась важнейшей характеристикой возрождавшегося грузинского национализма как теории и практики нациестроительства, предопределившей в конечном счете формирование в Грузии этнонации. Такая характеристика находит подтверждение в оценках и грузинских ученых, считающих, что «грузинский национализм предпочитает дифференциализм, т. е. “право крови”, как в Германии, а не “право почвы”, т. е. в грузинском обществе преобладает не общегражданское сознание, а этническое»⁷.

Отношение грузинской этнонациональной доктрины к проблеме национальных меньшинств в Грузии имело резко выраженный негативный характер. В частности, этнонациональная парадигма грузинского нациестроительства формировала и публично выносила на повестку дня достаточно жесткое и непримиримое отношение к так называемому осетинскому вопросу в Грузии. Согласно этой парадигме только грузинский этнос имел полное право на участие в национально-государственной консолидации, а осетинский этнос и все другие национальные меньшинства из этого процесса исключались («Грузия для грузин!»). Нацменьшинства не допускались к грузинскому нациестроительству, несмотря даже на их определенную интегрированность в грузинское общество. И в этом плане создавалась парадоксальная ситуация: даже в случае согласия осетин и других меньшинств жить на «грузинской земле» и по грузинским законам у них здесь не могло быть родины.

Подобное отношение к этническим меньшинствам фактически оставляло за бортом грузинского нациестроительства до 1/3 населения Грузинской ССР и «приводило к вынужденной эмиграции большого количества представителей негрузинских этносов»⁸. Поэтому за сравнительно

короткий промежуток времени (не более года) титульный этнос умудрился испортить отношения практически со всеми меньшинствами по всей территории ГССР, вызвав их повсеместное недовольство.

Аналогичное отношение формулировал грузинский этнонационализм и в отношении юго-осетинской автономии. Осетинская автономия, как и две другие автономии в Грузии – Абхазская и Аджарская, не имела права на существование, поскольку «в независимой и суверенной Грузии не должно быть никаких автономных этнических образований»⁹.

Подобная категоричность, безусловно, провоцировала конфронтацию с автономиями, поскольку совершенно не учитывались сложившиеся на тот момент социально-политические реалии в регионе, а также коллективные права образующих эти автономии этнических общностей. Особенное недовольство автономий эти позиции вызывали в условиях широко развернувшегося в тот период «парада суверенитетов», когда этнотерриториальные образования в СССР в одностороннем порядке декларировали повышение своих политических статусов.

Этнонациональная доктрина, исключая нацменьшинства из процесса грузинского нациестроительства, объективно заставляла их искать варианты самоопределения. В условиях публичной декларации этнонациональных идей и политических лозунгов весь идейно-политический фон в Южной Осетии стал радикализироваться быстрыми темпами. Этот процесс привел к складыванию достаточно категоричных позиций в отношении Грузии как среди политической элиты, так и незлитных слоев населения Южной Осетии, когда «идея отделения от Грузии, которая вначале была воспринята лишь частью осетинской общины в Грузии, получила массовую поддержку и стала рассматриваться практически всем осетинским населением Грузии как условие выживания нации»¹⁰.

Южная Осетия в лице ее политического руководства выступила с резким осуждением предстоящего выхода Грузии из СССР и заявила о своем стремлении остаться в составе Советского Союза при любых обстоятельствах. Важнейшим элементом этого выбора стала убежденность в том, что Южная Осетия должна пойти на разрыв с Грузией, и как можно быстрее, в предельно короткие сроки, предвосхитив тем самым уже обозначившийся выход Грузии из СССР. Эта установка обосновывалась в общественном сознании на представлениях о том, что в случае вероятного грузино-осетинского столкновения разрыв с Грузией сохранит для Южной Осетии возможность апеллировать к помощи традиционных союзников на севере или же к мировому сообществу. В противном случае, по мнению осетинской стороны, она будет лишена этой возможности, поскольку ее проблема превратится

во внутреннее дело независимого Грузинского государства.

Таким образом, можно заключить, что факторы, обусловившие югоосетинское самоопределение, имели достаточно сложную природу и носили комплексный характер. При этом особенностью процесса югоосетинского самоопределения стал, безусловно, факт параллельного по времени протекания процессов самоопределения осетинского меньшинства и титульной грузинской нации, проходивших в условиях масштабных дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Данное обстоятельство дополнительно обостряло эти процессы, придавая им особую конфликтность.

Вместе с тем процесс национально-государственного самоопределения Южной Осетии демонстрирует и ряд общих закономерностей, связанных с политикой дискриминации национальных прав меньшинств со стороны титульных наций государств и соответствующей реакции на эту политику этих меньшинств, всерьез обеспокоенных защитой и сохранением своей этнонациональной идентичности в условиях активных глобальных и региональных этнополитических трансформаций. В связи с этим становится очевидным, что только всесторонний учет этих обстоятельств и определенное политико-правовое регулирование как на региональном, так и на международно-правовом уровне способны снизить остроту процессов национально-государственного самоопределения и обеспечить их протекание в мирном правовом русле с целью сохранения мира и безопасности как самоопределяющихся, так и уже определившихся со своей государственностью народов.

УДК 32.01

ДЕМОКРАТИЯ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Г. М. Барашков

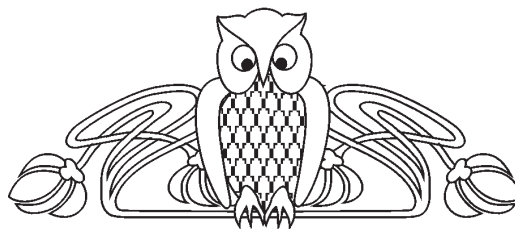
Саратовский государственный университет
E-mail: Eternity65@yandex.ru

Статья посвящена анализу современных взглядов на демократию, ее противоречиям, особенностям процесса демократизации и построения гражданского общества в незападном ареале, а также поиска новой модели развития западных стран в связи с кризисом либерально-демократической модели развития.

Ключевые слова: гражданское общество, демократизация, модели гражданского общества, государство, институты, функциональная особенность, модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

Примечания

- ¹ Баранов Н. А., Пикалов Г. А. Теория политики. Лекция 22. Национальный фактор политики. URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/22.htm (дата обращения: 10.04.2013).
- ² См.: Сиукаев Н. В. Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ, 1994. С. 8.
- ³ См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / под ред. проф. Н. Г. Джусойти. Цхинвал, 1995. С. 50.
- ⁴ См.: Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос / сост. А. Бакразе, О. Чубинидзе. Тбилиси, 1994. С. 321.
- ⁵ Гаприндашвили М. К основам методики прогнозирования, предупреждения и преодоления существующих и ожидаемых этнополитических конфликтов в Грузии // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления: тез. докл. междунар. конф. М., 1995. С. 49.
- ⁶ Smith A. The Ethnic origins of nations. Oxford, 1986. P. 137–138.
- ⁷ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / под ред. Б. Коппитекса. М., 1998. С. 25.
- ⁸ Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтничного общества. Тбилиси, 2000. С. 31.
- ⁹ Анчабадзе Ю. Д. Грузия – Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы: Путь к примирению. С. 109.
- ¹⁰ Никитин А. И., Хлестов О. Н., Федоров Ю. Е., Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. М., 1998. С. 37.

Democracy, Civil Society and the Democratization Process: the Main Tendencies and Contradictions

G. M. Barashkov

The article is devoted to the analysis of modern views on democracy, its contradictions, peculiarities of the process of democratization and building civil society in non-Western area, and also search of a new model of development in the Western countries, in connection with the crisis of the liberal democratic model of development.

во внутреннее дело независимого Грузинского государства.

Таким образом, можно заключить, что факторы, обусловившие югоосетинское самоопределение, имели достаточно сложную природу и носили комплексный характер. При этом особенностью процесса югоосетинского самоопределения стал, безусловно, факт параллельного по времени протекания процессов самоопределения осетинского меньшинства и титульной грузинской нации, проходивших в условиях масштабных дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Данное обстоятельство дополнительно обостряло эти процессы, придавая им особую конфликтность.

Вместе с тем процесс национально-государственного самоопределения Южной Осетии демонстрирует и ряд общих закономерностей, связанных с политикой дискриминации национальных прав меньшинств со стороны титульных наций государств и соответствующей реакции на эту политику этих меньшинств, всерьез обеспокоенных защитой и сохранением своей этнонациональной идентичности в условиях активных глобальных и региональных этнополитических трансформаций. В связи с этим становится очевидным, что только всесторонний учет этих обстоятельств и определенное политико-правовое регулирование как на региональном, так и на международно-правовом уровне способны снизить остроту процессов национально-государственного самоопределения и обеспечить их протекание в мирном правовом русле с целью сохранения мира и безопасности как самоопределяющихся, так и уже определившихся со своей государственностью народов.

УДК 32.01

ДЕМОКРАТИЯ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Г. М. Барашков

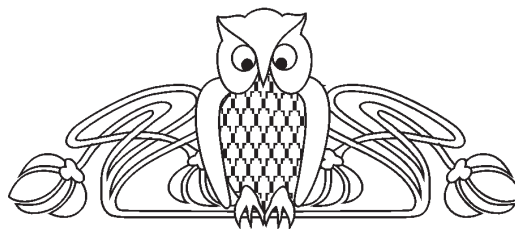
Саратовский государственный университет
E-mail: Eternity65@yandex.ru

Статья посвящена анализу современных взглядов на демократию, ее противоречиям, особенностям процесса демократизации и построения гражданского общества в незападном ареале, а также поиска новой модели развития западных стран в связи с кризисом либерально-демократической модели развития.

Ключевые слова: гражданское общество, демократизация, модели гражданского общества, государство, институты, функциональная особенность, модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

Примечания

- ¹ Баранов Н. А., Пикалов Г. А. Теория политики. Лекция 22. Национальный фактор политики. URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/22.htm (дата обращения: 10.04.2013).
- ² См.: Сиукаев Н. В. Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ, 1994. С. 8.
- ³ См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / под ред. проф. Н. Г. Джусойти. Цхинвал, 1995. С. 50.
- ⁴ См.: Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос / сост. А. Бакразе, О. Чубинидзе. Тбилиси, 1994. С. 321.
- ⁵ Гаприндашвили М. К основам методики прогнозирования, предупреждения и преодоления существующих и ожидаемых этнополитических конфликтов в Грузии // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления: тез. докл. междунар. конф. М., 1995. С. 49.
- ⁶ Smith A. The Ethnic origins of nations. Oxford, 1986. P. 137–138.
- ⁷ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / под ред. Б. Коппитекса. М., 1998. С. 25.
- ⁸ Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтничного общества. Тбилиси, 2000. С. 31.
- ⁹ Анчабадзе Ю. Д. Грузия – Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы: Путь к примирению. С. 109.
- ¹⁰ Никитин А. И., Хлестов О. Н., Федоров Ю. Е., Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. М., 1998. С. 37.

Democracy, Civil Society and the Democratization Process: the Main Tendencies and Contradictions

G. M. Barashkov

The article is devoted to the analysis of modern views on democracy, its contradictions, peculiarities of the process of democratization and building civil society in non-Western area, and also search of a new model of development in the Western countries, in connection with the crisis of the liberal democratic model of development.

Key words: civil society, democratization, models of civil society, state institutions, feature, models of interaction between the state and institutions of civil society.

Современное историческое развитие государств и обществ открывает непрогнозируемый выбор сценариев развития. В этом смысле неизвестно, чего можно ждать от будущего, какие формы станут приобретать общества, каким образом будут функционировать политические институты этих обществ.

На сегодняшний день в западной общественно-политической мысли продолжает доминировать вывод М. Фукуямы о том, что триумф западной идеи очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив¹. Вместе с тем сам «западный ареал» в последнее время испытывает серьезные потрясения, говорящие о системном кризисе, поразившем западное общество. Суть данного явления заключается в неконкурентоспособности западной модели в политической, экономической, нравственной и других сферах жизнедеятельности общества. Опыт последнего десятилетия показывает, что проблемы, с которыми сталкиваются западные страны, а также так называемые «постисторические» (в понимании Ф. Фукуямы) уже не решаются посредством дальнейшей эксплуатации моделей либерального государства и гражданского общества. Более того, на поверку оказывается, что и порождены они зачастую исчерпанностью либеральной политико-правовой модели, ее неспособностью ответить на вызовы современности.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание в этой связи, – процесс становления принципов гражданского общества и правового государства не завершен. Да, следует признать, что представление о гражданском обществе воспринято нами у Запада. Но это не должно являться основанием отказа другим обществам в гражданственности. Если это происходит, то в данном явлении просматриваются элементы евроцентризма и американоцентризма (то есть, что не вписывается в некую «идеальную» либеральную модель развития, подвержено критическим замечаниям и отвергается). Хотя «идеального» мало осталось даже в тех странах, которые изначально считали себя апологетами либерализма и демократии. Одно можно сегодня утверждать с уверенностью: и гражданское общество, и государство являются собой закономерный результат естественно-исторического развития цивилизации. В разных странах они могут принимать те или иные формы, модификации с присущими специфическими особенностями и чертами, и это многообразие будет его лишь обогащать и развивать.

Второе: важно не впасть в крайность некритического восприятия либерально-демократических достижений. Об этом, в частности, размышлял исследователь С. А. Левицкий, полагавший,

что передовые западные демократии фактически не являются либерально-демократическими в традиционном смысле этого слова, и есть существенные различия в принципах организации общества и государства в разных странах. Ученый подвергает резкой критике западный материализм, полагая, что в такой материальной цивилизации застывает сам огонь свободы. Когда же теряется идея самоценности свободы, то перестают цениться и блага духовной культуры². Иными словами, С. А. Левицкий показывает, что в лоне современной западной индустриализованной цивилизации демократический либерализм таит в себе внутреннюю опасность, потенциальную возможность перерождения в некий антипод, возврата к тоталитаризму. Свобода, лишенная определенного духовного смысла, отрицает в конечном итоге самое себя.

Схожую позицию занимает немецкий исследователь Г. Рормозер, критикующий либеральную демократию за неспособность отвечать на вызовы времени, но главное, за кризис нравственности, в которой он повинен. По мнению Г. Рормозера, либеральное политическое сознание переживает кризис, потому что оно лишено моральной идеи, которая бы легитимировала его. Абсолютизация общества, противопоставляющего себя истории, государству и религии, ведет к упадку нравственности, предоставив человека полностью лишь самому себе. Достижения свободы фактически оказываются упущены, нравственная и религиозная субстанция выдыхается³.

Несовпадение индивидуального интереса с общим, проблема, которую пытался решить социализм, западным обществом тоже не решена. Гегемония либерализма, позиционирование его как единственно верного учения, привело к его вырождению в либертариизм, к абсолютизации индивидуализма, атомизации и фрагментаризации общества, что, в свою очередь, обусловило внутреннюю эрозию общества, его распад, «кризис культуры». Жизнь лишается иного смысла, кроме удовлетворения потребностей. Философией существования становится гедонизм.

Здесь следует отметить, что либерализм попал в некую ловушку, когда объявил себя «единственно верным учением» со своей непревзойденной системой ценностей, со своими притязаниями на всеобщность. Тем самым либерализм проявил себя неожиданным образом, обнаружив склонность к диктату, тоталитаризму, нетерпимости к инакомыслию. И здесь дело даже не только в том, что либерализм взял на себя совершенно непосильную задачу быть единственным духовным наставником и арбитром. В тупике оказалась вдохновленная либеральной идеей вся эпоха Нового времени с ее упованием на рационализм и техницизм, с верой в несокрушимую поступь прогресса и разума. Прежние цели – удовлетворение потребностей человека – увели на ложные пути. Нужны новые, более высокие цели, наделенные

духовным смыслом и способные воодушевить людей. Слишком много либерализма стало в сфере политики и культуре и очень мало в экономике.

Кроме того, представляя достижения либерал-демократизма, не следует питать иллюзий на сей счет. В основном, когда мы говорим о Западе, то представляем некую идеальную модель гражданского общества. На практике же все не так гладко и бесконфликтно. Взять хотя бы для примера проблему взаимодействия права и власти (как политической, так и экономической). Есть основания полагать, что в ряде ведущих либерально-демократических стран «экономическая власть превращается в политическую, а политическая власть действует как власть экономическая»⁴, и более того, «все четче и нагляднее проявляется универсальная тенденция, согласно которой политическая власть, и прежде всего власть государственная, является прикрытием всемогущества экономической власти»⁵. Отдельные западные исследователи неоднократно отмечали данное положение в своих трудах. Так, например, политолог М. Паренти отмечал, что почти все социальные институты, существующие в западном обществе, вместе с их материальными и профессиональными ресурсами находятся под контролем плутократии и управляются невыборными, самоназначаемыми группировками богатых представителей корпоративного сектора, которые не несут ответственности ни перед кем, кроме самих себя⁶.

Третье, на что хотелось бы обратить внимание, – усиление роли государства, его бюрократизация. Это связано с тем, что все западные страны позиционируют себя как социально-правовые государства. Экспансия государства является результатом совершенно новой концепции политического устройства, которая поощряет гипертрофию политического и административного аппарата, находящегося на содержании налогоплательщиков. Государство проникает во все сферы общественной жизни, в значительной мере трансформируя отношения, которые традиционно складывались между ним и сферой гражданского общества⁷. Этот процесс приблизил государство к гражданам, оказываясь все в большей степени вовлеченным в их жизнь. По сути, это свидетельствует об эрозии той сферы, которая раньше считалась неприкосновенной в либеральных концепциях и которая стирает существенные различия между публичным и частным, между государством и гражданским обществом. Процесс, начавшийся лишь с минимальных и неизбежных ограничений классической концепции собственности, теперь систематически сдерживает индивидуальную автономию по тем или иным аспектам. Чаще всего утверждается, что это делается именно для того, чтобы защитить определенные свободы и сферы автономии как для индивидуумов, так и для ассоциаций. Парадоксально, что смысл вмешательства государ-

ственных органов заключается в том же, что и в более ранние периоды в соответствии с законом позволяло официальное вмешательство государства в те сферы, которые относились к частной жизни. Однако сегодня в западных странах масштаб и интенсивность защищающего надзора и вмешательства (в полицейских, фискальных, правовых целях, в целях безопасности и др.) намного больше, чем когда-либо ранее. Тенденция, несмотря на резкую реакцию различных групп и социальных движений на ограничение гражданских прав, не изменилась, и любое реалистичное видение будущего должно учитывать высокую вероятность того, что разграничительная линия между государством и гражданским обществом и разделение между публичным и частным может продолжать подвергаться разрушению. Это разделение, если оно исчезнет, приведет к прекращению существования обеих целостностей в том виде, в котором они известны сейчас.

Четвертое: усиление роли государства под воздействием процессов глобализации, которая сопровождается нарастанием негативных тенденций в развитии гражданского общества в странах западной демократии. Это объясняется усиливающимся воздействием на него факторов как экзогенного, так и эндогенного характера: иммиграция, терроризм, международная преступность, экономический кризис, размывание национальных культур и национальных образов жизни, потеря национальной идентичности, то есть то, что можно с полным основанием назвать «изменением социокультурного контекста» гражданского общества. Серьезные изменения в традиционной модели гражданского общества связаны также с постмодернистскими тенденциями, выражающимися в укоренении постматериальных ценностей.

Пятое: переход от авторитарных форм правления в странах Южной Европы в 70-х гг. XX столетия и позже в Латинской Америке, в меньшей степени в Азии и Африке сделал изучение процессов демократизации приоритетной областью исследования политической науки⁸. Так, в частности, авторы ставят вопрос о возможности использования теорий демократизации, обобщающих опыт стран Южной Европы и Латинской Америки, при изучении посткоммунистических трансформаций. Тщательно проанализировав аргументацию сторонников концепции «восточной» исключительности, Т. Карл и Ф. Шмиттер показывают, что в основе этой аргументации лежит искаженное толкование постулатов и гипотез так называемой транзитологии и теории консолидации демократии. По заключению авторов, тот факт, что некоторым посткоммунистическим странам не удалось перейти к демократии, свидетельствует не столько о неадекватности парадигмы транзита – консолидации, сколько о потребности в более четком определении демократии и уточнении ее параметров, чтобы

при установлении сходных процессов и явлений можно было бы использовать одни и те же концепты и единую систему координат. Не отрицая, что посткоммунистические страны обладают собственной спецификой, авторы доказывают, что их сходство с другими странами, недавно пережившими режимные изменения, достаточно велико, чтобы формулировать концепты и гипотезы, тестировать их и подтверждать либо опровергать, опираясь на опыт всех регионов. Крушение коммунистических режимов в Восточной Европе привело к тому, что большинство исследователей использует узкое определение демократии – как формальный процесс электоральных выборов⁹. Главным аргументом для подобного определения демократии является то, что она предоставляет инструмент для эмпирического исследования процесса демократизации: демократия становится так сказать «измеримой». Если применить более широкое определение демократии, включающее наличие не только формальных институтов, но и развитых форм общественной жизни, то анализ процессов демократизации становится достаточно сложным. Вслед за Д. Битамом мы считаем демократию «методом принятия решений по поводу коллективно связывающих правил и политик, в отношении которых люди применяют контроль»¹⁰. Наиболее демократической мерой является «то, когда все члены сообщества пользуются эффективными равными правами и принимают прямое участие в принятии решений»¹¹. Таким образом, основными компонентами этого определения являются народный контроль и политическое равенство.

По мнению Л. А. Гайнутдиновой, «демократизация означает процесс политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя, и органически связана с переходом от традиционного общества к современному»¹². Таким образом, в определении демократизации в основном делается акцент на власти и на социальных отношениях, поэтому существование формальных демократических институтов, несмотря на то что это является необходимым условием, совсем недостаточно для того, чтобы демократия существовала. Тем не менее современная политическая теория видит наиболее надежный и методологически корректный инструмент разграничения авторитарных и демократических систем именно в формальных, процедурных аспектах функционирования общественного устройства. Однако формально-правовой подход к определению сущности политической системы скорее соответствует американской политологической традиции, которая делает акцент, главным образом, на избирательных процессах, что позволяет свести к минимуму субъективизм и эмоции при классификации политических режимов. Европейская же традиция придает большее значение социально-экономическим параметрам системы и ее содержательным характеристикам.

Так, например, А. Улин акцентирует внимание не только на формальных институтах демократизации, но и на форме общественной демократизации. По его мнению, «эти два аспекта демократического процесса аналитически различны: формальная институциональная демократизация и общественная демократизация могут сопровождать и укреплять друг друга, но в то же время они могут и конфликтовать»¹³. Некий процесс формальной институционализации демократии может, к примеру, быть препятствием общественной демократизации и углублению демократии. Однако, как справедливо отмечают Д. Коэн и Э. Арато, «если из “демократического оборота” изымается непосредственное участие граждан, то практически невозможно определить, является государственное устройство той или иной страны демократическим или нет, поскольку утрачивается главный критерий, позволяющий отличить подлинно демократический процесс от формального ритуала, систематического манипулирования и управляемого согласия»¹⁴.

Существует гипотеза, что гражданское общество укрепляет демократию, создавая общественный капитал. Как формальная, так и общественная демократия усиливаются коллективным доверием и терпимостью граждан, которые развиваются и возникают внутри гражданского общества. Однако гражданское общество, влияя на развитие демократической политической культуры, то есть формирование общественного капитала в виде ценностей доверия и сотрудничества и формирование публичной сферы, не всегда поддерживает демократию. В частности, данное состояние можно проследить на примере изменения отношения граждан к демократическим ценностям в пользу улучшения экономической составляющей их жизни. Так, при проведении автором социологического опроса¹⁵ один из вопросов звучал следующим образом: «Как Вы считаете, является ли демократический путь развития единственно правильным?», и давались четыре варианта ответа:

- а) Демократия – это лучшая форма правления;
- б) Люди хотят не демократии, а достойной жизни;
- в) Демократия ведет к хаосу и развалу России;
- г) Затрудняюсь ответить».

Подавляющее количество отвечающих (более 90%) выбрало вариант ответа «б» – «Люди хотят не демократии, а достойной жизни». Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, демократия потеряла определенную ценность для россиян, во-вторых, граждане не связывают или не видят связи между демократией и достойной жизнью и, в-третьих, в условиях кризиса либеральной демократии и аналоговости гражданских обществ¹⁶ демократия в либеральном ее понимании является важным, но не единственным условием функционирования гражданского общества.

Основная задача гражданского общества в процессе становления демократии заключается не в терминах достижения определенных содержательных целей, а скорее в терминах демократизации ценностей, норм и институтов, которые в конечном счете внедряются в политическую культуру. Однако многие исследователи в области политических теорий, в том числе уже упомянутые Дж. Козн и Э. Арато, высказывают мнение, что демократия никогда не может быть полностью институционализирована, а процесс демократизации бесконечен¹⁷.

Таким образом, гражданское общество только тогда становится демократическим, когда в нем существует максимальная сила прямого группового участия в принятии решений, влияющих на жизнь граждан. Это с необходимостью требует множественности относительно мелких демократически структурированных и основанных на участии организаций. Однако, несмотря на то что исторический опыт развития демократии показывает, что она укореняется в основном там, где государственные институты и система государственного управления функционируют в питательной среде граждански активного общества, слабость гражданского общества не обязательно коррелирует со слабой, нестабильной демократией. Такая демократия, со слабой гражданственностью, может существовать и даже вполне успешно функционировать, хотя она и не удовлетворяет всем критериям «идеальной» демократии. Соответственно, слабая, нестабильная демократия в «западном» понимании необязательно означает отсутствие и недееспособность гражданского общества.

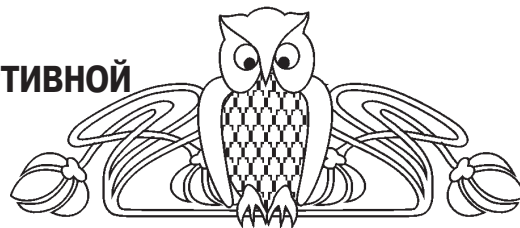
Примечания

- 1 См.: Фукуяма М. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134.
- 2 См.: Левицкий С. А. Трагедия свободы. М., 1995. С. 358.
- 3 См.: Рормозер Г. Кризис либерализма : пер. с нем. М., 1996. С. 68.
- 4 Мальцев Г. В. Право и экономическая власть // Правовое государство, личность, законность / под ред. проф. В. С. Мерсесянц. М., 1997. С. 40.
- 5 Там же. С. 53.
- 6 См.: Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990. С. 66.
- 7 О моделях взаимодействия государства и гражданского общества см.: Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- 8 См.: Карл Т. Л., Шмюллер Ф. Демократизация : концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 6–27.
- 9 Определяя и измеряя демократию как форму правления, исследователи наблюдают некоторый теоретический и практический антагонизм. С одной стороны, есть сторонники узкого формального институционального макроуровня и электорального определения, которые часто встречаются среди исследователей, придерживающихся эмпирических демократических теорий. К таковым можно отнести и теорию Й. Шумпетера, который видит демократию лишь как процесс для выбора лидеров, основанный на соревнованиях элиты. Однако узкое определение сильно упрощает и ограничивает программы многих исследований, исключая, таким образом, многие проблемы демократии (См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. L. : George Allen & Unwin, 1976).
- 10 Beetham D. Liberal democracy and the limits of democratization Prospects for Democracy : North, South, East, West / in D. Held (ed.). Cambridge : Polity Press, 1993. P. 55.
- 11 Ibid.
- 12 Гайнутдинова Л. А. Демократические функции гражданского общества. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/demokraticheskie-funktsii-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 22.03.2013).
- 13 Uhlin J. Post-Soviet Civil Society. Democratization in Russia and the Baltic States. L. ; N. Y. : Routledge 2006. P. 19.
- 14 Козн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 28–29.
- 15 Социологический опрос проводился в период с 01.02.2012 г. по 01.05.2012 г. в г. Саратове и городах Саратовской области (Балаково, Вольск, Хвалынский). В нем приняли участие более 600 человек различного социального статуса и возраста.
- 16 См.: Шестов Н. И., Барашков Г. М. Гражданское общество и его аналоговые формы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 71–78.
- 17 См.: Козн Д., Арато Э. Указ. соч. С. 73.

УДК 321.015

ФОРМЫ И МЕРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. Д. Якубов

Поволжская государственная академия физической культуры,
спорта и туризма, Казань
E-mail: yusup-yakubov@mail.ru

В статье анализируются формы и меры осуществления государственной политики в сфере физической культуры и спорта, рассматривается соотношение между методами, мерами и средствами политики применительно к современной национальной спортивной системе, а также высказано авторское мнение о проблеме отражения данных категорий в официальных документах Российской Федерации.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, государственная политика, меры политики, формы политики, методы политики, средства политики, направления физкультурно-спортивной политики.

Forms and Measures of Realization of Russia's Policy in the Sphere of Physical Culture and Sports

Yu. D. Yakubov

In article the author analyses forms and measures of realization of the state policy in the sphere of physical culture and sports, also author has carried out a ratio between methods, measures and means of policy in national sports system. In article it is expressed the author's opinion on use of these categories in official documents of the Russian Federation.

Key words: physical culture, sports, state policy, measures of policy, form of policy, methods of policy, means of policy, direction of policy in sphere of physical culture and sports.

В Российской Федерации внимание к развитию физической культуры и спорта неуклонно возрастает, что объясняется правильной оценкой значимости данных явлений со стороны государства. Государственная политика в физкультурно-спортивной сфере требует внешнего выражения, а её цели и задачи нуждаются в реализации. Поскольку физическая культура и спорт сами по себе являются активными видами деятельности, то и политика в этой области должна проводиться в активных формах.

Принципиальное значение имеют адекватный подход государства к пониманию сущности форм¹ и методов осуществления политики в физкультурно-спортивной сфере, а также надлежащая оценка их достаточности для достижения запланированных результатов. Поэтому в данной статье необходимо определить, прежде всего, какие формы может приобретать физкультурно-спортивная политика и какова их специфика по сравнению с формами реализации других направлений современной политики Российской Федерации.

В научной литературе формы осуществления государственной политики понимаются по-разному², особенно в самоуправляемых сферах государственно-властной деятельности. Наиболее распространённым представлением о формах реализации политики является их отождествление с отдельными направлениями развития политики в целом³, в чём прослеживается определённая логика. Термин «реализация» в переводе с латинского языка означает «действительный»⁴ и потому понимается как осуществление чего-либо. Неслучайно в философии форма есть способ существования содержания⁵.

Реализация физкультурно-спортивной политики происходит с помощью комплекса активных мер, к которым, в частности, относятся: создание надлежащей спортивной инфраструктуры; составление календарных планов физкультурных и спортивных мероприятий; ведение спортивной классификации; внедрение рекомендаций по занятию спортом и многие другие. Это отличает физкультурно-спортивную политику от других видов государственной политики, что, в целом, признаётся научным сообществом⁶.

Ряд авторов полагает, что сама по себе физкультурно-спортивная политика является формой реализации иных направлений политики в силу их тесной взаимосвязи, что и предопределяет набор методов осуществления политики⁷. В частности, соприкосновение социально-экономической и образовательной политики со сферой физической культуры и спорта позволяет сделать вывод об их общей базе, а следовательно, и об общности форм реализации, поскольку меры в этих областях государственного вмешательства зачастую совпадают. Примечательно в этом плане мнение С. А. Филипенко, который утверждает о различных сторонах и направлениях политической деятельности⁸. В этой связи следует признать, что функции, содержание, структура, виды и формы выражения любого политического направления деятельности государства взаимосвязаны между собой и обеспечивают в целом реализацию физкультурно-спортивной политики. Поэтому форма физкультурно-спортивной политики – это взаимосвязь объективно выраженных, но формально разделённых отношений, возникающих на основе политических средств и приёмов для достижения конкретных целей фор-

мирования и развития национальной спортивной системы и её интеграции в международное физкультурно-спортивное сообщество⁹.

Это определение формы реализации физкультурно-спортивной политики в достаточной мере выражает ее сущность. Однако, на наш взгляд, особенностью данной формы является то, что внешнее выражение физкультурно-спортивной политики воплощается в конкретной деятельности субъектов, которая направлена на формирование непротиворечивой, научно обоснованной и единой спортивной системы, осуществляемой на базе принципов социально-экономической политики. Поэтому под формами реализации физкультурно-спортивной политики необходимо понимать воплощение в целенаправленной деятельности субъектов спортивной системы требований, принципов и приоритетов социально-экономической политики, направленных на достижение её отдельных целей и решение обоснованных задач.

В то же время такое восприятие формы политики порождает неопределённость в вопросе о том, что именно из всей физкультурно-спортивной политики выражается в данных формах. На первый взгляд, кажется логичным, что в формах политики воплощаются определённые промежуточные явления между признанными государством политическими целями (задачами) и конечными результатами реализации данной политики¹⁰.

Однако, по нашему мнению, отождествление целей политики с результатами её реализации не отвечает истинному предназначению формы политики. Цель – это идеальный объект, достижение которого является приоритетом в конкретной политической деятельности. Результат политики – фактическое состояние отношений, подвергнутых политическому воздействию. Несовпадение целей и результатов не может выступать формой политики. Напротив, достижение поставленных целей и задач является итогом успешного и правильного воплощения политических мер. Соответственно, именно внешне выражение подобных мер следует рассматривать в качестве формы физкультурно-спортивной политики.

В связи с этим необходимо определить, что такое «меры физкультурно-спортивной политики» и как они соотносятся с «методами политики», что неоднозначно воспринимается в научной литературе. Методы как правила, которые способствуют увеличению знаний, рассматривал Р. Декарт¹¹. В трудах современных политологов методы представляются как средства достижения политических целей¹². В такой плоскости методы воспринимаются как инструменты, орудия реализации целей. На тождественность методов и средств указывают многие учёные¹³, однако, как наш представляется, между данными понятиями имеются различия.

Средства – это конкретные обстоятельства воздействия определённого субъекта (государства) на объект (физическая культура и спорт), а методы характеризуют способы применения этих средств.

Например, в качестве средства физкультурно-спортивной политики можно рассматривать повышение статуса спортивных федераций по видам спорта, а методом в этой связи будут являться действия государства по усилению полномочий спортивных федераций в соответствующем виде спорта.

Таким образом, средства и методы соотносятся друг с другом как содержание и форма, что в единстве образует понятие «мера политики». В частности, в Стратегии развития спорта все меры физкультурно-спортивной политики ранжированы в зависимости от конкретных целей и задач и включают в себя как конкретные факторы влияния на отдельный сегмент физкультурно-спортивной сферы, так и способы воплощения данных факторов. Отношения, возникающие в результате такого политического воздействия, являются формами осуществления политики.

Проанализируем основные формы и меры физкультурно-спортивной политики России. Реализация цели физкультурно-спортивной политики по обеспечению доступа населения к спортивной инфраструктуре возможна с помощью комплекса различных мер, которые поставлены в зависимость от конкретной социальной группы. В России в этой связи за основу взяты четыре основные категории: спортсмены, учащаяся молодёжь, взрослое население и лица с ограниченными физическими возможностями. Соответственно, средства и способы достижения указанной цели имеют как общий, так и специальный характер. В частности, меры, осуществляемые в образовательной сфере, не могут быть применены к лицам, не занимающимся образованием, что создает в результате автономный сектор внутри физкультурно-спортивной системы. Напротив, объявленная в Российской Федерации свобода образования позволяет достаточно большой доле населения пользоваться спортивными ресурсами соответствующих образовательных организаций. Существенным образом на данный процесс оказывает влияние коммерциализация образования, что обеспечивает возможность субъектов образовательного рынка заниматься услугами в сфере физической культуры и спорта даже на профессиональном уровне.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что меры политики, ориентированные на создание экономической основы физкультурно-спортивной сферы, одинаково применимы как по отношению к образовательной спортивной инфраструктуре, так и к общедоступным объектам физической культуры и спорта¹⁴. Вместе с тем специфика государственных мер политики связана с возрастными особенностями лиц, обучающихся в учебных заведениях, в том числе профессионального спортивного профиля, и мощностями существующей в стране образовательной системы, а также направленностью данного процесса на учебное воспитание. Подобные особенности не могут учитываться в физкультурно-спортивных

объектах общей доступности. Профессиональная спортивная система требует наличия особых мер реализации государственной политики.

Поэтому из всего массива мер, предпринимаемых государством, лишь разработки технических регламентов, национальных стандартов и свода правил по проектированию и строительству объектов спорта, а также правил сертификации услуг и продукции являются мерами общего характера, применяемыми как в образовательной и профессионально-спортивной среде, так и в части объектов инфраструктуры общего пользования. Тем более что специализированные объекты спортивной инфраструктуры, принадлежащие государству, могут использоваться не только для профессиональной подготовки и проведения спортивных соревнований, но и для организации физкультурной деятельности на образовательном и бытовом уровнях, на что нацелены многие современные спортивные комплексы, построенные или находящиеся в стадии строительства.

Все другие меры, предпринимаемые государством в порядке реализации физкультурно-спортивной политики, ориентированы на строго целевую аудиторию. Обеспечение общей доступности спортивной инфраструктуры происходит путём реализации двух групп государственных мер. Первая группа мер призвана определить реальные потребности населения в занятии физической культурой и спортом, включая развитие профессиональных услуг в этой области. Она носит исключительно информационный характер, имеет постоянную временную основу, поскольку обеспечивает как предстоящие мероприятия по созданию спортивной инфраструктуры, так и текущие действия по поддержанию объектов физической культуры и спорта в надлежащем состоянии.

К данным мерам можно отнести реализацию дифференцированного размещения указанных объектов с учетом плотности заселения соответствующей территории, транспортной доступности данных объектов, а также развиваемых в регионе видов спорта. Проводится мониторинг лиц, систематически занимающихся физической культурой и спортом, а также маркетинговые исследования по вопросам текущего состояния спроса и предложения на спортивно-оздоровительные услуги в конкретной местности. При наличии знаний об уровне активности и заинтересованности населения в занятии физической культурой и спортом можно определить объёмы мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни. В этой плоскости особый акцент делается на просветительской работе в организациях, обеспечивающих население работой или занимающихся обучением, а также по месту жительства и отдыха. Немаловажным в этом аспекте выступает использование средств массовой информации и органов местного самоуправления, что может выражаться как в создании и распространении социальной рекламы по пропаганде спорта и фи-

зической культуры¹⁵, так и в организации встреч населения с ведущими спортивными специалистами, спортсменами, политиками и общественными деятелями¹⁶.

Вторая группа мер, направленных на обеспечение доступности спортивной инфраструктуры, связана непосредственно с созданием и эксплуатацией объектов физической культуры и спорта. В частности, на это ориентировано создание сети спортивных клубов по месту жительства, в том числе так называемых «спортивных клубов выходного дня» для граждан, самостоятельно занимающихся физической культурой и спортом. В литературе отмечается, что большая доля населения, посещающего подобные заведения, является показателем высокой эффективности осуществления физкультурно-спортивной политики в зарубежных странах¹⁷. В частности, в ФРГ функционирует 85,5 тыс. различных спортивных клубов оздоровительной направленности, в США – 15 тыс., в Финляндии – 6 тыс.¹⁸

В Российской Федерации количество спортивных клубов явно недостаточно, несмотря на поставленную задачу по увеличению их числа. Исходя из этого, можно констатировать, что в настоящий момент государству необходимо наладить систему координации деятельности данных клубов. Отдельными авторами в качестве одного из способов решения данного вопроса предлагается создание единой общественной организации, которая будет являться для государства способом надлежащего контроля над процессом развития физической культуры и спорта в соответствии с декларируемыми приоритетами¹⁹.

Подобным формам организации физкультурно-спортивного досуга не хватает надлежащей материально-технической базы, вследствие чего во многих регионах России наблюдается тенденция, когда спортивный клуб, организованный по месту жительства, использует мощности образовательных или профессиональных спортивных учреждений, а в большинстве случаев вынужден переходить на исключительно коммерческую основу. Во многом решение указанной проблемы возможно с помощью такой меры, как предоставление государственной поддержки организациям, которые осуществляют строительство спортивных сооружений. В свете подготовки страны к предстоящему проведению международных спортивных соревнований актуальными становятся не только меры по софинансированию соответствующих строительных работ, но и инвестирование государственных и частных средств в данные объекты, а также предоставление хозяйствующим субъектам возможности реализации государственных программ как в области физической культуры и спорта, так и в иных направлениях²⁰. Именно обоснование финансовой базы физкультурно-спортивного сектора является главенствующей целью принятия программных документов на государственном уровне²¹. В частности, такой

характер носят многие федеральные и региональные целевые программы, принимаемые отдельно по каждому направлению политики государства²².

На реализацию цели по обеспечению общей доступности спортивной инфраструктуры также направлены меры по совершенствованию кадрового обеспечения физкультурно-оздоровительной и массовой спортивной работы на предприятиях и в учреждениях, по месту жительства населения, а также привлечение инструкторов и волонтеров по физической культуре и спорту для работы с трудоспособным населением, в том числе и с лицами старших возрастных групп. Следует отметить, что ориентация многих мер физкультурно-спортивной политики на разные социальные группы по возрастным и трудовым параметрам полностью соответствуют категории «общая доступность». Неслучайно на этом фоне в программных документах и в региональной практике проводится работа как в отношении трудоспособного населения, так и применительно к лицам с ограниченными физическими возможностями.

Таким образом, реализация физкультурно-спортивной политики происходит с помощью целого комплекса активных мер. Достижение поставленных целей и задач является результатом их успешного и правильного воплощения. Поэтому внешнее выражение подобных мер, по нашему мнению, может рассматриваться в качестве формы физкультурно-спортивной политики. Особенностью данных форм является то, что внешнее выражение физкультурно-спортивной политики воплощается в конкретной деятельности субъектов, которая направлена на формирование непротиворечивой, научно обоснованной и единой спортивной системы и осуществляется на базе принципов социально-экономической политики. Такая особенность создаёт для реализации физкультурно-спортивной политики необходимые условия, то есть выступает реализующим началом политики в целом. Поэтому под формами реализации физкультурно-спортивной политики необходимо понимать воплощение в целенаправленной деятельности субъектов спортивной системы требований, принципов и приоритетов социально-экономической политики, направленных на достижение её отдельных целей и решение обоснованных задач.

Примечания

- ¹ См.: *Зазнаев О. И.* Смешанные формы правления, или Как масло соединяется с водой // *Полис.* 2005. № 4. С. 158.
- ² См.: *Зазнаев О. И.* Типология форм правления : работа над ошибками // *Полис.* 2006. № 1. С. 92.
- ³ См.: *Прозументиков М. Ю.* Большой спорт и большая политика. М., 2004. С. 122 ; *Овсянникова К. А.* Политические аспекты участия Российской Федерации в развитии международного параолимпийского движения : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. С. 16.
- ⁴ См.: *Советский энциклопедический словарь.* М., 1981. С. 1119.
- ⁵ См.: *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 621.
- ⁶ См.: *Гуляев М. Д.* Особенности организации, руководства и управления системой развития физической культуры и спорта в новых социально-экономических условиях на региональном уровне (на примере Республики Саха (Якутия) : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. С. 144 ; *Хлопков А. В.* Социально-педагогические аспекты концепции взаимоотношения спорта и политики : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. С. 51 ; *Жердев А. Е.* Совершенствование механизмов управления сферой физической культуры и спорта : на материалах Московской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Кисловодск, 2010. С. 17.
- ⁷ См.: *Чижов А. О.* Формирование стратегии развития физической культуры и спорта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2009. С. 19 ; *Филипенко С. А.* Повышение качества жизни населения на основе совершенствования социальной политики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. С. 12 ; *Мухудадаев М. О.* Государственная социальная политика в сфере образования современной России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2011. С. 16.
- ⁸ См.: *Филипенко С. А.* Указ. соч. С. 11.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Алиферов О. Б.* Организационный механизм управления физической культурой и спортом : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. С. 17.
- ¹¹ См.: *Декарт Р.* Избранные произведения. М., 1950. С. 89.
- ¹² См.: *Заколотный Р. А.* Политическая концептология как направление политико-философских исследований : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2012. С. 12 ; *Мальцева Д. А.* Стратегическое моделирование в политике : вопросы теории : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2012. С. 17 ; *Сергеева М. А.* Формы и методы формирования и реализации инвестиционной политики региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. С. 15.
- ¹³ См.: *Бородина М. В.* Финансовые методы реализации инвестиционной политики : На примере ОАО «Российские железные дороги» : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2005. С. 13 ; *Москвина О. С.* Формирование и методы реализации региональной промышленной политики : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Вологда, 2003. С. 16.
- ¹⁴ См.: *Зазнаев О. И.* Политическая институционализация : концептуальный анализ // *Вестн. Казан. гос. техн. ун-та им. А. Н. Туполева.* 2005. № 4. С. 70–73.
- ¹⁵ См.: *Хомподоева М. В.* Информационное обеспечение физической культуры и спорта в условиях отдельного региона : на примере Республики Саха (Якутия) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. С. 9.
- ¹⁶ См.: *Макарова Е. А.* Регулирование рынка профессионального спорта с использованием PR-технологий : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. С. 11.

- ¹⁷ См.: Алиферов О. Б. Организационный механизм управления физической культурой и спортом. С. 13.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: Алиферов О. Б. Проблемы организации и управления отраслью физической культуры и спорта в Российской Федерации // Российский экономический интернет-журнал. 2011. № 4. С. 9.
- ²⁰ См.: Малышев Г. А. Формирование направлений инновационного развития спортивной инфраструктуры : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. С. 7, 16, 18.
- ²¹ См.: Зазнаев О. И., Гарипов Р. Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 143.
- ²² См.: Максимова О. Н. Совершенствование государ-

ственной поддержки при реализации федеральных целевых программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 11 ; Паздникова Н. П. Формирование системы мониторинга реализации программы социально-экономического развития региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Пермь, 2007. С. 16 ; Солинова М. В. Целевая программа как инструмент государственного стратегического управления образованием : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 9 ; Снегирев А. Ю. Федеральные программы формирования научно-технологического комплекса как основа развития промышленности России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. С. 15.

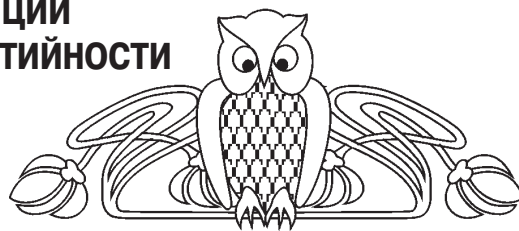
СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 329.1

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Б. А. Жедь

Ульяновский государственный университет
E-mail: zhed88@mail.ru

В статье речь идет об эволюции количественных и качественных параметров российской многопартийности в 2012–2013 гг. и перспективах политической конкуренции во взаимоотношениях политических партий, властных структур и общества в новых условиях. На основе анализа программ зарегистрированных партий дана характеристика особенностям идеологической конкуренции на либеральном, центристском и левом секторах российского партийно-политического пространства и представлен прогноз о перспективах сегодняшних партий-фаворитов.

Ключевые слова: политические партии, партийное строительство, либерализация многопартийности, политическая конкуренция, идеологическая конкуренция, политические риски, политические технологии.

Features of the Political Competition in the Conditions of Liberalization Multi-party System in Modern Russia

B. A. Zhed

This article is about evolution of quantitative and qualitative parameters of the Russian multi-party system in 2012–2013 and tendencies of the political competition between political parties, power structures and societies in new conditions. As the result of the analysis of programs of political parties the characteristic to features of the ideological competition on liberal, centrist and left sectors of the Russian party and political space is given and the forecast about prospects of today's leading parties is submitted.

Key words: political parties, party construction, multi-party system liberalization, political competition, ideological competition, political risks, political technologies.

В декабре 2011 г. действовавший в тот период Президент РФ Д. А. Медведев публично заявил о новом этапе модернизации российской партийной системы. Но начался он после президентских выборов в марте 2012 г., так что последовавшие существенные изменения в партийном строительстве связывались уже с началом третьего президентского срока В. В. Путина. Наиболее существенные изменения коснулись численности участников политической партии, необходимой для ее регистрации, – с 40 тысяч до 500 человек. Было снято также требование к численности региональных отделений партий, которые должны быть представлены не менее чем в половине субъектов Российской Федерации¹.

В связи с возвращением выборности губернаторов расширилось политическое пространство деятельности российских партий. Это кардинальным образом изменило количественные параметры конкурентности партийной среды в современной России. Если в конце 2011 г. в России действовало 7 политических партий, то к июлю 2013 г. на сайте Министерства юстиции Российской Федерации были зарегистрированы 72 политические партии², то есть количество конкурирующих на выборах субъектов политики формально увеличилось в 10 раз. Кроме того, документы 95 организаций на 12 июля 2013 г. находились на рассмотрении Минюста³.

- ¹⁷ См.: Алиферов О. Б. Организационный механизм управления физической культурой и спортом. С. 13.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: Алиферов О. Б. Проблемы организации и управления отраслью физической культуры и спорта в Российской Федерации // Российский экономический интернет-журнал. 2011. № 4. С. 9.
- ²⁰ См.: Малышев Г. А. Формирование направлений инновационного развития спортивной инфраструктуры : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. С. 7, 16, 18.
- ²¹ См.: Зазнаев О. И., Гарипов Р. Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 143.
- ²² См.: Максимова О. Н. Совершенствование государ-

ственной поддержки при реализации федеральных целевых программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 11 ; Паздникова Н. П. Формирование системы мониторинга реализации программы социально-экономического развития региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Пермь, 2007. С. 16 ; Солинова М. В. Целевая программа как инструмент государственного стратегического управления образованием : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 9 ; Снегирев А. Ю. Федеральные программы формирования научно-технологического комплекса как основа развития промышленности России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. С. 15.

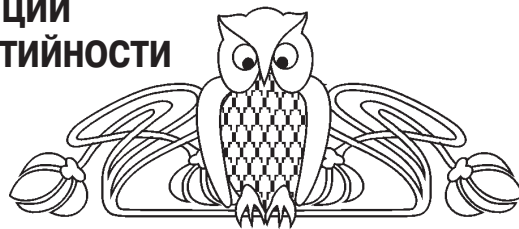
СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 329.1

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Б. А. Жедь

Ульяновский государственный университет
E-mail: zhed88@mail.ru

В статье речь идет об эволюции количественных и качественных параметров российской многопартийности в 2012–2013 гг. и перспективах политической конкуренции во взаимоотношениях политических партий, властных структур и общества в новых условиях. На основе анализа программ зарегистрированных партий дана характеристика особенностям идеологической конкуренции на либеральном, центристском и левом секторах российского партийно-политического пространства и представлен прогноз о перспективах сегодняшних партий-фаворитов.

Ключевые слова: политические партии, партийное строительство, либерализация многопартийности, политическая конкуренция, идеологическая конкуренция, политические риски, политические технологии.

Features of the Political Competition in the Conditions of Liberalization Multi-party System in Modern Russia

B. A. Zhed

This article is about evolution of quantitative and qualitative parameters of the Russian multi-party system in 2012–2013 and tendencies of the political competition between political parties, power structures and societies in new conditions. As the result of the analysis of programs of political parties the characteristic to features of the ideological competition on liberal, centrist and left sectors of the Russian party and political space is given and the forecast about prospects of today's leading parties is submitted.

Key words: political parties, party construction, multi-party system liberalization, political competition, ideological competition, political risks, political technologies.

В декабре 2011 г. действовавший в тот период Президент РФ Д. А. Медведев публично заявил о новом этапе модернизации российской партийной системы. Но начался он после президентских выборов в марте 2012 г., так что последовавшие существенные изменения в партийном строительстве связывались уже с началом третьего президентского срока В. В. Путина. Наиболее существенные изменения коснулись численности участников политической партии, необходимой для ее регистрации, – с 40 тысяч до 500 человек. Было снято также требование к численности региональных отделений партий, которые должны быть представлены не менее чем в половине субъектов Российской Федерации¹.

В связи с возвращением выборности губернаторов расширилось политическое пространство деятельности российских партий. Это кардинальным образом изменило количественные параметры конкурентности партийной среды в современной России. Если в конце 2011 г. в России действовало 7 политических партий, то к июлю 2013 г. на сайте Министерства юстиции Российской Федерации были зарегистрированы 72 политические партии², то есть количество конкурирующих на выборах субъектов политики формально увеличилось в 10 раз. Кроме того, документы 95 организаций на 12 июля 2013 г. находились на рассмотрении Минюста³.

Если проанализировать программы новых партий через призму усложнения и расширения конкурентности партийно-идеологического пространства, то можно выделить следующие группы партий. Содержательно выраженную либеральную ориентацию имеют девять зарегистрированных в этот период партий: «Демократическая правовая Россия», «Гражданская платформа», «Гражданская сила», «Демократический выбор», Демократическая партия России, «Достоинство», Партия свободных граждан, Республиканская партия России – Партия народной свободы и Социально-прогрессивная партия России. Однако большинство из них представляют собой «стыдливых» сторонников либерализма, фактически не используя данное понятие в программах и уставах своих партий.

Типичным примером таких завуалированных предложений по либерализации политической системы современной России может служить программа политической партии «Гражданская платформа»: «...добиться принятия необходимых поправок в действующее законодательство и обеспечить проведение честных выборов, в том числе через введение механизма, препятствующего гражданину голосовать более одного раза, ограничение досрочного голосования и голосования на дому, отмену открепительных удостоверений, возврат в бюллетени для голосования графы “против всех”, оборудование всех участков автоматическими устройствами для голосования, запрет удаления наблюдателей на всем протяжении процесса выборов и подсчета голосов, введение для политических партий санкций в случае отказа от мандатов кандидатов, избранных по списку данной партии»⁴. Среди других предложений – ослабление вертикали власти, ликвидация федеральных округов, укрепление независимости судебной власти, гуманизация системы уголовного права и системы исполнения наказания, обеспечение светского характера государства, создание профессиональной армии, снижение роли государства в российской экономике, стимулирование развития фермерских хозяйств и др.

В вопросе о роли конкуренции типичным можно назвать подход, представленный в программе ОПП «Достоинство», суть которого состоит в построении в России «эффективной демократической политической системы, в рамках которой мирным путем и без каких-либо потрясений могут реализовываться разные подходы и идеологии государственного строительства и общественного развития, при неизменных гарантиях прав и свобод граждан и невозможности узурпации власти той или иной политической силой»⁵.

Фактически о своей приверженности идеологии социального либерализма открыто заявили в своей программе только представители РОДП «Яблоко»⁶. Даже лидеры партии «Правое дело» избегают идеологического позиционирования в качестве открытых сторонников либерализма,

хотя в их партийной программе его ценности представлены последовательно и развернуто⁷. Наиболее радикально настроенная по отношению к действующей власти Республиканская партия России – Партия народной свободы всего лишь единожды использует данное идеологическое позиционирование в своей программе, подчеркивая, что России нужна «подлинная федерализация, децентрализация и либерализация»⁸.

Как представляется, данная ситуация в либеральном партийно-идеологическом секторе российского политического пространства обусловлена следующими факторами. Нежелание открыто позиционировать свою приверженность к либеральному лагерю (хотя большинство указанных партий содержательно раскрывает в своих программах именно ценности и принципы либерализма), в первую очередь, можно объяснить дискредитацией данной идеологии реформами 1990-х гг., проводимыми под либеральными лозунгами. Это важная, но не единственная причина. Ключевую роль играет также стремление воспользоваться оппозиционными настроениями довольно значительной части российского населения, недовольной коррупцией, бюрократизмом и неповоротливостью сложившейся политической и социально-экономической системы. На наш взгляд, лидеры новых партий исходят из того, что существенная часть данного электората не доверяет всем действовавшим в постсоветский период и действующим сегодня политическим институтам, в том числе и всем идеологиям. Поэтому привлечь на свою сторону протестный электорат предполагается «новыми» идеями, не опороченными никакими конкретными «измами». Иными словами, «старое вино» либерализма пытаются влить в новые партийные «мехи» под самыми разными деидеологизированными названиями.

Таким образом, имеет место тенденция формальной деидеологизации партийного строительства на правом фланге. Последствием ее может стать дальнейшее ослабление конкурентного потенциала либерального партийного сегмента. С одной стороны, с тактической точки зрения такая завуалированная либеральная оппозиционная программа действительно может привести к победе на выборах по одномандатному округу с учетом наличия определенной харизмы, личного ресурса у партийного лидера и грамотно проведенной предвыборной кампании. С другой стороны, чрезмерная институциональная фрагментация приводит к повышению конкуренции партий и лидеров внутри данного сегмента и оттяжке голосов и так не слишком мощного ядра либерально ориентированного электората. В результате шансы формирования сильной правой партии, способной на устойчивое преодоление избирательного барьера на выборах по пропорциональной системе, становятся достаточно призрачными.

Еще более пестрой выглядит картина, которая складывается на левом фланге партийного

строительства в современной России (по нашим подсчетам, там насчитывается более двух десятков политических партий). Однако в нем есть определенные отличия от правого фланга. Во-первых, левоориентированный сегмент электората намного мощнее либерального (даже если брать за основу только устойчиво голосовавших за КПРФ и «Справедливую Россию»). Этот электоральный ресурс служит определенной предпосылкой для возможно успешной его перегруппировки вокруг «старо-новых» партий. Во-вторых, на левом фланге конкурирует несколько групп партий, имевших четкое идеологическое позиционирование.

Прежде всего, имеет место социал-демократическое крыло, на котором лидирующие позиции занимает «Справедливая Россия», соединившая ценности европейской социал-демократии со специфически российским пониманием социальной справедливости. Центристские позиции (пока наиболее устойчивые) занимает КПРФ, которой удается синтезировать в своей программе ностальгию по коммунистическим идеалам советского прошлого с социал-демократическими ценностями, отражающими реалии современной России. Ведущие партии теперь будут конкурировать с такими партиями, как Социал-демократическая партия России, Российская социалистическая партия, партия «За справедливость!», Партия социальной защиты, Партия мира и единства, «Честно» (Человек, Справедливость, Ответственность), «Рожденные в Союзе Советских Социалистических Республик», Партия социальных реформ, Партия социальной солидарности. Наиболее левые позиции занимают радикальные антикапиталистические партии типа «Российского Объединённого Трудового Фронта».

Анализ программ новых левых партий позволяет выделить следующие тенденции в партийном строительстве на данном фланге за последние два года. Первая связана с регистрацией партий-спойлеров, главная задача которых видится в оттягивании голосов, прежде всего у КПРФ и «Справедливой России». К ним, на наш взгляд, относятся, прежде всего: Коммунистическая партия социальной справедливости (чего стоит одна аббревиатура КПСС), партия «Коммунисты России», политическая партия «За справедливость»⁹. Их деятельность действительно может нанести определенный ущерб КПРФ и «Справедливой России» не за счет конкуренции программ и демонстрации преимуществ лидеров, а за счет специфической и в некотором смысле беспроигрышной «серой» технологии включения в название партии-спойлера ключевых слов-символов ведущих партий.

Вторая тенденция связана со значительным ростом общего числа зарегистрированных левых партий. Он вызван, на наш взгляд, продолжающимся недовольством значительной части российского населения переходом к рыночным капиталистическим отношениям, резким рас-

слоением общества, деиндустриализацией, ослаблением социальной роли государства, падением престижа России в мире и т. д. Поэтому многие новые партии стремятся даже своим названием вызвать ностальгию по СССР как великой индустриальной и мощной державе. На это, например, нацелена политическая партия «Рожденные в Союзе Советских Социалистических Республик». Часть новых организаций позиционируют себя в качестве трудовых партий: «Российский Объединённый Трудовой Фронт», Трудовая партия России, «Союз труда».

Третья тенденция проявляется в стремлении ряда левых партий отказаться от четкого идеологического позиционирования и сделать акцент на понятных большинству населения лозунгах. Примером такой максимально деидеологизированной партии левого толка может служить Всероссийская политическая партия «ИСТИНА». В ее программе ставится задача показать людям *новый путь* развития российского общества, основанный на истинном народовластии, и провозглашается цель – строительство в России справедливого, свободного и солидарного общества. Осуществить эту цель лидеры предлагают за счет восстановления истинных ценностей: законности, справедливости, нравственности, духовности и патриотизма. Программа партии включает следующие лозунги: «Каждый может и должен быть здоровым, счастливым и состоятельным», «Наше богатство – дух нашего народа», «Перед законом все равны», «Чиновники – слуги народа и должны выполнять его волю», «Власть должна быть подконтрольна народу», «Мы не против богатых, мы за то, чтобы не было бедных». Девиз партии – «Разум, свобода, согласие, единство»¹⁰. Набор данных ценностей и популистских лозунгов, несмотря на их эклектичность и бессистемность, вполне может стать мотивационным фактором воздействия на левый электорат.

Обозначенные тенденции значительно осложняют деятельность партий-фаворитов на левом фланге, особенно с учетом того факта, что значительно усилилось также партийное крыло, ориентирующееся в своих приоритетах на ценности патриотизма. Некоторые из них придерживаются преимущественно левых взглядов (Всероссийская социалистическая народная партия «Отчизна»), другие делают акцент на консервативных, национально-патриотических ценностях (Партия «Великое Отечество», Партия Возрождения России, «Защитники Отечества», «Родина», «Родная Страна»). Акцент на духовных и патриотических ценностях делает Партия Духовного Преображения России». Зарегистрирована также радикально консервативная Монархическая партия. В любом случае, будучи различными по пропагандируемым духовным и религиозным ценностям, они конкурируют, прежде всего, с КПРФ и «Справедливой Россией», фрагментируя и ослабляя патриотиче-

скую и государственническую мотивацию голосования за левую оппозицию.

Кроме того, нужно учитывать, что зарегистрирован целый ряд российских партий с идеологизированными названиями, но нацеленными на определенные сегменты электората, имеющего общие интересы по вполне конкретным основаниям. Это, прежде всего, партии, декларирующие целью своей деятельности поддержку российской деревни: «Возрождение аграрной России», Аграрная партия России, Партия Возрождения Села, Объединенная аграрно-промышленная партия России. Думается, что данные партии смогут оттянуть часть голосов у КПрФ, имеющей традиционно сильные позиции в аграрном секторе, а также у «Единой России», которая как правящая партия также получала солидную долю голосов сельских избирателей, особенно на муниципальных выборах.

Другие партии ориентируются на старшие возрастные электоральные сегменты (Российская партия пенсионеров за справедливость, Партия пенсионеров России, Партия ветеранов России). С учетом того, что пенсионеры представляют собой самый активный сегмент электората, можно предположить, что вполне возможно его определенное переструктурирование в пользу данных партий. На интересы молодежного электората рассчитывает партия «Молодая Россия».

На гендерные интересы избирателей-женщин ориентируются Всероссийская политическая партия «Женский Диалог», а также Народная партия «За женщин России». Партии «Города России» и «Союз горожан» предполагают получить поддержку городских избирателей, у которых нет идеологической мотивации, но есть общность интересов среды обитания. Казачья партия Российской Федерации также рассчитывает на экстерриториальную поддержку представителей своей социальной группы.

Очевидными представляются социальные ориентиры таких партий, как «Интернет Партия Российской Федерации», Российская партия автомобилистов России «РОСПА», Партия налогоплательщиков России, Российская партия садоводов. В очередной раз пытается закрепиться на политическом пространстве России экологическая партия «Альянс Зеленых – Народная партия».

Особняком стоит партия «Умная Россия», в программе которой авторы попытались обосновать задачи политического объединения «креативного класса» и стать «партией, лидирующей в киберпространстве»¹¹.

Зарегистрирована также партия «Против всех», которая позиционирует себя как «демократическая либерально-консервативная партия, имеющая миссию превращения Российской Федерации в страну свободных граждан, обладающих широкими правами самостоятельного участия в общественно-политических преобразованиях»¹².

Однако анализ последствий плюрализации партийного пространства современной России, выявление основных тенденций и перспектив его развития невозможны без учета еще одного ключевого фактора. В результате реформирования 12 июня 2013 г. «Общероссийского Народного Фронта» в одного из ведущих политических игроков, пользующегося официальной поддержкой действующего Президента Российской Федерации¹³, ситуация с развитием партийной системы становится вовсе не столь очевидной, как это предполагали многие аналитики в 2012 г. Встав во главе «Народного Фронта – За Россию», В. В. Путин публично позиционировал и четко обозначил новый вектор и новые перспективы развития российской многопартийности. Он заявил на учредительном съезде, что ОНФ должен стать «широким общественным движением, чтобы у всех граждан страны была возможность ставить свои, народные задачи, добиваться их исполнения, сдвигать с места те вопросы, которые иногда тонут в бюрократическом болоте, напрямую вносить свои предложения, которые затем станут законами и государственными решениями»¹⁴.

Фактически В. В. Путин публично признал, что сложившаяся в годы его президентства партийная система, основанная на доминировании «Единой России» и управляемой конкуренции, оказалась неэффективной и забюрократизированной. В качестве главных публичных аргументов в пользу нового институализированного инструмента своей политики президент выдвинул обеспечение возможности людям «использовать имеющиеся инструменты влияния на общественные процессы, искать новые инструменты, умело их применять. Нужно выдвигать новых людей, новых кандидатов, участвовать в выборах, выдвигать своих людей, востребованных для этих выборов. Но самое главное, чтобы эта работа была живой, она должна быть напрямую связана с людьми, с их интересами и с решением их проблем»¹⁵.

Говорить о конкретных характеристиках данного субъекта политики и его ресурсных возможностях пока еще рано по причине слишком малого количества времени после его институализации. Вместе с тем, подводя итог тем тенденциям, которые были нами выявлены в развитии многопартийности за последний год, можно попытаться теоретически обобщить и спрогнозировать возможные последствия реализации данного политического проекта либерализации партийного пространства в современной России.

Формализация НФ в качестве ведущего политического игрока дает основание предположить несколько вариантов трансформации партийной, а возможно, и всей политической системы России.

Первый вариант состоит в том, что «Единая Россия», стереотипно воспринимаемая значительной частью населения как партия чиновников и бюрократов, постепенно может стать главной мишенью критики со стороны НФ. В этом случае

единороссы неизбежно утратят значительную часть своего административного и политического ресурса и переместятся в своем позиционировании вправо, уступив место в центре и слева аморфному и всеядному с идеологической точки зрения ОНФ во главе с действующим президентом. Неизбежная социал-демократическая направленность данного движения поставит вопрос о дальнейшей политической судьбе «Справедливой России». В рамках данного варианта лидерам и рядовым членам партии останется либо влиться в НФ и составить организационное и программное ядро в рыхлом и разнородном движении, либо стать маргинальной партией, не выдержав борьбы со стороны серьезного конкурента на левоцентристском сегменте политического пространства. Судьбу КПРФ, скорее всего, будут решать партии-спойлеры, «отщипывающие» свои кусочки радикально настроенного левого электората и уменьшающие шансы остаться в Государственной думе.

«Единая Россия» в этом случае вынуждена будет (скорее всего временно, на период предстоящего электорального цикла) смириться с утратой своих лидирующих позиций на федеральных и региональных выборах, хотя и сохранит значительную часть своего организационного ресурса. Положительной стороной утраты статуса «партии власти» станет возможность избавления от сегодняшних стереотипных негативных характеристик, составляющих основу контримиджа единороссов. Самым щекотливым местом трансформации данной партии будет вопрос о возможной оппозиционности В. В. Путину, именем которого партия публично обосновывала и легитимировала свою деятельность с момента своего возникновения. Возможно, будет выбрана модель публичного позиционирования оппозиционности, апробированная на опыте «Справедливой России» в момент ее конструирования. Суть ее проста: против коррупции, бедности, чиновников и т. д., но за стратегический курс Президента Российской Федерации.

На правом фланге возможно укрепление позиций умеренной либерально ориентированной парламентской партии, потребность в наличии которой обусловлена и внутренними, и внешними факторами.

Для концентрации голосов националистически настроенной оппозиции возможно продвижение альтернативы бессменному лидеру ЛДПР В. В. Жириновскому.

В любом случае в рамках данного варианта будет реализован стратегический замысел конструирования новой модели имитации конкуренции двух ведущих политических партий Российской Федерации, а также нескольких второстепенных политических сил, ориентированных на отдельные электоральные сегменты. Огромное количество других партий будет служить естественно-стихийным и управляемым политическим пространством, главное предназначение

которого заключается в решении конкретных инструментальных политико-технологических задач: создание имиджа максимально плюралистической модели российской многопартийности; предоставление формальной возможности для выражения всего многообразия социальных интересов российского населения; создание эффекта плюралистического и конкурентного информационного и идеологического пространства; сегментирование электората; оттяжка голосов; другие вспомогательные функции.

Второй вариант прогноза эволюции российской многопартийности представляется более проблематичным и противоречивым. Суть его видится в том, что «Народный Фронт» попытается заменить институционально, организационно и функционально «Единую Россию» в сложившейся олигопольной партийной системе. В этом случае проигравшая «Единая Россия» должна будет сконцентрировать на себе все недовольство российских граждан действующей властью и тем самым мотивировать голосование большинства населения за новую пропрезидентскую политическую силу. Однако большинство представителей политической элиты федерального и регионального уровня, входящих сегодня в состав «Единой России», вряд ли согласятся даже на временную роль «статистов-громоотводов», не имеющих реального участия во власти, и начнется неизбежный переход сегодняшних чиновников-единороссов в новую структуру-фаворит. В результате «Народный Фронт» приобретет те же самые контримиджевые характеристики, которые сегодня тяжким грузом лежат на «Единой России». Вариант доминирующей роли НФ, идентичной роли сегодняшней партии власти, может быть успешным (по крайней мере, на один электоральный цикл), на наш взгляд, только в том случае, если произойдет существенное обновление лидерского корпуса нового пропрезидентского движения за счет ярких личностей, не отягощенных принадлежностью к сегодняшней власти.

В этом случае имитацию конкуренции могут выполнять либо проверенные опытом сегодняшние парламентские партии, либо может произойти определенная их ротация за счет продвижения новых партийных проектов. Главное, что они не смогут даже потенциально составить конкуренцию доминирующей партии в Государственной думе Российской Федерации и региональных парламентах.

Указанные два варианта развития многопартийности вовсе не исчерпывают всего многообразия возможностей развития событий (например, формирование на базе «Единой России» трех партий, соответствующих действовавшим на ее базе дискуссионным клубам). Нужно учитывать, что любое партийное проектирование в условиях нормативно закреплённой многопартийности с довольно либеральными условиями регистрации и функционирования партий может

столкнуться с новыми харизматичными лидерами, способными изменить общественное мнение российского населения в свою пользу. Поэтому нельзя исключать появления новых сильных игроков, которые могут повернуть эволюцию партийной системы в современной России по какому-либо другому варианту.

Примечания

- 1 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»: федер. закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Список зарегистрированных политических партий. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 15.07.2013).
- 3 См.: Сведения о действующих организационных комитетах политических партий по состоянию на 12.07.2013. URL: <http://minjust.ru/node/2459?theme=minjust?theme=minjust> (дата обращения: 15.07.2013).
- 4 Программа и Устав Политической партии «Гражданская Платформа». URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 25.05.2013).
- 5 Программа партии // Партия «Достоинство»: [сайт]. URL: <http://dostoin.org/index.php/extensions/programma-partii> (дата обращения: 26.05.2013).
- 6 См.: Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко» – «Демократический

манифест». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2272> (дата обращения: 25.05.2013).

- 7 См.: Программа Всероссийской политической партии «Правое дело». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2269> (дата обращения: 26.05.2013).
- 8 Программа и Устав Политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2428> (дата обращения: 26.05.2013).
- 9 См.: Список зарегистрированных политических партий. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 25.05.2013).
- 10 См.: Программа Всероссийской политической партии «ИСТИНА». URL: <http://minjust.ru/ru/node/5239> (дата обращения: 15.07.2013).
- 11 Программа и Устав Политической партии «Умная Россия». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2351> (дата обращения: 27.05.2013).
- 12 Программа и Устав Политической партии «Против всех». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2636> (дата обращения: 27.05.2013).
- 13 См.: ОНФ принял манифест и устав. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1094023> (дата обращения: 28.06.2013).
- 14 Съезд Общероссийского Народного Фронта завершил работу. URL: <http://onf.ru/2013/06/12/sezd-zavershil-rabotu/> (дата обращения: 29.06.2013).
- 15 Там же.

УДК 329(47)

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Т. С. Салтыханов

Саратовский государственный университет
E-mail: timures@yandex.ru

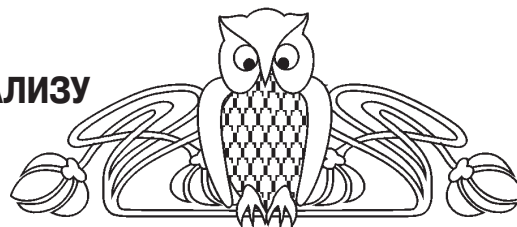
В данной статье представлен анализ развития научных подходов к исследованию политической активности современного крестьянства в России. Автор приходит к выводу, что основной проблемой в исследовании крестьянской проблематики является отсутствие четкой методологии. Также среди исследователей нет устоявшейся доминанты в понимании сути политической субъектности крестьянства.

Ключевые слова: политическая активность, сельские жители, современные крестьяне, исследование политической активности.

Features of the Historical and Political Science Approaches to the Analysis of Political Subjectivity of the Russian Peasantry

T. S. Saltikhanov

This paper presents an analysis of the development of scientific approaches to the study of contemporary political activity of the

peasantry in Russia. The author comes to the conclusion that the main problem in the study of peasant problems is the lack of a clear methodology. Also among the researchers have not established dominance in understanding the political subjectivity of the peasantry. **Key words:** political activity, villagers, modern peasants, research of political activity.

Актуализация вопросов, связанных с дальнейшими судьбами крестьянства в России, неслучайна: как справедливо отмечает Н. П. Носова, «на всех наиболее значительных поворотах истории нашей страны аграрные проблемы, как правило, выдвигаются на первый план»¹.

За прошедшее пореформенное двадцатилетие накоплен богатый теоретический материал. Имеются и эмпирические данные, хотя далеко не в нужном объеме, но и на основании существующих, казалось бы, можно сделать необходимые выводы и обобщения. Однако по-прежнему в науке нет четкой дефиниции крестьянства как

столкнуться с новыми харизматичными лидерами, способными изменить общественное мнение российского населения в свою пользу. Поэтому нельзя исключать появления новых сильных игроков, которые могут повернуть эволюцию партийной системы в современной России по какому-либо другому варианту.

Примечания

- 1 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» : федер. закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Список зарегистрированных политических партий. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 15.07.2013).
- 3 См.: Сведения о действующих организационных комитетах политических партий по состоянию на 12.07.2013. URL: <http://minjust.ru/node/2459?theme=minjust?theme=minjust> (дата обращения: 15.07.2013).
- 4 Программа и Устав Политической партии «Гражданская Платформа». URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 25.05.2013).
- 5 Программа партии // Партия «Достоинство» : [сайт]. URL: <http://dostoin.org/index.php/extensions/programma-partii> (дата обращения: 26.05.2013).
- 6 См.: Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко» – «Демократический

манифест». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2272> (дата обращения: 25.05.2013).

- 7 См.: Программа Всероссийской политической партии «Правое дело». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2269> (дата обращения: 26.05.2013).
- 8 Программа и Устав Политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2428> (дата обращения: 26.05.2013).
- 9 См.: Список зарегистрированных политических партий. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 25.05.2013).
- 10 См.: Программа Всероссийской политической партии «ИСТИНА». URL: <http://minjust.ru/ru/node/5239> (дата обращения: 15.07.2013).
- 11 Программа и Устав Политической партии «Умная Россия». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2351> (дата обращения: 27.05.2013).
- 12 Программа и Устав Политической партии «Против всех». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2636> (дата обращения: 27.05.2013).
- 13 См.: ОНФ принял манифест и устав. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1094023> (дата обращения: 28.06.2013).
- 14 Съезд Общероссийского Народного Фронта завершил работу. URL: <http://onf.ru/2013/06/12/sezd-zavershil-rabotu/> (дата обращения: 29.06.2013).
- 15 Там же.

УДК 329(47)

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Т. С. Салтыханов

Саратовский государственный университет
E-mail: timures@yandex.ru

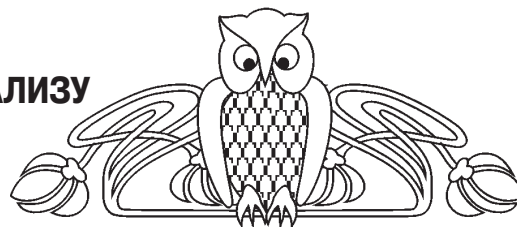
В данной статье представлен анализ развития научных подходов к исследованию политической активности современного крестьянства в России. Автор приходит к выводу, что основной проблемой в исследовании крестьянской проблематики является отсутствие четкой методологии. Также среди исследователей нет устоявшейся доминанты в понимании сути политической субъектности крестьянства.

Ключевые слова: политическая активность, сельские жители, современные крестьяне, исследование политической активности.

Features of the Historical and Political Science Approaches to the Analysis of Political Subjectivity of the Russian Peasantry

T. S. Saltikhanov

This paper presents an analysis of the development of scientific approaches to the study of contemporary political activity of the

peasantry in Russia. The author comes to the conclusion that the main problem in the study of peasant problems is the lack of a clear methodology. Also among the researchers have not established dominance in understanding the political subjectivity of the peasantry. **Key words:** political activity, villagers, modern peasants, research of political activity.

Актуализация вопросов, связанных с дальнейшими судьбами крестьянства в России, неслучайна: как справедливо отмечает Н. П. Носова, «на всех наиболее значительных поворотах истории нашей страны аграрные проблемы, как правило, выдвигаются на первый план»¹.

За прошедшее пореформенное двадцатилетие накоплен богатый теоретический материал. Имеются и эмпирические данные, хотя далеко не в нужном объеме, но и на основании существующих, казалось бы, можно сделать необходимые выводы и обобщения. Однако по-прежнему в науке нет четкой дефиниции крестьянства как

политического субъекта. Это связано, по нашему мнению, с отсутствием методологических основ анализа темы.

В советскую эпоху к историческим и современным проблемам политической субъектности крестьянства было приковано самое пристальное внимание исследователей. Колонизационные процессы, крестьянские войны и бунты, сопротивление крестьянства «реформам сверху», осуществляемым самодержавной властью, с одной стороны, участь крестьянства в революционном движении, Гражданской войне, коллективизации и индустриализации, культурной революции первой половины XX в., с другой, – круг фактов, обращаясь к которым, исследователи выявляли тенденции в развитии политической субъектности российского крестьянства, был весьма широк. Проблема заключается в оценке того, насколько данные, анализируемые советскими историками, были репрезентативны.

В теоретическом плане советские исследователи опирались на теорию классовой борьбы, которая позволяла, например, снять вопрос о природе непропорциональности общей массы крестьян в структуре российской социальной системы тому, как эта масса заявляет о своих интересах и проявляет готовность их отстаивать политическими средствами. Крестьянская масса была в этом отношении исторически «молчаливой». Теория классовой борьбы позволяла исследователям исходить из предположения, что историческое «молчание» крестьян по поводу своих политических интересов, факты очевидной аполитичности позиции крестьянства в решении конфликтов с государственной властью (бегство на Украину и на Дон, уход «в раскол») – все это компенсировалось исконной классовой природой крестьянского сознания как такового. Крестьянам не надо было постоянно говорить о своих политических интересах потому, что «классовый инстинкт» подсказывал им, что они должны бороться с самодержавной властью и помещиками и быть союзниками пролетариата в его борьбе против городской и сельской буржуазии.

В угоду существующей теории отбирались одни факты и замалчивались другие; современные исследователи отмечают догматизм, схематичность, тенденциозность в освещении темы, узость источниковой базы либо толкование источников в сугубо «партийном» идеологическом направлении². В соответствии с постулатами, изложенными в «Краткой истории ВКП(б)», крестьяне были разделены на противоборствующие «классы» – «кулаков», «средняков» и «деревенскую бедноту», причем «количество средних крестьян с каждым годом уменьшалось»³. В соответствии с идеологией именно беднейшие слои крестьянства назывались главной опорой режиму как «наиболее близкие к пролетариату элементы»⁴. Правда, в процессе осмысления крестьянской войны 1919–1920 гг. фактический курс «линии партии»

был отредактирован, и вектор сместился в сторону «средняков»: «проблема борьбы крестьянства с диктатурой коммунистов была подменена военно-политическим союзом рабочего класса со средним крестьянством, причем в освещении вопроса допускалось немало фальсификаций, злоупотреблений ленинскими цитатами, отношение к которым становилось все более догматическим»⁵. Исторический и политологический подход в данном случае слились воедино: исторические факты были настолько подчинены политике, что у истории не оставалось другого выхода, как подпитывать политологию нужными «иллюстрациями» в «нужный момент», в свою очередь, политологи вынуждены были обращать внимание только на эти самые «нужные факты» и ни на какие другие.

Сегодня очевидно, что методология анализа крестьянства с точки зрения «теории борьбы классов» и тогда уже не была корректной в отношении России, так как не отражала истинных реалий. Тем более эта идеология не может быть применена к существующей в России ситуации. Вследствие этого историческая и политологическая наука пребывает в растерянности: период отрицания всего и вся 1990-х гг. прошел, анализировать материал «от противного» больше не представляется возможным, а новой внятной методологии пока не предложено.

Гораздо более размытыми (но и более достоверными одновременно), чем в советскую эпоху, выглядят представления современных исследователей о политической субъектности крестьянства. «Специфическое положение русского крестьянства, – пишет, например, в одной из своих последних публикаций А. И. Фурсов, – когда его общинность диктовалась не только его интересами, но также интересами и давлением власти, обусловило парадоксальную специфику русского крестьянина, который не столько коллективист, сколько антииндивидуалист, и не столько индивидуалист, сколько антиколлективист, причем оба анти одновременно»⁶. Политологам, по сути, остается выстраивать свои суждения о крестьянстве вокруг этого тезиса о «раздвоении личности» крестьянства, точнее, раздвоении его политико-культурной идентичности. Поэтому получить непротиворечивое и целостное определение того, что есть политическая субъектность крестьянства, в таких условиях затруднительно.

У современной политической науки в России нет теории, которая, подобно теории классовой борьбы в прежнее время, объяснила бы, почему крестьянство молчаливо отреагировало на либеральные катастрофические реформы 1990-х гг., почему не говорило четко о своих политических запросах и тогда, когда демократизация российской политики дала ему возможность говорить об этом открыто. Оно не откликнулось даже на инициативу либеральных реформаторов превратить его в класс собственников-фермеров. Хотя, казалось бы, здесь от крестьянства и не требовалось большой

политической сознательности, здесь свою роль должен был сыграть как раз «собственнический инстинкт», но не сыграл. И возник вопрос: какого рода инстинкт заставляет молчать крестьянство, когда оно становится важным участником процесса создания гражданского общества?

Паллиативным методологическим решением для отечественной политической науки стало создание синтетической теории, характеризующей состояние политической субъектности крестьянства. В гуманитарных науках теоретический синтез всегда представлялся неким идеалом. В данном случае формально этот идеал достигнут, но само содержание теоретических представлений далеко не только от совершенства, но и от простой функциональности. Одним элементом синтеза стала теория «исконных начал русской жизни». Ее современные трактовки, если судить по набору ссылок на труды русских консервативных и народнических мыслителей, восходят к XIX столетию и уже в этом смысле лишены теоретической новизны. Второй элемент синтетической конструкции – «теория ментальности», которая мало приспособлена к синтезу с «почвенническим» элементом⁷.

Фактически вместо теоретического синтеза в методологии исследования политической субъектности российского крестьянства образовался методологический раскол. Особенность современной ситуации с политологическим исследованием крестьянской проблематики сегодня, на наш взгляд, заключается в том, что

этот методологический раскол исследователи пытаются оправдать и объяснить, экстраполируя собственные нестыковки в теории на нестыковки в политической культуре крестьянства. Свое непонимание природы политической субъектности крестьянства они оправдывают тем, что у самого крестьянства отсутствует четкое понимание своей политической субъектности. На первый взгляд, это подтверждается эмпирическими данными: лишь 24,1% сельчан, согласно исследованию автора статьи, относят себя к сельским жителям (табл. 1). Это второй по популярности ответ, опережает его только идентификация с россиянами в целом (32,5%), однако очевидно, что это менее трети опрошенных, и этого недостаточно для мобилизации внутренних политических ресурсов огромной массы сельского населения. 31,25% респондентов на вопрос «Представляет ли крестьянство сплоченную социальную группу?» дали твердый отрицательный ответ, и почти половина (43,13%) – затруднились идентифицировать как-то современное крестьянство (рисунок).

Интересно, что среди тех, кто все же считает крестьянство единой социальной общностью, большинство (32,4%) видят суть родства в месте проживания (то есть речь идет о так называемом «родстве механическом», которое человек не выбирает сознательно, а принимает с рождения как данность). «Родство сознательное» признали лишь 12% – именно столько отметили вариант «интересы и проблемы» (табл. 2)⁸.

Таблица 1

К какой группе из нижеперечисленных Вы себя прежде всего относите

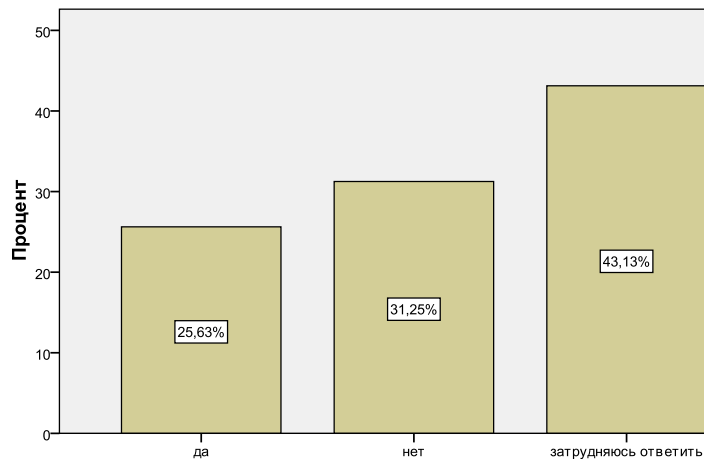
Группа ^а	Ответы		Процент наблюдений
	N	Процент	
К россиянам	104	32,5	65,0
К сельским жителям	77	24,1	48,1
К представителям своей нации	50	15,6	31,3
К представителям своего возраста	33	10,3	20,6
К представителям своего пола	27	8,4	16,9
К своим единомышленникам, членам группы по интересам	12	3,8	7,5
К представителям своей профессии	17	5,3	10,6

Примечания. а. Дихотомическая группа подсчитывается по значению 1.

Таблица 2

Группа ^а	Ответы		Процент наблюдений
	N	Процент	
Место проживания	111	32,4	69,8
Род деятельности	26	7,6	16,4
Традиции	26	7,6	16,4
Образ жизни	55	16,0	34,6
Исторические корни	25	7,3	15,7
Интересы и проблемы	41	12,0	25,8
Родственные связи	57	16,6	35,8
Свой вариант	2	0,6	1,3
Всего	343	100,0	215,7

Примечание. а. Дихотомическая группа подсчитывается по значению 1.

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что крестьянство представляет собой сплоченную социальную группу?», % (среднее значение: 2,1750, медиана: 2,0000, стандартное отклонение: 0,81302)

На наш взгляд, современная ситуация с методологией, а вернее, с ее отсутствием, объясняется не только деидеологизацией российской истории и политологии, потянувшей за собой мировоззренческий хаос и изначально неадекватные попытки заменить идеологию «марксизма-ленинизма» идеологией «от противного». Проблема в том, что, согласно статистическим данным, крестьянство как социальная группа действительно год от года теряет свою политическую субъектность, прежде всего, потому, что мыслит больше не в рамках традиционно-патриархального уклада, с которым раньше связывали сельских жителей, а в рамках существующего потребительского общества. Потребителю же, как писал Г. Маркузе, безразлично, по сути, какая конкретно политическая система и какие партии находятся у власти⁹.

Поэтому в нынешней ситуации для историков и политологов не остается иного выхода, кроме как последовать призыву Дж. Робинсона, который писал в книге «Сельская Россия при старом режиме», что исследователи не имеют права «смеяться над действиями людей... или питать к ним отвращение, они в силу своего особого положения должны пытаться “понимать их”»¹⁰. Соответственно, в отсутствии нового «Большого Мифа» современным исследователям, по нашему мнению, необходимо четко фиксировать те или иные проявления социально-политической активности/неактивности сельчан, исходя из «аутентично крестьянского видения действительности»¹¹.

Примечания

¹ См.: Носова Н. П. О некоторых новых концептуальных подходах к изучению проблемы управления сельским хозяйством в 1917–1929 гг. // Идеи и реальности

1920–1930-х годов в советской исторической науке : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1993. С. 58.

- ² См.: Ильин Ю. А. Крестьянское хозяйство Верхневолжья в годы гражданской войны (Историография вопроса) // Идеи и реальности... С. 25 ; Сафонова Е. Ю. Советская историография 70–80-х годов о развитии деревни накануне коллективизации (1926–1929 гг.) // Там же. С. 42 ; Носова Н. П. Указ. соч. С. 61.
- ³ Краткий курс истории ВКП(б) (1938). Глава I. URL: http://lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt (дата обращения: 30.04.2013).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 100.
- ⁶ Фурсов А. Русское крестьянство, столыпинская реформа и коллективизация : спорные вопросы сквозь призму науки и идеологии // Обозреватель / Observer. 2012. № 7. С. 76.
- ⁷ См.: Вилков А. А. Парламентаризм и его восприятие в массовом сознании россиян (на примере российского крестьянства) // Власть. 2006. № 3. С. 29–32.
- ⁸ Более подробно результаты данного эмпирического исследования см.: Салтыханов Т. Количественные характеристики политической субъектности современного крестьянства (на примере Саратовской области) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 116–124.
- ⁹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. С. 11.
- ¹⁰ Robinson G. T. Rural Russia under the Old Regime : A History of the Landlord-Peasant World and Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Los Angeles, 1969. P. 117.
- ¹¹ Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья) : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Самара, 2007.

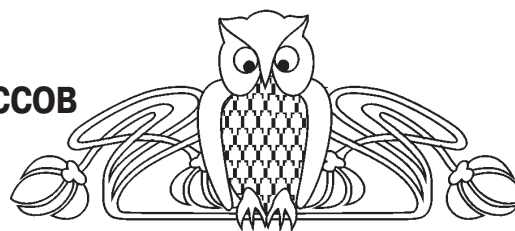

УДК 323.019.5

ЭКОНОМИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

М. К. Борисова

Саратовский государственный университет
E-mail: bmkkn@gmail.com

В статье на основе статистических и социологических материалов представлен анализ социально-экономического и социокультурного контекста электоральных процессов в различных регионах России. Особое внимание уделено влиянию демографического и миграционного факторов, а также отношению российских граждан к политическим партиям.

Ключевые слова: экономический контекст выборов, культурный контекст выборов, региональные электоральные процессы, общественное мнение, отношение к партиям.

Economic and Cultural Context of Regional Electoral Processes

M. K. Borisova

This article delivers analysis of socioeconomic and sociocultural context of electoral processes in different regions of Russia. The analysis is carried out on the basis of statistical and sociological data. Special attention is paid to demographic and migration factors' role as well as to Russian citizens' attitude to political parties.

Key words: economic electoral context, cultural electoral context, regional electoral context, public opinion, attitude to political parties.

Анализ экономического и культурного контекстов, сопровождающих избирательные кампании разного уровня, требуют применения точной и обоснованной методики. На наш взгляд, недостаточно и малоубедительно просто констатировать вполне банальную идею о том, что культура и экономика тесным образом связаны с политикой. А поскольку наиболее наглядным и «эффектным» выражением политики являются выборы, то культура и экономика влияют и на избирательный процесс. Кроме того, теория политико-деловых циклов свидетельствует о том, что возможна и обратная связь, когда политика, приближающиеся выборы заставляют экономическую систему работать по-другому, не так как обычно. В связи с этим в рамках данной статьи актуальной представляется задача зафиксировать объективную картину реальности в российских регионах, которая, благодаря проведенной в 2010 г. Всероссийской переписи населения и ряду других статистических источников, оказывается доступной для исследователей.

Согласно итогам переписи население России в 2010 г. составило 142,9 млн человек, из которых 73,3% относилось к городскому, а 26,3% – к сельскому¹. Исходя из этого показателя, наша страна является высокоурбанизированной, что отражается на культурном фоне электоральных

процессов, потому что, по мнению исследователей, модели политического поведения горожан достаточно резко контрастируют с типичными формами политического участия сельских жителей². Другим важнейшим фактом демографической ситуации стала непрекращающаяся естественная убыль населения. Значительное снижение общей численности жителей России (на 2,3 млн человек с 2002 г.) могло быть еще более заметным, если бы не миграционные потоки. По официальным данным, за период между двумя последними переписями в страну приехало более 2,4 млн мигрантов³. Учитывая, что реальный поток переселенцев может быть значительно выше за счет нелегально проживающих, миграционный фактор явно перешел из разряда социально-экономических и социокультурных в политическую плоскость, что находит отражение в программах политических партий и выступлениях политиков.

При этом изменение численности населения происходило за последние годы неравномерно по регионам. Как сообщает официальное издание Федеральной службы государственной статистики, «в 2010 г. по сравнению с 2002 г. численность населения сократилась в 62 субъектах Российской Федерации <...> В 21 субъекте Российской Федерации численность населения возросла. Наибольший рост отмечается в республиках с высоким уровнем рождаемости: Чеченской Республике – 15%, Республике Дагестан – 13%, Карачаево-Черкесской Республике – 8,7%, а также в миграционно привлекательных Москве – 11% и Московской области – 7,2%»⁴. Существует устойчивая тенденция повышения электоральной значимости столичных регионов и республик Северного Кавказа при одновременном падении числа избирателей в других частях страны. Данное обстоятельство накладывается на то, что в теряющих в электоральном весе субъектах Федерации подавляющее большинство населения – городское, а в северокавказских регионах – преимущественно сельское⁵. Эти факты также прямым образом влияют на контекст избирательных процессов в регионах.

Важнейший параметр электоральной ситуации в российской провинции – возрастные характеристики населения. Люди разных поколений придерживаются различных политических взглядов, дифференцируются по степени готовности

участвовать в социально-политических акциях, наконец, неодинаково относятся к необходимости исполнять так называемый гражданский долг в виде участия в голосовании. По данным Всероссийской переписи населения, численность пенсионеров в 2010 г. ставила 31,8 млн человек, или 22% от общего числа жителей России. Если сопоставить эти данные со сведениями Центральной избирательной комиссии РФ о том, что в 2012 г. на территории нашей страны проживало 108,1 млн избирателей⁶, то получится, что пенсионеры составляют почти 30% электората. Иными словами, треть избирателей страны представляет собой когорту, которая, с одной стороны, консервативно настроена и социализирована в иных политических условиях, а с другой стороны, максимально зависима от государства и его социальных программ.

При этом, как и в случае с рождаемостью, наблюдаются значительные региональные вариации в возрастной структуре населения. Статистиками используется такой показатель, как медианный возраст, который делит население на две равные по численности группы таким образом, что одна из них моложе, а другая старше этого возраста. Так, в 2010 г. медианный возраст составил 38,3 года. Самый низкий показатель медианного возраста населения в Чеченской (24,1 года) и Ингушской (25,1 года) республиках, республиках Тыва (27,0 лет) и Дагестан (27,3 года). Самый высокий средний возраст населения – в Тамбовской (42,3 года), Тульской (42,2 года), Рязанской (42,0 года), Курской и Псковской (по 41,7 года), Тверской (41,6 года), Воронежской (41,4 года), Орловской, Новгородской и Пензенской (по 41,2 года) областях⁷.

Разные медианные возраста создают различные политические эффекты. Например, в молодых регионах наиболее остро должны стоять вопросы образования и обеспечения рабочими местами населения, в старых – актуализируются темы социального обслуживания, доступность и качество медицины. Те политические силы, которые правильно будут эксплуатировать эти темы, имеют большие шансы на электоральный успех.

Поскольку никаких других официальных сведений о национальном составе России, кроме переписей населения, не существует, а этническая принадлежность, по общему мнению политологов, является крайне важным фактором политической жизни, уделим внимание и этому аспекту. В 2010 г. насчитывалось 22 наиболее многочисленных национальности, численность населения которых превышала 400 тыс. человек. Численность семи национальностей превышает 1 млн человек. Русское население является наиболее многочисленным (111 млн человек) и составляет 80,9% общей численности населения⁸. Формально Россия может быть отнесена к государствам моноэтническим, однако тот факт, что почти 20% населения страны не растворены

по всей ее территории, а имеют регионы своего исторического проживания, делает наше общество подлинно многосоставным. Многосоставность предопределяет особые механизмы связи центра и периферии, организации региональных и местных органов власти, распределения бюджетных потоков и многое другое. Электоральные процессы в таких субъектах также подчиняются особой логике, не работающей на остальной территории страны.

Для создания объемной картины культурного и экономического контекста региональных электоральных процессов воспользуемся также результатами социологических исследований крупнейших российских социологических центров (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр). Каждый из них проводит большую работу по мониторингу политической ситуации в стране в целом и отдельных регионах. С целью обеспечения сопоставимости данных статистического и социологического анализа мы будем интересоваться общероссийскими исследованиями, в которых содержится информация о региональных отклонениях от средних показателей. Это позволит выявить расхождения во взглядах граждан, проживающих в разных местах России, и сопоставить их с объективной картиной реальности.

Контекст электоральных процессов в регионах зависит во многом от того, насколько политика в принципе интересна гражданам. Если этот интерес относительно высок, то политические механизмы будут восприниматься как действенный способ решения различных жизненных проблем. Так, по данным ФОМ, в 2004 г. политическими процессами интересовались 40%, а не интересовались 57% опрошенных⁹. Ситуация в 2011 г. осталась практически идентичной: 39% интересовались, а 56% не интересовались политикой¹⁰. Однако эти среднероссийские показатели имеют серьезный разброс по федеральным округам (табл. 1).

Как видим, самыми политизированными являются жители Приволжского, Северо-Западного и Южного федеральных округов, а меньше всего интересуются политикой в Центре и на Востоке страны. И если высокий интерес к политике в Южном округе мы можем попытаться объяснить сложной обстановкой в социально-экономической и этно-конфессиональной сферах, то причины низкого интереса на Дальнем Востоке вряд ли свидетельствуют об отсутствии серьезных проблем у его жителей.

По нашему мнению, интерес к политике обуславливается не только экономическими, но и культурными особенностями регионов, прежде всего соотношением городского и сельского населения и его образа жизни. Как свидетельствует опрос ФОМ, наибольшее внимание к политическим событиям уделяется жителями мегаполисов и сел (51 и 40% соответственно), а наименьшее – больших и малых городов (31 и 38% соответ-

Таблица 1

Доли респондентов, отвечавших на вопрос ФОМ «Одни люди интересуются политикой, а другие не интересуются. А Вы лично интересуетесь или не интересуетесь политикой?»¹¹

Доля групп	Федеральный округ						
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Интересуюсь	37	45	43	46	35	37	33
Не интересуюсь	58	54	57	53	64	59	65
Затрудняюсь ответить	5	1	1	1	1	4	2

ственно). Однако, поскольку жители мегаполисов составляют всего 12% населения России, больших городов – 18%, малых городов – 35%, а сел – 27%¹², то итоговый расклад таков: общее количество политизированных граждан в малых городах и селах более чем в два раза превышает аналогичный показатель для мегаполисов и крупных городов.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, наименьшее количество городского населения в год опроса проживало в Южном (62,3%) и Приволжском (70,3%) федеральных округах¹³. И именно эти регионы показали наибольший интерес к политике. Анализ данных материалов привел нас к выводу о том, что вероятнее всего под интересом к политике большинство опрошенных понимали просмотр теленовостей с рассказом о последних событиях в стране и мире. Отсутствие иных распространенных форм проведения досуга в малых населенных пунктах делает просмотр телепередач основным «развлечением» их жителей. Отсюда и высокий показатель интереса к политике, отнюдь не тождественный способности понимать и разбираться в сути политических хитросплетений.

Как показывает другой опрос ФОМ, в большинстве своем российские граждане весьма негативно оценивают положение дел в регионах их проживания. Однако политический оптимизм или пессимизм в отношении местных дел довольно сильно зависит от партийных симпатий избирателей. Например, 43% избирателей «Единой России» заявили, что они довольны положением дел в их регионе, а 50% было недовольно. Для сравнения, довольных среди электората КПРФ оказалось 22%, а недовольных 72%. Приверженцы партии власти показали и более позитивный настрой в отношении перемен в регионах: 28% сторонников «Единой России» заявили, что ситуация в их регионе меняется к лучшему против 24%, которые считают, что она ухудшается. В электоратах оппозиционных партий число пессимистов значительно превышало количество оптимистично настроенных респондентов¹⁴.

Таким образом, можно говорить о том, что даже «Единая Россия» не является партией регионального оптимизма. Среди ее избирателей крайне велика доля тех, кто голосует по принципу «выбираю из двух зол меньшее». В целом, по

нашему мнению, это достаточно красноречиво характеризует культурный контекст региональных электоральных процессов. Негатив в отношении региональной власти, обстановки в регионе и довольно высокие показатели «Единой России» на выборах всех уровней рождают, как нам кажется, определенные фрустрации у людей. Расхождения между бытовой оппозиционностью и в той или иной степени вынужденным конформистским электоральным поведением конвертируются в социальную апатию.

На культурный контекст влияет и ухудшение межнациональных отношений. Согласно исследованиям Левада-центра, с 1998 по 2011 г. доля тех, кто в той или иной степени поддерживает лозунг «Россия – для русских», увеличилась с 43 до 59%¹⁵. А 57% сказали о чеченцах, что готовы пускать их в Россию только временно или вообще не пускать¹⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что долгое время даже для социологов проблема межэтнических и межконфессиональных отношений оставалась на втором плане. Так, в регулярных опросах государственного ВЦИОМ о наиболее значимых проблемах, стоящих перед обществом в целом и непосредственно перед людьми, пункт «иммиграционная ситуация» появился лишь в июне 2013 г. и сразу набрал 21% голосов респондентов¹⁷. Понятно, что термин «иммиграционная ситуация» является политкорректной заменой этноконфессиональных проблем, возникающих в связи с переездом групп граждан на новые места жительства и работы. На наш взгляд, понятно также и то, что напряженность между жителями возникает вследствие различий культурного и бытового плана местного населения и приезжих. Неспособность или нежелание ассимилироваться в инокультурной среде, демонстративное выпячивание своей национальной идентичности оказывает мощное воздействие на культурный контекст политической ситуации и может иметь электоральные последствия. Примером такого рода могут служить события, имевшие место в июле 2013 г. в г. Пугачеве Саратовской области.

Поскольку в условиях действующего избирательного законодательства основными участниками избирательного процесса, в том числе и на региональном уровне, являются политические партии, логично будет рассмотреть отношение

граждан к данному политическому институту. В российском обществе отсутствует консенсусное мнение о нужности политических партий. Сосуществуют три популярные позиции: 23% считают, что партии приносят больше пользы, 43% – что больше вреда, а 34% затруднились ответить. При этом самыми антипартийными оказались жители мегаполисов (48% считают, что партии приносят больше вреда), а самыми пропартийными – жители больших городов (33% ответили, что от партий больше пользы). Однако, что интересно, отношение к партиям в массовом сознании российских избирателей отнюдь не совпадает с отношением к партийной конкуренции. Так, те же жители больших городов (52%) заявили, что конкуренция, соперничество между политическими партиями обычно приносят стране больше вреда, чем пользы¹⁸. Данная ситуация является, на наш взгляд, прямым следствием патерналистских и этатистских настроений в обществе, когда плохое

состояние дел в социально-экономической сфере не приводит к снижению голосов, отданных за «Единую Россию». По всей видимости, корень бед, с точки зрения граждан, не в том, что доминирующая партия плохо справляется со своими обязанностями, а в том, что ей постоянно мешают конкуренты, оппозиция. Это лишь «раскачивает лодку», отвлекает региональных руководителей от работы на благо народа. Подобная перверсия общественного сознания позволяет добиваться потрясающих электоральных результатов в самых депрессивных регионах, списывать все неудачи в социально-экономической сфере на происки непатриотично настроенной оппозиции, которая преследует свои узкокорыстные интересы.

Вообще, как показывают опросы, отношение к партиям и их роли в региональной политической жизни достаточно сильно зависит от ряда социально-экономических и демографических характеристик респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Доли респондентов, отвечавших на вопрос ФОМ «Как Вы считаете, партии оказывают или не оказывают влияние на положение дел в вашем регионе? И если оказывают, то значительное или незначительное?»¹⁹

	Население в целом	В. Путину			Пол		Возраст		Образование				Доход			Тип населенного пункта					
		доверяю	отчасти доверяю	не доверяю	мужской	женский	18–35 лет	36–54 лет	55 лет и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее спец.	высшее	2000 руб. и менее	2001–4000 руб.	более 4000 руб.	Москва	мегаполис	большой город	малый город	село
Доли групп	100	65	21	10	47	53	37	36	27	14	35	34	17	19	34	24	8	12	16	39	24
Не оказывают влияния	48	47	51	50	51	45	43	50	53	48	49	51	41	52	50	44	30	64	47	45	51
Оказывают значительное влияние	12	12	11	11	12	12	12	14	8	7	10	12	17	11	10	17	18	12	12	10	11
Оказывают незначительное влияние	14	14	15	11	14	14	17	14	10	10	12	14	21	13	13	17	20	13	12	14	14
Затрудняюсь ответить, оказывают или не оказывают влияние	25	26	21	26	22	28	27	21	26	35	27	21	20	21	25	21	27	10	28	29	22

Данные этой таблицы позволяют составить типичные «портреты» тех, кто верит или не верит в особую роль партий в региональной политике. Партийных симпатизантов в целом по стране оказалось лишь 12%. Больше всего среди тех, кто считает, что партии оказывают значительное влияние на положение дел в регионе, представителей средней возрастной группы с высшим образованием и высоким доходом, проживающих в крупных и крупнейших городах. А «портрет» того, кто считает, что партии мало влияют на региональную жизнь, иной: это мужчина за 50 лет со средним или средним специальным образованием, со средним или низким доходом, также из крупного города. Наконец, совсем иной образ типичного «затрудняющегося»: молодая женщина 18–35 лет с образованием ниже среднего и сред-

ним доходом из большого или малого города. Как видим, это совершенно разные типы избирателя, каждый из которых существует в своем особом «мире», со специфическим набором черт культурно-экономического контекста региональных электоральных процессов. Поэтому, несмотря на объективный характер экономических процессов и на общность культурной сферы региона, их политические проекции, как нам представляется, носят если не индивидуализированный, то, по крайней мере, групповой характер.

Таким образом, проведенный анализ позволяет зафиксировать некоторые базовые характеристики социально-экономического контекста региональных электоральных процессов. К ним, по нашему мнению, можно отнести неспособность с помощью модели рационального выбора

адекватно объяснить причины голосования в России.

Сохраняет свою силу патерналистское отношение общества к власти, что прослеживается в ходе избирательных кампаний. Отсутствие прямой зависимости между уровнем электоральной поддержки власти и экономическим и социальным положением в регионах избавляет правящую элиту от необходимости всемерно заботиться об улучшении базовых показателей развития экономики и социальной инфраструктуры как критически важного для собственного выживания параметра.

«Единая Россия» к концу 2010-х гг. из всеядной партии, которую поддерживали все слои населения вне зависимости от типа региона, превратилась в партию бедных, зависимых от государства людей. Достаточно серьезно влияют на электоральную обстановку группы электората, настроенные консервативно и оппозиционно, – пенсионеры и студенчество.

Важнейшим требованием к власти, имеющим принципиальное значение с точки зрения электорального выбора регионов, является обуздание преступности. Как нам кажется, российское общество готово терпеть неустроенность своей жизни, верить обещаниям политиков изменить ситуацию к лучшему, но крайне болезненно воспринимает обстановку, при которой помимо официальной власти существуют альтернативные (нелегальные, преступные) центры влияния. Власть может быть только одна. Она может быть где-то несправедливой, где-то неэффективной, но не должна, с точки зрения граждан, допускать даже намека на собственную слабость.

Примечания:

- 1 См.: Социально-демографический портрет России : по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. С. 7.
- 2 См.: *Пирогов В. П.* Специфика политического участия в малых городах России в 1990-х – начале 2000-х годов (на материалах Саратовской области) : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2008.
- 3 См.: Социально-демографический портрет России : по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. С. 7.
- 4 Там же. С. 8.
- 5 Там же. С. 12.
- 6 См.: Сведения об общей численности избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 января 2012 года // Официальный сайт ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/quantity_010112.html (дата обращения: 22.07.2013).
- 7 См.: Социально-демографический портрет России : по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. С. 28.
- 8 Там же. С. 73.
- 9 См.: Интерес к политике и новостям. 04.11.2004 // База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/int_pol/dd044411 (дата обращения: 20.07.2013).
- 10 См.: Интерес к политике. 26.05.2011. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d21ikp11.pdf> (дата обращения: 20.07.2013).
- 11 Интерес к политике и новостям. 04.11.2004 // База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/int_pol/dd044411 (дата обращения: 20.07.2013).
- 12 Там же.
- 13 См.: Регионы России : социально-экономические показатели – 2012 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm (дата обращения: 15.07.2013).
- 14 См.: Электораты парламентских партий : штрихи к портретам. 30.07.2009 // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d30elekt.pdf> (дата обращения: 20.07.2013).
- 15 См.: Как вы относитесь к идее «Россия – для русских»? // База данных Левада-центра. URL: <http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/kak-vy-otnosites-k-idee-rossiya-dlya-russkikh> (дата обращения: 20.07.2013).
- 16 См.: В какой мере Вы готовы иметь дело со следующими национальностями...? (Чеченцами) // База данных Левада-центра (август 2010). URL: <http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/v-kakoi-mere-vy-gotovy-imet-delo-so-sleduyushchimi-natsionalno-8> (дата обращения: 22.07.2013).
- 17 См.: Проблемный фон июня. Пресс-выпуск №2344 от 11.07.2013 // База данных ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114295> (дата обращения: 21.07.2013).
- 18 См.: Политические партии в жизни России. Опрос населения. 05.04.2007 // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424> (дата обращения: 21.07.2013).
- 19 Там же.

УДК 323. 21

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

К. Ю. Колесников

Саратовский государственный университет
E-mail: kolesnikov-69@inbox.ru

В статье речь идет о различных трактовках понятия «патриотизм», представленных в политической науке в современной России, и предложено авторское понимание его концептуализации на основе «технологической» модели формирования и использования в политическом процессе.

Ключевые слова: патриотизм, концепции патриотизма, концептуализация, политическая культура, дискурс.

Problems of Conceptualization of Modern Russian Patriotism

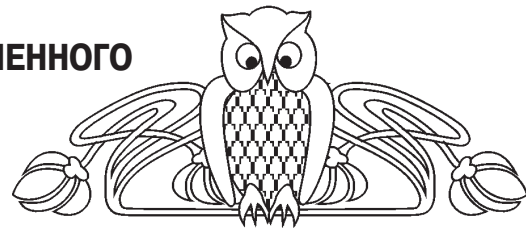
K. Yu. Kolesnikov

This article is about different interpretations of patriotism which are spread in political science of modern Russia. The author offers his own meaning of patriotism conceptualization on the basis of «technological» model of its formation and usage in political process.

Key words: patriotism, concepts of patriotism, conceptualization, political culture, discourse.

«Патриотизм» представляет собой одну из самых противоречивых и неоднозначных категорий, вызывающих научные и общественно-политические дискуссии в постсоветской России. Обусловлено это тем, что ценность патриотизма всегда была политизирована и в зависимости от целей субъектов политики наполнялась не только разным, но в ряде случаев и противоположным содержанием. Особую социальную значимость данная проблема приобрела в XIX в. с момента формирования массовых политических партий. Их деятельность, ориентированная на поддержку на выборах со стороны крупных социальных групп, основывалась на неоднозначной трактовке патриотизма, получавшей идеологическое оформление. Разброс идеологических трактовок был весьма широк: от известного коммунистического лозунга «Пролетарии не имеют Отечества» до консервативного обоснования приоритета ценности патриотизма в мировоззрении людей.

В политическом развитии России в постсоветский период ценность патриотизма была отодвинута на второй план из-за стремления либерально-демократических реформаторов максимально освободиться от советского наследия, в котором патриотическое воспитание составляло стержень политической социализации. В результате «разброд» в отношении патриотизма стал одной из ключевых характеристик идеологического и мировоззренческого плюрализма практической политики.

Произошел резкий переход от комплексной и всеохватной советской системы политической социализации и воспитания советского патриотизма к мировоззренческому и идеологическому плюрализму воспитательного воздействия. На практике это привело к падению статуса ценности патриотизма в политической культуре. Неслучайно по результатам опроса, проведенного кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского в 2007 г., на вопрос, «Что для Вас важнее всего?» (выбрать нужно было не более трех вариантов) ответ «любовь к Родине» выбрали только 30,7% опрошенных¹.

Разброс трактовок патриотизма не мог не сказаться и на теоретической концептуализации данной проблемы. Различные подходы к пониманию сущности патриотизма, его политической функциональности, форм и методов его формирования у подрастающего поколения достаточно широко представлены в обществоведческой литературе², но единая позиция по важнейшим теоретическим характеристикам данного явления за два десятилетия так и не была выработана. Актуализация этой проблемы получила второе дыхание в условиях реформирования партийной системы в современной России в связи с появлением большого количества политических партий, ориентированных на использование ценности патриотизма в качестве мотивации политического выбора.

Концептуализация в общем плане, на наш взгляд, может быть представлена в виде процедуры нахождения объединяющего смысла в самых разных, порой противоречивых, проявлениях окружающего нас мира. В данном случае речь идет о ценностных основаниях политики, и такая концептуализация особенно необходима, поскольку реальные политические практики, по мере своего умножения множат и проявления патриотизма.

Свою лепту вносит процесс глобализации, с одной стороны, уничтожающий традиционные национально-государственные политические идентичности социумов и отдельных граждан, а с другой стороны, множащий столь же традиционные региональные и этноконфессиональные идентичности. Множатся и смыслы, которые современники готовы вложить в это понятие³.

В пространстве современной политической культуры сталкиваются подходы к определению сущности патриотизма, апеллирующие к тради-

циям мировой политической мысли, и подходы, обращенные к современным реалиям межличностных и межгрупповых коммуникаций по ключевым вопросам экономики, политики, права и культуры. Патриотизм сегодня в научном и публицистическом дискурсах предстает то как отображение в пространстве культуры личного выбора индивида, то как обязательство, налагаемое на этого индивида социальной группой, к которой он принадлежит, то как почти рефлекторная реакция социума на внешние угрозы и вызовы традициям национально-государственной политики.

Поэтому, если ставить перед современной отечественной политической наукой цель определить, что такое патриотизм и почему он сегодня многим представителям элиты и большому числу рядовых граждан видится осью, вокруг которой должна вертеться вся внутренняя и внешняя российская политика, то надо найти некий объединяющий смысл в самых разных толкованиях того, что есть российский патриотизм и патриотизм вообще – определенная комплексная идентичность индивида, группы или целого социума.

Вопрос о сути и назначении патриотизма – из разряда вечных. Вечность его, однако, происходит, как представляется, не из какой-то особой, сакральной природы патриотических настроений, на чем сегодня в России усиленно настаивают те исследователи и публицисты, которые пытаются отождествить патриотичность политического настроения человека с его религиозным настроением. Заметим, что с теоретической точки зрения такое отождествление кажется вполне безобидным. Что плохого в том, что человек одновременно любит Родину и любит Бога? Проблема кроется в тех свойствах современной политической реальности, которые, если следовать логике отождествления любви к Родине с любовью к Богу, предписывают исследователю признать высшим проявлением патриотического чувства в человеке или обществе его религиозный радикализм, то есть такое видение и понимание сути политических вещей, которое мало кто из самих защитников религиозной подоплеки патриотических настроений человека готов признать нормальным и прогрессивным.

На наш взгляд, «вечность» вопроса во многом происходит от свойств того философского дискурса, который преобладает в научных и публицистических текстах, посвященных теории и практике патриотизма. Этот дискурс традиционен для современной науки настолько, насколько логично правило, что о высоких материях политики и культуры надо говорить на языке высоких философских понятий. С этой традицией не имеет смысла спорить, поскольку, в сущности, ее поддерживает понимание исследователями необходимости высоких слов для воспитания в гражданине столь же высоких патриотических чувств.

Но у философского дискурса при всех его преимуществах инструмента политической социализации гражданина есть функциональный

недостаток: патриотизм в нем предстает в виде набора или системы (что не меняет существа дела) «вечных» ценностей, идей, принципов, мотиваций, мифов и т. д. «Вечных», а потому не подверженных существенному влиянию со стороны изменчивого политического процесса, то есть статичных. Основная проблема философского дискурса в том, что он представляет патриотизм статичным феноменом политической культуры, а не технологией решения проблем интеграции политического индивида в пространство политической культуры, каковым патриотизм может быть представлен в политологическом дискурсе.

Кроме того, концептуализация патриотизма в философском дискурсе обладает еще одним недостатком. Статика не требует от исследователя обнаружения и интерпретации смысловых связей между различными идеями, ценностями и мотивациями мышления и поведения индивида, обобщенно обозначаемыми понятием «патриотизм». Связью выступает сама вечность существования этих элементов. На практике в исследованиях это ведет к тому, что в рамках понятия «патриотизм» разные исследователи в разных комбинациях соединяют вечные ценности и принципы, и у них получается на выходе исследовательской процедуры совершенно разное понимание аккумулярованного смысла этого понятия.

Как минимум образуются либеральное, консервативное, леворадикальное понимание сути патриотизма, а есть еще богатая гамма переходных толкований смысла. Это приходит в противоречие с практиками политической социализации. Отсюда многочисленные и в целом несоизмеримые со свойствами научного предмета, каким является феномен патриотического поведения людей и обществ, попытки современных отечественных политологов вслед за философами и политическими мыслителями прошлого построением сложной цепочки теоретических умозаключений выявить ту самую единственно верную формулу «настоящего патриотизма», после которой можно будет считать вопрос для теории закрытым и приступить к практическому внедрению этой формулы в жизнь.

По сути, здесь нет концептуализации как таковой. Зато есть достаточно произвольное манипулирование исследователями разными формулами патриотизма, каждая из которых имеет полезную нагрузку только в том случае, если мы представим себе, что тот патриот, отношение которого к политическому миру эта формула описывает, не живет в этом мире и в нем не действует, от этого мира не зависит. Поэтому, вероятно, наиболее последовательными и целостными являются картины патриотического мышления и поведения, созданные современными исследователями, изучающими политическую жизнь и интеллектуальное творчество российских эмигрантов разных поколений и уже ушедших в мир иной политических мыслителей и деятелей. Здесь действительно патриотизм выгля-

дит тем «большим», что поддается качественному рассмотрению только на удалении.

Статический характер тех моделей, которые описывают логику патриотического мировоззрения человека, приходит в очевидное противоречие с тем фактом, что такое мировоззрение не только вписано в политико-культурный процесс, в процесс движения практической политики, оно обеспечивает этим процессам определенную подвижность элементов, гибкость и динамичность. Например, в соответствии с философской традицией «патриотическим чувством», овладевающим личностью, одинаково можно назвать и болезненные переживания трагического положения своей родины, и радость по поводу ее достижений (кстати, заметим, статическая интерпретация патриотизма делает возможным трактовать патриотические мотивации и действия как два ряда взаимоисключающих явлений).

Отсюда возникает много проблем, поскольку вдруг обнаруживается на практике, что в равной мере на статус патриота претендуют те субъекты политики, которые выступают в ней с уничтожающей критикой пороков и бед своего Отечества, и те, кто закрывает глаза на эти беды и готов восхвалять свое Отечество даже тогда, когда такое славословие создает напряженность в отношениях общества и власти.

Политологический дискурс позволяет как бы приземлить эту философскую проблему до того уровня, на котором патриотизм можно будет представить в виде политико-культурной технологии. Когда употребляется понятие «технология», то имеется в виду технология социальная и технология искусственно созданная. Патриотические чувства спонтанно, хотя и очень последовательно формирует социум при помощи разнообразных процедур и форм политической социализации. Это своего рода естественная социальная технология формирования патриотической идентичности в гражданине.

Патриотические чувства преднамеренно формируют политтехнологи, и в их действиях тоже прослеживается технологичность. Политологический дискурс обладает тем преимуществом перед дискурсом философским, что он позволяет определить точки пересечения этих естественных и искусственных технологических воздействий на личность в процессе ее политической социализации и обнаружить здесь новый, личностный уровень связей между структурными элементами патриотического чувства человека, которые создают еще один, третий, возможный уровень научной концептуализации проблемы сущности и динамики патриотизма в политике.

Данная технология представляется базовой, определяющей очень многое в содержании и динамике современного политического процесса, но, тем не менее, всего лишь одной из многочисленного ряда политико-культурных технологий, связывающих между собой мир политики с другими сферами общественной жизни, в которых

живет и действует современный человек. Это, как представляется, позволяет обнаружить новый уровень связей между структурными элементами патриотического чувства и структурными элементами той политической реальности, которая эти чувства пробуждает и стимулирует.

То есть здесь образуется как бы второй уровень возможной научной концептуализации проблем патриотизма как политической технологии. Третья проблема философского дискурса, заметим, видится в том, что он, возвышая патриотизм до «вечности», обособляет его от других, профанных, элементов культурного пространства личности гражданина. Получается, что гражданин живет и действует сам по себе, а чтобы он стал патриотом, его надо приподнять над повседневностью, сделать из него новую версию «нового человека», или «человека будущего».

Второе замечание, которое необходимо сделать, касается невозможности разом, в одном только научном исследовании охватить все аспекты патриотизма как технологии развития политической культуры. Как и при описании любой технологии, здесь нужно вести речь не только о связях между структурными элементами патриотического настроения человека, но и о связях между этими элементами и конкретными моделями повседневных и эксклюзивных практик человека, включая его семейные, общественные, хозяйственные, религиозные и т. д. практики. Здесь образуется еще один перспективный для политического исследования уровень концептуализации проблемы патриотизма в естественной динамике, определяемой включенностью его в политико-культурный процесс. Прежде всего, в таком частном для общей характеристики этой технологии, но принципиально важном для ее понимания аспекте, как анализ тех подвижных и постоянно меняющихся связей, которые возникают между ценностями, принципами, идеями и мотивами, образующими контекст патриотического мышления и поведения человека по ходу движения политического процесса, структурных и качественных изменений в нем.

Какие подвижные элементы реальности нужно соединить на уровне их смысла, чтобы представить патриотическое мировосприятие человека в движении? Потенциальный спектр параметров, которые хорошо было бы учесть, достаточно широк. Для начала можно обратить внимание на самые очевидные параметры.

Подвижность патриотическим чувствам как определенной технологии освоения человеком политического пространства и других, сопредельных с политикой, экономических, культурных и правовых пространств придают механизмы социализации (подвижная их часть, связанная с образованием конфликтов между старыми и новыми ценностями и принципами, затем – подвижность информационной среды). Человек воспринимает себя в качестве жертвы информационной политики и экстраполи-

рует жертвенную роль на окружающий его мир. Информацию он воспринимает как технологию разрушения этого мира либо как технологию созидания нового мира, но не того, который ему мил и который он считает своей Родиной.

В этом смысле негативное и позитивное отношение человека к росту в геометрической прогрессии информационных потоков в условиях глобализации как раз и создает тот масштабный вызов традициям национально-государственного и культурного суверенитета, о котором много говорят и пишут, но не связывают его напрямую с ростом информационных потоков. Тот, кому этот рост нравится, и тот, кому он не нравится, под воздействием нарастающего информационного давления оказываются в роли носителей обостренного патриотического чувства.

Это объясняет, почему глобализация вызывает негативное отношение у обществ, которые действительно от нее проигрывают, и у тех обществ, которые, очевидно, могли бы выиграть от нее. Глобализация создает системный вызов патриотизму как технологии увязывания политических практик с неполитическими, поскольку она лишает эти связи той гибкости, которые прежде придавали ей разнообразные и редко повторяющиеся традиции, в том числе политические. С другой стороны, именно патриотические чувства сегодня становятся тем фактором, который гарантирует, что связи политического и неполитического не дойдут до состояния хрупкости, не начнется на региональном или государственном уровне выделение политики в автономную область политических отношений, за чем неизбежно последует нарастание авторитарных тенденций в политике и протестных настроений в обществе.

УДК 32.019.52

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМИДЖА АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. С. Куфтов

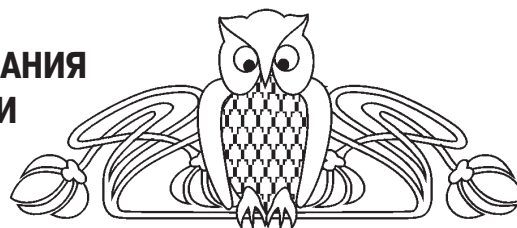
Саратовский государственный университет
E-mail: bmkpkn@gmail.com

В статье критически рассмотрен основной универсальный подход к анализу институционального имиджа Российской армии и предложен авторский вариант методологии, основанный не на исключительности статуса института армии в политической системе, а на органической включенности в эту систему. Такой подход позволяет отследить проблему имиджа Вооруженных сил в динамике на основе многофакторной причинной обусловленности.

Ключевые слова: политический имидж, институциональная имиджелогия, имидж Российской армии, методология анализа политического имиджа.

Примечания

- ¹ См.: *Вилков А. А., Данилов М. В., Шестов Н. И.* Общественное мнение в преддверии избирательного цикла : глубинные основания и конъюнктурные проявления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 79.
- ² См.: *Валуев В. Г.* Пути формирования патриотизма в современной России // Вестн. ПАГС. 2008. № 3 (16). С. 45–49; *Вырицков А. Н., Кузмарцев М. Б.* Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2006; *Гаврилюк В.* Гражданственность и патриотизм в системе ценностей современной молодежи // Евразийское сообщество. 2007. № 2 (58). С. 149–155; *Дорофеев В. И.* Патриотизм как важнейшая часть политической культуры общества // Проблемы политологии и политической истории : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 2004. С. 128–136; *Жаде З. А.* Патриотизм как фактор укрепления российской идентичности // Патриотизм и интернационализм как источники победы советского народа в годы Великой Отечественной войны : Всерос. науч.-практ. конф. 27–29 ноября 2008 г. СПб. ; Майкоп, 2008; *Иванова С. Ю., Лутовинов В. И.* Современный российский патриотизм. Ростов н/Д, 2008; *Леваиш В. К.* Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социс. 2006. № 8. С. 67–76; *Наумов С. Ю., Чернышкина Н. Я.* Гражданское и патриотическое воспитание молодежи : учеб. пособие / предисл. Ю. И. Тарского. Саратов : Изд-во Поволжской академии гос. службы им. П. А. Столыпина, 2007; и др.
- ³ См.: *Леваиш В. К.* Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М. : РИД ИСПИ РАН, 2006.

Specialties of Methodology of Exploration of the Army Image in Modern Russia

N. S. Kuftov

This article critically considers the main universal approach to analysis of an institutional image of the Russian army. The author offers his own variant of methodology based not on exceptional nature of army status in political system but on organic involvement in this system. Such an approach allows observing the problem of armed forces' image in dynamic and on the basis of multifactor causal dependence.

рует жертвенную роль на окружающий его мир. Информацию он воспринимает как технологию разрушения этого мира либо как технологию созидания нового мира, но не того, который ему мил и который он считает своей Родиной.

В этом смысле негативное и позитивное отношение человека к росту в геометрической прогрессии информационных потоков в условиях глобализации как раз и создает тот масштабный вызов традициям национально-государственного и культурного суверенитета, о котором много говорят и пишут, но не связывают его напрямую с ростом информационных потоков. Тот, кому этот рост нравится, и тот, кому он не нравится, под воздействием нарастающего информационного давления оказываются в роли носителей обостренного патриотического чувства.

Это объясняет, почему глобализация вызывает негативное отношение у обществ, которые действительно от нее проигрывают, и у тех обществ, которые, очевидно, могли бы выиграть от нее. Глобализация создает системный вызов патриотизму как технологии увязывания политических практик с неполитическими, поскольку она лишает эти связи той гибкости, которые прежде придавали ей разнообразные и редко повторяющиеся традиции, в том числе политические. С другой стороны, именно патриотические чувства сегодня становятся тем фактором, который гарантирует, что связи политического и неполитического не дойдут до состояния хрупкости, не начнется на региональном или государственном уровне выделение политики в автономную область политических отношений, за чем неизбежно последует нарастание авторитарных тенденций в политике и протестных настроений в обществе.

УДК 32.019.52

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМИДЖА АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. С. Куфтов

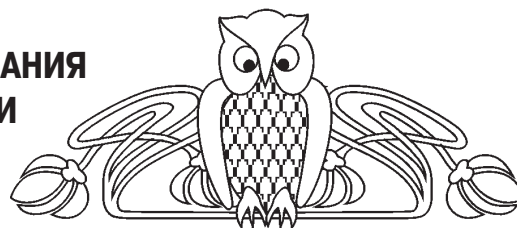
Саратовский государственный университет
E-mail: bmkpkn@gmail.com

В статье критически рассмотрен основной универсальный подход к анализу институционального имиджа Российской армии и предложен авторский вариант методологии, основанный не на исключительности статуса института армии в политической системе, а на органической включенности в эту систему. Такой подход позволяет отследить проблему имиджа Вооруженных сил в динамике на основе многофакторной причинной обусловленности.

Ключевые слова: политический имидж, институциональная имиджелогия, имидж Российской армии, методология анализа политического имиджа.

Примечания

- ¹ См.: *Вилков А. А., Данилов М. В., Шестов Н. И.* Общественное мнение в преддверии избирательного цикла: глубинные основания и конъюнктурные проявления // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2007. Т. 7, вып. 2. С. 79.
- ² См.: *Валуев В. Г.* Пути формирования патриотизма в современной России // *Вестн. ПАГС.* 2008. № 3 (16). С. 45–49; *Вырицков А. Н., Кузмарцев М. Б.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006; *Гаврилюк В.* Гражданственность и патриотизм в системе ценностей современной молодежи // *Евразийское сообщество.* 2007. № 2 (58). С. 149–155; *Дорофеев В. И.* Патриотизм как важнейшая часть политической культуры общества // *Проблемы политологии и политической истории: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2004. С. 128–136; *Жаде З. А.* Патриотизм как фактор укрепления российской идентичности // *Патриотизм и интернационализм как источники победы советского народа в годы Великой Отечественной войны: Всерос. науч.-практ. конф. 27–29 ноября 2008 г.* СПб.; Майкоп, 2008; *Иванова С. Ю., Лутовинов В. И.* Современный российский патриотизм. Ростов н/Д, 2008; *Леваиш В. К.* Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // *Социс.* 2006. № 8. С. 67–76; *Наумов С. Ю., Чернышук Н. Я.* Гражданское и патриотическое воспитание молодежи: учеб. пособие / предисл. Ю. И. Тарского. Саратов: Изд-во Поволжской академии гос. службы им. П. А. Столыпина, 2007; и др.
- ³ См.: *Леваиш В. К.* Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М.: РИД ИСПИ РАН, 2006.

Specialties of Methodology of Exploration of the Army Image in Modern Russia

N. S. Kuftov

This article critically considers the main universal approach to analysis of an institutional image of the Russian army. The author offers his own variant of methodology based not on exceptional nature of army status in political system but on organic involvement in this system. Such an approach allows observing the problem of armed forces' image in dynamic and on the basis of multifactor causal dependence.

Key words: political image, institutional science of image, image of the Russian army, methodology of political regime's analysis.

Современная политология стремится к унификации общего набора тех методов, при помощи которых она изучает политические процессы, институты, механизмы и технологии и их восприятие в массовом сознании. Это естественным образом отражает стремление большинства отечественных политологов оказать содействие процессу становления той или иной отрасли своей науки. Однако оборотной стороной этого стремления становятся проблемы адекватности методологии предмету исследования. Рассмотрим данную проблему на примере институционального имиджа Российской армии.

Предмет исследования у любой науки чаще всего стремится к расширению и разнообразию. Не является исключением и институциональная политическая имиджелогия, практическое значение которой обусловлено тем, что «развитие избирательных технологий основывалось в значительной степени именно на целенаправленном конструировании и внедрении в массовое сознание тех образов политиков, которые бы находили наибольший отклик у избирателей»¹.

Эта проблема хорошо видна на примере современных исследований имиджа Российской армии. Авторы таких работ, а их немало появилось за последнее десятилетие², достоинством своих исследований представляют именно то, что им удалось для изучения имиджа армии использовать тот же комплекс методов и подходов, которыйработан в рамках современной социологии и психологии. Это делает возможным для исследователя при решении проблемы имиджа Вооруженных сил прямо апеллировать к сведениям о структуре групповых и индивидуальных идентичностей³, к возрастной психологии⁴ той части российской молодежи, которая стремится в ряды армии (а также к той, которая не стремится туда); к данным о результативности патриотического воспитания молодежи и т. д. Исследователи же могут сформировать достаточно тривиальный единый подход к политологическому анализу проблем имиджа армии. Суть его в утрированном виде состоит в следующем: данный имидж будет обладать тем большей привлекательностью, чем большее число людей уверится в том, что служить в армии – это хорошо, а не служить – плохо.

Действительно, армия – это ключевой и жизненно значимый институт государства. И если продолжить логику этого методологического подхода, то можно сказать, что Российское государство в глазах своих граждан будет обладать тем большей привлекательностью, чем большее число граждан уверится, что жить в государстве – это хорошо, а жить без государства – это плохо. Но проблема заключается в том, что такой линейной зависимости не наблюдается. Чаще всего нормально функционирующее государство является

объектом постоянной критики со стороны нормально функционирующего общества. И граждане, за редким исключением случаев эмиграции по политическим и иным мотивам, не проводят прямой связи между своим желанием бранить свое государство и готовностью покинуть его и стать гражданами другого государства или жить в какой-то родоплеменной общности.

Этот подход можно применить и к изучению имиджа армии. Почему, собственно, готовность человека служить или не служить в армии должна определяться мерой того, насколько армейская служба и быт ему нравятся или не нравятся? Нормальный гражданин соотносит себя с армией примерно так же, как он соотносит себя со своим государством в целом. Он ругает чиновников за воровство, некомпетентность, государственные институты за их многочисленность и обременительность для кошелька налогоплательщика, но он не отворачивается от нужд своего государства, не отказывается (в большинстве случаев) подчиняться его законам. Он не отвергает даже прошлого своего государства и в этом очень и очень проблемном прошлом находит мотивы для своего патриотического настроения и для своих представлений, что при определенных усилиях со стороны других граждан и его собственных «его государство» может стать лучше, чем было.

Точно так же можно поставить вопрос: правомерно ли при анализе состояния имиджа современной Российской армии в качестве чуть ли не ключевых факторов снижения этого имиджа рассматривать те же факты коррупции в военном руководстве страны и в воинских частях, неуставных отношений между военнослужащими, просчеты в военном планировании, при проведении военной реформы, включая техническое перевооружение Вооруженных сил? Это, безусловно, влиятельные факторы, но ключевые ли?

Если обратиться к прошлому, то воровали и в царской армии, и в советской. Были те же самые неуставные отношения и организационно-технические просчеты, многие из которых становились достоянием гласности в результате военных конфликтов, в которых участвовала наша страна, и в результате мер, предпринимаемых самим руководством страны по наведению порядка в армии. Но линейной зависимости между этими фактами и имиджем армии в нашем сознании не возникает. Сегодня имидж царской армии стал чуть ли не образцом для подражания. Имидж Советской армии тоже на высоте. Притом сами же исследователи нередко отмечают, что многие проблемы современной Российской армии и военной политики возникли не сегодня, они копились многие десятилетия советской и постсоветской истории.

Это дает основание предположить, что в методологии исследования проблем имиджа современной Российской армии, как и проблем имиджа Вооруженных сил во все времена отечественной истории, надо исходить не из негласного призна-

ния особенности их места в системе государственных институтов, а как раз наоборот, из факта их органической включенности в эту систему. Иначе говоря, целесообразной в методологическом плане выглядит исследовательская позиция, которая подразумевает, что имидж армии есть своеобразный «слепок» с имиджа нашего государства, со всех его достоинств и недостатков, которые фиксируются массовым сознанием и трансформируются в нем в те имиджевые характеристики, которые затем выявляются средствами политического и социологического анализа.

Ключевое преимущество такой методологии, как представляется, в том, что она позволяет отследить проблему имиджа Вооруженных сил в динамике. Когда имидж, его состояние выводится из зафиксированных социологами и политологами реакций массового сознания на случаи воровства и некомпетентности в жизни армии, то таким образом фиксируется конкретная ситуация на конкретный момент времени. И закономерно возникает вопрос: а до этих вскрывшихся негативных фактов имидж армии был принципиально другим, он станет сразу лучше, как только в армии выведут всех казнокрадов?

Достаточно самого общего знакомства с данными социологических опросов по армейской проблематике за последний десяток лет⁵, чтобы понять, что в это десятилетие отношение массы российских граждан к Российской армии, конечно, менялось, но не настолько резко, как это могло бы произойти в случае непосредственных реакций массового сознания на скрывавшиеся негативные моменты. Изменения носили более плавный характер. И если плавность этих изменений с чем-то синхронизируется, то, скорее, именно с изменением общего отношения российских граждан к своему государству, его состоянию, его потенциалу силы. В своей дальнейшей работе мы намереваемся реализовать этот подход и попытаться представить динамику имиджа Российской армии в связи с общей динамикой имиджа российской политики, государственной в первую очередь.

Естественно, что у такого подхода есть свои изъяны. Учítывая, что армия – не простой государственный институт, а такой, по состоянию которого можно точно определить состояние государственного суверенитета точно так же, как по состоянию сердечной деятельности можно определить, жив ли человек, можно утверждать, что армия обладает уникальностью. Эта уникальность, как иногда можно наблюдать в современном третьем мире (события в Египте в июле 2013 г. – наглядный тому пример) и даже в некоторых европейских (балканских особенно) странах, имеет способность возрастать в периоды политических кризисов. Она достигает степени, когда власть армии становится для массового сознания

более предпочтительной, чем власть институтов гражданского общества и правового государства. Для таких случаев, вероятно, не подойдет и критикуемая нами методология выявления причин массовой «любви» и «нелюбви» к армейской службе. Тут надо искать особые подходы. Но для случаев, когда армия занимает в системе государственного механизма то самое место, которое ей определено Конституцией, когда граждане не видят в армии ничего, кроме олицетворения государственного порядка и политического суверенитета нации, для анализа таких состояний наши предложения по корректировке методологии представляются допустимыми и целесообразными.

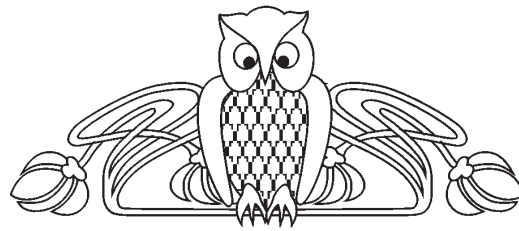
Примечания

- ¹ *Вилков А. А., Вилков С. В.* Специфика институционального имиджа в российской политической имиджологии // Научная мысль Кавказа. Приложение № 12 (96). 2006. С. 90.
- ² См.: *Веремчук В. И., Крутилин Д. С.* Имидж военного руководителя как фактор эффективности управления воинским коллективом : социологический анализ // Социология в системе научного управления обществом : материалы IV Всерос. социол. конгресса. М., 2012. С. 1835–1836 ; *Крутилин Д. С.* О социологическом исследовании имиджа офицеров на современном этапе модернизации Российской армии // Там же. С. 1841–1842 ; *Новик В. К., Передня Д. Г.* Имидж современной Российской армии глазами молодежи // Социс. 2006. № 11. С. 101–107 ; и др.
- ³ См.: *Бурда С. М.* Престиж военной службы // Социс. 1999. № 2. С. 63–69 ; *Клементьев Р. П., Николаева И. А.* Призыв на военную службу // Социс. 2000. № 10. С. 72–76 ; *Смирнов А. И.* Факторы формирования доверия к Российской армии // Социс. 2009. № 12. С. 100–108 ; *Шевцов В. В.* Отношение школьников и студентов к военной службе // Социс. 2006. № 6. С. 111–113 ; и др.
- ⁴ См.: *Давыдов Д. Г.* Социально-психологические особенности имиджа Вооруженных Сил России в молодежной среде : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005 ; *Евенко С. Л.* Социально-психологические типы ситуаций совершения отклонений в поведении военнослужащих ВС РФ // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Психологические науки. 2009. № 2. С. 150–158 ; *Кондратьев М. Ю., Мешков И. А.* Социально-психологические особенности субъективного отношения представителей различных категорий современной отечественной молодежи к Российской армии // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 97–114 ; *Филатов Г. К.* Психофизиологические и психологические особенности юношей-призывников с различным отношением к военной службе : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д. 1998 ; и др.
- ⁵ См.: *Новик В. К., Передня Д. Г.* Указ. соч. ; *Смирнов А. И.* Указ. соч. ; *Шевцов В. В.* Указ. соч.

УДК 321.01

КОНСЕРВАТИВНО-ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ МЕСТА ВОЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПОЛИТИКЕ (на примере взглядов И. Л. Солоневича)

А. В. Пасечник

Саратовский государственный университет
E-mail: pasiechnik.andrei@mail.ru

В статье на примере взглядов И. Л. Солоневича рассмотрен консервативно-традиционалистский подход к анализу специфики становления и развития российской государственности и пониманию особого места и роли военной проблематики и Вооруженных сил в российской истории.

Ключевые слова: консерватизм, российская государственность, народная монархия, Российская армия, войны в истории России, специфика российской государственности.

Conservative and Traditionalistic Approach to Comprehension of the Military Issue's Role in Politics (as exemplified by I. L. Solonevich)

A. V. Pasechnik

As exemplified by I. L. Solonevich, conservative and traditionalistic approach to analysis of specifics of the Russian statehood foundation and development and comprehension of unique place and role of military issue and armed forces within the Russian history is considered in this article.

Key words: conservatism, Russian statehood, people's monarchy, Russian army, wars in the Russian history, specifics of the Russian statehood.

Иван Лукьянович Солоневич является одним из наиболее оригинальных теоретиков самобытного народного монархизма. В ряду его консервативно-традиционалистских идей об особенностях российской государственности важное место занимают рассуждения о важнейшей роли в истории России и российской государственности армии и военного фактора. Несмотря на конкретно-исторические обстоятельства формирования мировоззрения И. Л. Солоневича (1891–1953) и его сложную и противоречивую эмигрантскую биографию, многие его мысли о характере Российской армии, специфике ее формирования и использования представляют интерес и для современной России, которая в течение двух с лишним постсоветских десятилетий пытается реформировать свои Вооруженные силы путем заимствования то одной, то другой концепции. Думается, что размышления великого мыслителя об исторических корнях и факторах неразрывной связи самобытности российской государственности и армии могут при определенной интерпретации и с учетом современных обстоятельств быть полезными для выработки стратегической

концепции преобразования Вооруженных сил России.

Его важнейший труд «Народная монархия»¹ был задуман еще в 1930-е гг. (после побега из СССР из лагеря «Беломорско-Балтийский комбинат») во время эмигрантских скитаний в Финляндии, Болгарии и Германии, но окончательно переработан после Второй мировой войны уже в Южной Америке.

Идеалом общественно-политического устройства России, определяемого ее конкретно-историческим прошлым, по мнению И. Л. Солоневича, является «народная», «соборная монархия», «белая империя», сущность которой состоит в соединении низового самоуправления русского народа и самодержавной власти, основанной на диктатуре «православной совести».

Такая форма государственного устройства, проверенная многовековым опытом российской истории, оценивалась Солоневичем как самая совершенная из всех, какая только была известна человеческой истории. Одним из оснований для таких утверждений мыслителя была военная история России.

Рассматривая события Первой и Второй мировых войн и другие военные и гражданские конфликты первой половины двадцатого столетия, Солоневич отмечает некоторую гипертрофию военной психологии, суть которой заключается в представлении о том, что «война решается оружием, стратегией, гением, доблестью и пр. Все это фактически неверно: войны решаются политикой и только ею одной»². В качестве одного из аргументов автор приводит тот факт, что «совершенно штатские люди Ленин и Троцкий разбили таких совершенно военных людей, как Деникин и Колчак», так как «они с предельной степенью ясности и трезвости учили и свои, и чужие и сильные, и слабые стороны». По определению Солоневича, «хорошая стратегия – это только экономия народных сил. Если этих сил мало – не поможет никакая стратегия. <...> Все удачные и неудачные стороны нашей политики последних двух столетий лежат вне воли, талантов, ошибок или доблести отдельных лиц»³.

Главная проблема, по мнению Солоневича, заключается в том со времени Петровских реформ политическое, социально-экономическое и духовное развитие России было оторвано от своих естественных корней и поставлено на

путь внедрения заимствованной, но чуждой для большинства народа западной модели. «Старая московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника (до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие). Старомосковское служилое дворянство было превращено в шляхетский крепостнический слой. Все остальные слои нации, игравшие в Москве такую огромную национально-государственную и хозяйственно-культурную роль: духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, пролетариат (посад), были насильно отрешены от всякого активного участия во всех видах этого строительства. Потери русской культуры оказались на данный момент безмерно выше, чем ее потери от коммунистической революции»⁴. В результате политическая элита России постаралась «еще дальше изолировать себя от этой почвы и культурой, и языком, и даже одеждой. Лет за полтораста крепостного права старая русская культура была сметена и забыта»⁵.

Такие радикальные негативные оценки Петровских реформ имеют место в научных трудах и публицистике, начиная с дискуссии славянофилов и западников первой половины XIX в.⁶ Категория раскола элиты, обусловившая самобытность российской истории последних столетий, достаточно распространена и среди современных отечественных исследователей⁷. В задачу данной статьи не входит рассмотрение тех аргументов, которые приводят сторонники различных трактовок результатов петровских преобразований, их объективной обусловленности и возможности альтернативных вариантов исторического развития России. Будем исходить из того, что, независимо от характера оценок последствий петровской «европеизации» страны, большинство исследователей сходятся в том, что социальная плата за выбранную модель оказалась слишком высокой, что и привело в конце концов к трем русским революциям, свержению монархии и победе большевиков.

Для Солоневича стремление российских реформаторов, либеральных и левых революционеров ориентироваться на западные модели общественно-политического развития представлялось ошибочным в силу того, что оно приводило к игнорированию конкретно-исторических факторов становления государственности в разных странах (географических, геополитических, климатических и иных обстоятельств). Для России важнейшим из факторов он видит то обстоятельство, что «в последнее столетие существования Московского царства Россия, при среднем населении в 5 миллионов человек,

держала в среднем в мирное время под оружием армию в 200 тысяч бойцов, т. е. около 4 процентов всего населения страны, около 8 процентов всего мужского населения страны и около четверти всего взрослого мужского населения страны»⁸. Экстраполировав эти данные на США (если бы они были «вынуждены содержать шестимиллионную армию все время и пятнадцатимиллионную почти все время»), Солоневич задается вопросом: «Что осталось бы от американских свобод и от американского богатства?».

А Россия вынуждена была на протяжении всей своей истории такую армию «вооружать, одевать и кормить. Для этого нужен аппарат, который реализовал бы воинскую повинность в любом ее варианте и собирал бы налоги – тоже в любом варианте. Для всего этого необходима сильная и централизованная государственная власть. Эта власть еще более необходима для ведения войны вообще, а в войнах не на жизнь, а на смерть – отсутствие этой власти означало бы гибель. Помимо всяких иных соображений (есть и иные соображения) весь ход истории России вел страну к созданию той формы власти, которая на русском языке называется “самодержавием” и для которой адекватного иностранного термина нет»⁹.

Другим аргументом для Солоневича выступает сам характер войн, которые вынуждена была вести Россия и которые он вновь сравнивает с США (как главным образцом демократической модели общественно-политического устройства). Если в ходе становления американской государственности поселенцам пришлось бороться с дикими и разрозненными племенами индейцев, то России «пришлось ломать такие “самые современные” в каждую данную эпоху завоевательные машины, как татарские, польские, наполеоновские или гитлеровские орды». То есть Россия воевала, главным образом, за свое физическое существование и как нации, и просто как суммы «физических лиц»¹⁰. В результате у русских выросла некоторая «гипертрофия государственной дисциплины», а в США «гипертрофированное чувство свободы»¹¹.

Обусловлена перенасыщенная военная сторона российской истории тем, что страна не защищена географически ни от каких нашествий. Другим фактором выступает то обстоятельство, что Россия – «единственное государство мира, отрезанное от морей не только географией и историей, но даже и климатом. Замерзающие реки и моря заставляли русский торговый флот бездействовать в течение трех-шести месяцев в году – и одно это уже ставило наш морской и речной транспорт в чрезвычайно невыгодные условия по сравнению со ВСЕМИ остальными странами мира»¹².

Исходным началом русской государственности было ядро, которое к концу XV столетия имело почти 2-миллионное население и около 50 тысяч квадратных километров территории. «Оно было расположено в самом глухом углу тогдашнего мира, было изолировано от всех куль-

турных центров, но открыто всем нашествиям с севера (шведы), с запада (Польша), с востока и юга (татары и турки). Эти нашествия систематически, в среднем приблизительно раз в 50 лет, сжигали на своем пути все, в том числе и столицу. Оно не имело никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов, даже и хлеба своего не хватало. Оно владело истоками рек, которые никуда не вели, не имело доступа ни к одному морю, если не считать Белого, и по всем геополитическим предпосылкам не имело никаких шансов сохранить свое государственное бытие. В течение приблизительно 400 лет это «ядро» расширило свою территорию приблизительно в 400 раз – от 50 тысяч до 20 миллионов квадратных километров»¹³.

И. Л. Солоневич подчеркивает, что на протяжении столетий России приходилось вести «необычайные по своей длительности и напряженности войны и за свое государственное бытие, и за личное бытие его граждан. Наши основные войны – со Швецией, Польшей, татарами и турками – длились веками, это были войны на измор. Или войны на выносливость»¹⁴. Все эти войны закончились победой России, и главную их причину Солоневич видит в том, что «государственная организация Великого княжества Московского, царства Московского и империи Российской всегда превышала организацию всех своих конкурентов, противников и врагов – иначе ни Великое княжество, ни царство, ни империя не смогли бы выдержать этой борьбы не на жизнь, а на смерть. Все наши неудачи и провалы наступали именно тогда, когда нашу организационную систему мы подменяли чьей-либо иной. Неудачи и провалы выправлялись тогда, когда мы снова возвращались к нашей организации»¹⁵.

И. Л. Солоневич критически оценивает российскую литературу XIX – начала XX в., как «кривое изысканное зеркало русской души», даже лучшие представители которой акцентировали внимание на «лишних людях», на проявлениях недостатков российской общественной жизни, но «все они не хотели, не могли, боялись понять и русскую историю, и русский дух»¹⁶.

Он вполне резонно замечает: «...со всех театральных подмостков России скалит свои зубы грибоедовский полковник – “золотой мешок и метит в генералы”. А где же русская армия? Что – Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ? Или чеховские «лишние люди» строили Великий Сибирский путь? Или горьковские босяки – русскую промышленность? Или толстовский Каратаев – крестьянскую кооперацию? Или, наконец, “мягкотелая” и “безвольная” русская интеллигенция – русскую социалистическую революцию?»¹⁷.

Мыслитель констатирует, что русская литература отразила много слабостей России и ни одной из ее сильных сторон. Более того, он утверждает, что и слабости-то были выдуманные. Главным аргументом является сама история: «...когда страш-

ные годы военных и революционных испытаний смыли с поверхности народной жизни накопленный литературный словоблудия, то из-под художественной бутафории Маниловых и Обломовых, Каратаевых и Безуховых, Гамлетов Щигровского уезда и москвичей в гарольдовом плаще, лишних людей и босяков – откуда-то возникли совершенно непредусмотренные литературой люди железной воли. Откуда они взялись? Неужели их раньше и вовсе не было? <...> Мимо настоящей русской жизни русская литература прошла совсем стороной. Ни нашего государственного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших организационных талантов, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства – ничего этого наша литература не заметила вовсе. По всему миру – да и по нашему собственному созданию – тоже получила хождение этакая уродливая карикатура, отражавшая то надвигающуюся дворянскую беспризорность, то чахотку или эпилепсию писателя, то какие-то поднебесные замыслы, с русской жизнью ничего общего не имевшие. И эта карикатура, пройдя по всем иностранным рынкам, создала уродливое представление о России, психологически решившее начало Второй мировой войны, а может быть, и Первой»¹⁸.

По мнению Солоневича, настоящая реальность таинственной русской души – ее доминанта – заключается в государственном инстинкте русского народа или, что почти одно и то же, в его инстинкте общежития¹⁹. Определяющее начало данного инстинкта он видит как раз в том, что «валы, засеки, сторожки, остроги, станицы и пр. и пр. являются одним из самых важных явлений во всей русской истории. Они были вызваны известными историческими условиями, для постройки их нашлись известные психологические данные, и все это вместе взятое обусловило рождение той исторической формы правления, какой нигде больше в мире не было и нет и которая называется “самодержавие”, т. е. совершенно своеобразное сочетание начал авторитета и демократии, принуждения и свободы, централизации и самоуправления»²⁰.

Начиная с Киевской Руси, по утверждению Солоневича, был заложен «эмбрион русской государственности», основанный на принципах, на которых эта государственность «стояла и будет стоять: уживчивость, организованность, упорство, боеспособность и умение подчинять личные интересы интересам целого»²¹. На наш взгляд, именно в этих принципах действительно заключена квинтэссенция понимания неразрывности развития российской государственности и армии и специфики характера русского народа.

Таким образом, ознакомление с главным трудом И. Л. Солоневича позволяет констатировать, что, несмотря на радикализм и однозначность его негативных оценок постпетровского периода истории России, многие его идеи и размышле-

ния о конкретно-исторических обстоятельствах становления российской государственности, о роли армии в этом процессе не утратили своей актуальности и сегодня.

Как представляется, важным является не только обоснование мыслителем необходимости внимательно относиться к своему историческому наследию и опираться, прежде всего, именно на него в проведении назревших политических и социально-экономических преобразований, но и его понимание специфики Российской армии как института, неразрывно связанного с коренными сущностными интересами своего народа. В этой связи при проведении реформы Российской армии целесообразно помнить, что профессионализация Вооруженных сил в нашей стране не может быть успешной на основе превращения их в наемные структуры, слепо выполняющие приказы своего командования. Сила и боевой дух российских солдат всегда подпитывались тем, что они были плотью от плоти своего народа, понимающего постоянную страшную угрозу своему государственному существованию и осознающего необходимость жертвенного отношения к защите своего Отечества.

Поэтому представление о постоянных внешних угрозах для России и необходимости иметь мощную современную армию – это не паранойя и не архаизм, как пытаются представить многие современные либералы, это отражение всей трагической и героической истории российского народа и российской государственности. Забвение этой истины может привести к самым опасным и необратимым последствиям.

Примечания

- ¹ Солоневич И. Л. Народная монархия / отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
- ² Там же. С. 47.
- ³ Там же. С. 47–48.
- ⁴ Там же. С. 49.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Благова Т. И. Родоначальники славянофильства А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М. : Высш. шк., 1995.
- ⁷ См.: Ахиезер А. С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 3–25 ; Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России : перспективы развития // Полис. 1995. № 4. С. 6–24.
- ⁸ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 93.
- ⁹ Там же. С. 93–94.
- ¹⁰ Там же. С. 94.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 94–95.
- ¹³ Там же. С. 97.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 200.
- ¹⁷ Там же. С. 201.
- ¹⁸ Там же. С. 202.
- ¹⁹ Там же. С. 204.
- ²⁰ Там же. С. 276–277.
- ²¹ Там же. С. 280–281.